



А. В. Ганин
Последние дни генерала Селивачева

А. В. Ганин
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ГЕНЕРАЛА
СЕЛИВАЧЕВА



Неизвестные страницы
Гражданской войны
на Юге России

А. В. Ганин

**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ГЕНЕРАЛА СЕЛИВАЧЕВА**

Неизвестные страницы Гражданской войны
на Юге России

**МОСКВА
Кучково поле
2012**

УДК 929
ББК 63.3(2)
Г19

Рецензенты:

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
В. Б. Каширин (Москва)*

*кандидат исторических наук,
доцент Академии права и управления
С. Н. Емельянов (Курск)*

*Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда в рамках
проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы
Гражданской войны 1917–1922 гг.».*

*Отзывы на книгу можно присылать на электронный адрес
автора: andrey_ganin@mail.ru.*

Ганин А. В.

Г19 Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные
страницы Гражданской войны на Юге России. М.: Кучково
поле, 2012.—320 с., ил.

ISBN 978-5-9950-0250-5

Монография посвящена неизвестным событиям истории советского наступления на Южном фронте в августе–сентябре 1919 г. и роли в них выдающегося отечественного военного деятеля начала XX в. бывшего генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Селивачева. В ходе наступления жизнь Селивачева, командовавшего одной из двух ударных групп Южного фронта РСФСР, трагически оборвалась при загадочных обстоятельствах. В белом лагере считалось, что Селивачев сознательно сорвал операцию красных, поскольку был тайным противником большевиков, за что и заплатил жизнью. В лагере красных одни считали его героем, другие — потенциальным изменником. Автором предпринята попытка на основе широкого круга документальных материалов, значительной части которых никогда прежде не касалась рука исследователя, приоткрыть завесу тайны над произошедшими событиями. В работе впервые детально проанализированы жизненный путь Селивачева, ход боевых действий на фронте группы Селивачева и обстоятельства разгрома 8-й советской армии белыми. В издании публикуются прежде неизвестные уникальные документы из архива семьи Селивачевых. Исследование адресовано широкому кругу читателей, интересующихся военным прошлым нашей страны.

ISBN 978-5-9950-0250-5

© А. В. Ганин, 2012
© Кучково поле, 2012

Сохранивший верность России

Мне повезло быть потомком трех замечательных русских военных начальников времен Первой мировой войны: генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Селивачева, генерала от инфантерии Дмитрия Петровича Зуева (оба — мои прапрадеды), а также зятя В.И. Селивачева и сына Д.П. Зуева — полковника Дмитрия Дмитриевича Зуева (мой прадед). Первый из них стараниями известного военного историка Андрея Владиславовича Ганина стал героем настоящей книги.

Сложность задачи, за решение которой не побоялся взяться автор, не может не поражать: скрупулезное изучение архивов России и зарубежья с целью восстановить мельчайшие детали биографии одного из лучших русских генералов эпохи Первой мировой, участие которого в последующих событиях 1918–1919 гг. представляет настоящий детектив.

Кто предстает перед нами? Русский дворянин, сведения о роде которого теряются в Смутное время начала XVII в. Потомственный офицер, за короткий срок проделавший блестящий путь от подпоручика до генерал-лейтенанта в рядах Русской императорской армии. Прекрасный семьянин, горячо любящий и заботящийся о своем многочисленном семействе. Глубоко верующий православный христианин, пытающийся воспринимать все события как частной, так и общественной жизни с точки зрения веры.

Не это ли один из примеров той цельной личности, которых было так мало всегда, а особенно в последнее время? Не это ли образец для нас, сегодняшних, оторванных от своих корней, не знающих, какое положить основание, боящихся взять на себя ответственность за себя, за семью, за страну?

Восстановление памяти о таких героях земли русской является необходимым и насущнейшим делом после того, как всякая память о них, об их подвигах, об их служении Богу, Царю и Отечеству оказалась стерта вместе с самим именем России. Это особенно важно, когда Россия снова, как и во времена генерала Селивачева, оказалась на распутье, не зная, куда направить свой исторический путь.

Восстановление памяти о нашем славном прошлом, как семейном, так и государственном, должно стать самым убедительным ответом на все призывы забыть, что Россия — это великая тысячелетняя держава, построенная верой, умом и силой миллионов русских богатырей.

Одним из таких богатырей и был Владимир Иванович Селивачев. Он прошел через три войны: Русско-японскую, Первую мировую (или, как тогда говорили, Великую) и Гражданскую. Шаги Селивачева в трагический переломный момент русской жизни 1917–1919 гг. представляют собой пример того, как должен вести себя настоящий русский патриот.

В 1917 г. Селивачев сделал все от него зависящее, чтобы спасти вверенную ему армию от развала и дотянуться до победы над немцем, которая еще в начале февраля казалась столь близкой. И не его вина, что единственное наступление в период безвластия, «руководимого» Временным правительством, не увенчалось успехом. Когда несостоятельность Временного правительства стала очевидной, он не остался в стороне и принял сторону генерала Л. Г. Корнилова, с оружием в руках потребовавшего восстановления порядка. За что и поплатился отставкой со всех постов.

Оказавшись в недавно еще русской Финляндии, он, в отличие от огромного числа русских, отправился не дальше на запад, в Лондон или Париж, а вернулся назад, в Россию. В Россию, которая только что пережила очередную смуту — приход к власти большевиков. В Россию, с которой его почти ничего уже не связывало, ведь вся его семья была с ним,

со службы он был уволен, имущества не осталось. Почему же он вернулся? Это можно объяснить только одним — любовью к Родине. Он не мог и не хотел жить вне своей страны. Из любви, из побуждения разделить все трудности, переживаемые Родиной, из желания послужить ей всем своим опытом и знаниями он вернулся и обрек этим на страдания и гибель себя и свою семью.

Но генерал Селивачев сделал главное: он явил для всех своих потомков, для всех своих соотечественников образец жертвенной любви к Отчизне, он показал, что Родина остается Родиной даже тогда, когда она разрушена врагом внешним, даже когда она покорена врагом внутренним, даже когда впереди ждут только голод, нищета и бесчестие. В этом уникальность его биографии. Тем ценнее рассказ о жизненном и духовном пути этого человека до и во время революции.

Мне представляется, что Селивачев все-таки принимал участие в антибольшевистском заговоре. Взвесив все аргументы «за» и «против», приводимые автором книги, лично у меня сложилось впечатление, что генерал не принял Октябрьскую революцию, а в Красной армии оказался, имея четкое понимание некой сверхзадачи. Такой сверхзадачей, возможно, являлось ведение борьбы с большевиками. Слишком неспешными для столь энергичного генерала были его действия в период управления группой советских армий летом—осенью 1919 г., которое так скрупулезно анализирует автор книги.

Говоря о книге, нельзя не упомянуть историю моего знакомства с ее автором. Чересчур много в этой истории удивительного, чтобы считать произошедшее простым стечением обстоятельств.

Пытаясь найти в Интернете новые материалы о Владимире Ивановиче Селивачеве, я случайно зашел на «Веб-сайт Андрея Ганина». Не обнаружив там сведений о Селивачеве или Зуевых, я, тем не менее, решил отправить электронное письмо ведущему сайта — вдруг у него есть какая-нибудь информация о моих предках. В тот же день пришло ответное письмо, из которого следовало, что подробное стостраничное жизнеописание Селивачева уже подготовлено Андреем Владиславовичем к печати. Можно представить себе изумление

и радость от такого письма — сто страниц (в итоге превратившихся в более чем двести страниц) исторического исследования о прапрадеде, о жизненном пути которого имеешь только самые общие представления!

Но удивительным было и другое: несмотря на все поиски, автору никак не удавалось обнаружить фотографию героя его исследования. В нашем же семейном архиве, собранном моим дедом Дмитрием Дмитриевичем Зуевым (внуком Владимира Ивановича Селивачева и сыном Дмитрия Дмитриевича Зуева), хранится несколько фотокарточек генерала, впервые публикуемых в настоящей книге. На мой взгляд, такое «совпадение» представляется слишком невероятным, чтобы из разряда случайности не превратиться в настоящее чудо.

Не устаешь удивляться тому, с какой точностью автор воссоздает картину последних месяцев жизни Селивачева, протекавших в условиях крайней неразберихи на фронте. Глубина погружения в тему, объем изученных архивных документов, взвешенность и аргументированность суждений и оценок, количество времени, которое потребовалось для осуществления этого исследования, не могут не вызывать самого искреннего уважения.

Показательно и то, что материалы сохранившихся в нашей семье копий протоколов допросов Д. Д. Зуева, в которых он дает Селивачеву подробную характеристику, говорит о последних днях его жизни (основываясь на том, что знали в семье: Зуев был женат на дочери Селивачева Ксении — моей прабабушке), удивительно точно наложились на выявленные А. В. Ганиным документы государственных архивов.

Самое широкое использование всей совокупности сохранившихся документальных материалов, их глубокий анализ автором делают информацию, собранную в книге, поистине уникальной. И мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность А. В. Ганину за этот труд.

Хочется надеяться, что в обозримом будущем увидит свет полная публикация уникальных дневников Селивачева, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива. К сожалению, достоянием общест-венности пока являются лишь их фрагменты. Кроме того,

благодаря данному исследованию удалось установить точное место гибели Селивачева. Это деревня Костомаровка (ныне — село Костомарово) на Дону, под Воронежем, что дает гипотетическую надежду отыскать могилу генерала и установить на ней достойный памятник.

Селивачев, как, впрочем, и огромное большинство офицеров и генералов его эпохи, был воспитан служить России, а не партиям или классам. Я глубоко убежден, что и в Гражданскую войну он сохранил верность своим принципам, долгу, заключающемуся в служении своей стране в условиях того страшного испытания, которому подвергся русский народ в первой четверти XX в. и имя которому революция.

Олег Хлестов

Введение

*И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолений
Конями вытоптаных жнитв*

Максимилиан Волошин

Переломная и трагическая эпоха начала XX в. богата на непростые судьбы. Это утверждение особенно справедливо в отношении офицеров русской армии, оказавшихся перед сложнейшим выбором — с кем быть в годы братоубийственной Гражданской войны 1917–1922 гг. Не случайно сотни офицеров-генштабистов на протяжении всей войны метались между противоборствующими лагерями, подчас не зная, к кому примкнуть, чтобы выжить в непростое время. Однако, даже по меркам той войны, довольно необычной кажется судьба русского генерала и советского военного специалиста Владимира Ивановича Селивачева, погибшего осенью 1919 г. при обстоятельствах, которые до сих пор остаются загадкой для историков.

Имя этого выдающегося военного деятеля России, участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, до сих пор было незаслуженно забыто. Думается, немалую роль в этом сыграл тот факт, что Селивачев в 1919 г. был выдвинут на вершину советского военного Олимпа председателем Реввоенсовета Республики (РВСР) Л. Д. Троцким, чье имя позднее также оказалось на десятилетия вычеркнуто из отечественной истории.

В работах исследователей лишь изредка цитировались небольшие фрагменты дневников Селивачева за 1917 г., опубликованные в журнале «Красный архив» в 1925 г. другим незаурядным советским военным специалистом быв-

шим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным и отражавшие отношение Селивачева к императорской власти и революции. Неопубликованная и бóльшая часть дневников генерала, как и другие документы, связанные с его деятельностью, оставались невостребованными и забытыми.

Предлагаемый вниманию читателей очерк охватывает всю жизнь Селивачева. Однако основное внимание мы уделили периоду Гражданской войны, с которым связаны наиболее загадочные страницы биографии генерала. Служба Селивачева до того времени анализируется нами лишь постольку, поскольку она может давать объяснение его действиям в 1918–1919 гг. и дополнять важными штрихами портретную характеристику генерала.

Центральным событием, рассматриваемым в работе, является неудачное советское наступление на Южном фронте в августе—сентябре 1919 г. (вероятно, чтобы уменьшить его реальное значение вследствие неудачного финала, в советской историографии оно именовалось контрнаступлением). Собственно подготовкой и участием в этой операции в качестве командующего одной из двух ударных армейских групп фактически оказалась ограничена штабная служба Селивачева в Красной армии. Следовательно, анализ участия Селивачева и подчиненной ему группы в Гражданской войне представляет собой исследование непродолжительного периода августа—сентября 1919 г. Тем не менее до сих пор об этом коротком, но крайне важном и чрезвычайно интересном эпизоде истории Гражданской войны было известно крайне мало, а отдельные факты лишь кочевали из работы в работу.

Между тем события в группе Селивачева слишком важны для истории Гражданской войны, особенно в контексте того, что именно в результате провала его наступления белые осенью 1919 г. смогли выйти на подступы к Москве. Автор этих строк взял на себя смелость предложить вниманию читателей подробный обзор истории боевых действий на фронте группы Селивачева и ее остатков летом—осенью 1919 г., основанный на впервые вводимом в научный оборот обширном документальном материале из отечественных и зарубежных архивов.

Для нас представляет интерес дать ответ на целый ряд непростых вопросов. Прежде всего, необходимо проанализировать личный служебно-боевой опыт и взгляды Селивачева на устройство государства и армии, что позволит ответить на вопрос о его отношении к большевикам. Точка зрения Селивачева по самому широкому спектру военно-политических проблем изложена в его обширных дневниках. Остается неясным, как и почему на одном из самых ответственных для судьбы Советской России летом 1919 г. руководящих постов РККА неожиданно оказался бывший генерал, не только не имевший никакого командного и штабного стажа в Красной армии, но даже едва освобожденный из-под ареста по обвинению в контрреволюционном заговоре.

Важно понять, по каким причинам блестяще начатое и тщательно подготовившееся советское наступление завершилось неожиданным и сокрушительным провалом, а белые смогли существенно продвинуться на север для финального рывка к Москве. Интересно разобраться, не было ли в этом провале злого умысла, вызванного возможной деятельностью в руководстве группы Селивачева антибольшевистской подпольной организации. Во всяком случае, на это косвенно указывают как свидетельства некоторых участников Белого движения, так и обнаруженные нами факты массового исчезновения целой группы ответственных штабных работников ранее подчиненной Селивачеву 8-й советской армии в сентябре—октябре 1919 г. Для проверки этой версии мы попытались не только подробно изучить весь ход операций группы Селивачева, но и проанализировать отдаваемые им распоряжения на предмет соответствия их действительной фронтовой обстановке. Немаловажно определить, имел ли какое-либо отношение к антибольшевистскому подполью сам Селивачев и насколько вообще он мог быть лоялен большевикам. Наконец, интересна и упомянутая выше историческая загадка, почему и при каких обстоятельствах в самый разгар операции руководивший ею Селивачев неожиданно скончался. Такое сочетание событий при отсутствовавших до сих пор деталях произошедшего позволяло и позволяет предполагать, что смерть генерала каким-то образом связана с неудачным исходом возглавляемого им наступления.

Чтобы разобраться в этом внушительном перечне исторических загадок, мы изучили всю совокупность доступных нам опубликованных и неопубликованных документов, касающихся событий лета—осени 1919 г. в группе Селивачева. Поиски растянулись на три года. Многие сведения приходилось собирать буквально по крупицам. Основу работы составили материалы свыше 120 единиц хранения восьми архивов — РГИА, РГВИА, РГВА, ГА РФ, архива регионального управления ФСБ по Архангельской области, архива Гуверовского института в США и семейных архивов потомков генералов В. И. Селивачева и А. Е. Снесарева.

В работе были использованы как служебные, так и личные документы Селивачева, оперативная документация подчиненных ему объединений. Был осуществлен сплошной просмотр всех материалов фонда группы Селивачева из собрания РГВА, тщательно изучены материалы фонда 8-й армии за период ее нахождения в составе группы. Значение обнаруженных в этих фондах материалов трудно переоценить. Однако в отложившемся в РГВА фонде 13-й советской армии, часть которой также входила в состав группы Селивачева, практически не оказалось документов, проливающих свет на события августа—сентября 1919 г. Возможно, часть документации попала к белым (например, известно о тайной передаче начальником штаба 13-й армии бывшим генералом А. М. Зайончковским большого количества оперативных материалов противнику в октябре 1919 г.¹) и погибла или находится где-либо в зарубежных архивохранилищах. Помимо этих материалов, были проанализированы документы непосредственно начальства Селивачева — командования Южного фронта, Полевого штаба РВСР и главнокомандующего всеми вооруженными силами советской республики, переписка советского военно-политического руководства, оперативные документы белых (отложившиеся в РГВА и Гуверовском архиве или опубликованные в эмиграции), а также разнообразные мемуарные свидетельства участников событий. Необходимо отметить, что множество архивных

¹ Подробнее об этом: *Ганин А. В.* Саквож генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

единиц хранения по этой теме не только никогда не анализировались, но даже не попадали в руки исследователей.

В ходе поисков впервые удалось обнаружить непосредственные документы о гибели В. И. Селивачева, позволившие развеять ореол загадочности и многочисленные домыслы вокруг его смерти, но вместе с тем приоткрывшие драматическую картину тех дней в штабе группы.

Мы постарались внимательно проследить жизненный и служебный путь генерала Селивачева, его успехи и неудачи к моменту рассматриваемых событий, проанализировать его увлекательнейшие дневники, которые он вел до революции, и те характеристики, которые давали Селивачеву его сослуживцы. Все это позволило составить достаточно полное представление как о личности генерала, так и о его профессиональных и человеческих качествах и приблизиться к ответам на исторические загадки, связанные с последними месяцами жизни героя нашего очерка.

Все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю, после февраля 1918 г. — по новому стилю. В исключительных случаях, относящихся к отдельным событиям на белом Юге, где продолжал существовать старый стиль, приводится двойная датировка. Цитаты воспроизводятся по современным правилам орфографии и пунктуации, явные ошибки исправлены без оговорок.

В сокращенном виде очерк публикуется в сборнике «Величие и язвы Российской империи». Выражаю искреннюю благодарность за ценные рекомендации и содействие к.и.н. О. Р. Айрапетову, С. В. Богданову, к.и.н. Ф. А. Гущину, к.и.н. В. Б. Каширину, А. А. Комиссаровой, А. С. Кручинину, к.и.н. В. В. Поликарпову, И. М. Разиной, М. А. Хайрулину, д.и.н. В. Ж. Цветкову, В. Л. Юшко.

Моя особая признательность внуку В. И. Селивачева Д. Д. Зуеву и праправнуку О. Н. Хлестову, знакомство с которыми обогатило это исследование уникальными документами и фотографиями из семейного архива Селивачевых и Зуевых.

Современные схемы боевых действий подготовлены военным историком О. Е. Алпеевым.

Глава 1. В старой армии

Владимир Иванович Селивачев родился 14 июня 1868 г. в потомственной дворянской семье Санкт-Петербургской губернии. Этот дворянский род восходил к Емельяну Селивачеву, жившему в начале XVII столетия и владевшему землями в Деревской пятине Новгородской земли, и к его внуку Дмитрию Федоровичу Селивачеву — помещику сельца Васкино Спасо-Боровицкого погоста Деревской пятины, жившему во второй половине «Бунташного века»². Род Селивачевых был внесен в дворянские родословные книги Новгородской и Калужской губерний.

Первым представителем рода, посвятившим себя военной службе (о ком документально известно), стал сын Дмитрия — Антон, получивший чин капрала. Его сын Степан Антонович Селивачев, прадед В. И. Селивачева, в 1737–1743 гг. числился солдатом Ингерманландского пехотного полка. Служба Степана пришлась на период русско-шведской войны 1741–1743 гг., в ходе которой шведы безуспешно пытались отвоевать территории, утраченные ими по итогам Северной войны. В 1742 г. Степан участвовал во взятии Вильманстранда, Фридрихсгама и Гельсингфорса в составе войск фельдмаршала П. П. Ласси, на следующий год ходил с галерным флотом до Аландских островов, в 1751 г. был произведен в прапорщики и вышел в отставку поручиком в 1757 г. В отставке служил управляющим, получив к 1762 г. чин титулярного советника. В 1762–1778 гг., до самой смерти, служил воеводским товарищем Темниковской воеводской канцелярии³.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 1989. Л. 6об.–8об.

³ Там же. Л. 8об.–9об.; Д. 1995. Л. 2–2об.

Дмитрий Степанович, дед нашего героя, также был помещиком сельца Васкино и также выбрал военную службу, дослужившись до капитанского чина. В 1822–1826 гг. он служил приставом Воскресенского и Тучкова плавучих мостов Санкт-Петербурга, причем получил в награду орден Св. Анны 3-й степени. Именно Дмитрий Степанович подал прошение о составлении и утверждении фамильного герба Селивачевых. Умер он около 1832 г.⁴

Отец будущего генерала, Иван Дмитриевич Селивачев (29/30.07.1826–22.08.1870), окончил 2-й кадетский корпус, по окончании которого был произведен в корнеты. Служил в Сибирском и Чугуевском уланских, Астраханском кирасирском, Образцовом кавалерийском и Жандармском полках. К концу службы Иван Дмитриевич дослужился до капитанского чина и с 1865 г. командовал Лейб-гвардии Жандармским полуэскадроном. Будучи участником Крымской войны (в период службы в Жандармском полку), он участвовал в форсировании реки Прут летом 1853 г., ходил на Бухарест, в 1854 г. был участником осады крепости Силистрия, в 1855 г. находился в осажденном Севастополе — в Северном укреплении и на Бельбекской позиции. Селивачев заслужил немало наград, в том числе боевых. За отличие при обороне Севастополя был произведен в штабс-капитаны. За годы службы награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени с императорской короной и мечами над орденом и 3-й степени с мечами, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет службы, серебряной медалью за защиту Севастополя и бронзовой в память войны 1853–1856 гг.⁵ Иван Дмитриевич умер рано, в возрасте 44 лет, и был похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Владимиру тогда было только два года.

Супругой Ивана Дмитриевича была дочь коллежского асессора Ольга Васильевна Беляева (14.06.1843–29.01.1919)⁶. Род Беляевых прослеживается по докумен-

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 1990. Л. 16, 38.

⁵ Полный послужной список капитана Селивачева 1^{го}. Составлен 23 сентября 1870 г. // Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

⁶ Подробнее о роде Беляевых см.: *Бовкало А. А.* Беляевы — жители Аптекарского острова // История Петербурга. 2002. № 2 (6). С. 35–39. Материал предоставлен О. Н. Хлестовым.

там с начала XVIII в., хотя он не отличался такой же древностью и заслугами, как род Селивачевых. Дворянами Беляевы (дед В. И. Селивачева по этой линии Василий Иванович Беляев с женой и детьми) стали только в середине XIX в. Последние годы жизни мать В. И. Селивачева провела во Вдовьем доме, скончалась в разгар Гражданской войны и, как и ее муж, похоронена на Смоленском кладбище. В семье помимо Владимира была еще младшая дочь Ольга, родившаяся 9 декабря 1869 г.

Герб рода Селивачевых был внесен в издававшуюся 12-ю часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи и представлял собой «щит, разделенный пополам, в верхней черной половине золотая шестиугольная звезда, в нижней, золотой, черная шестиугольная звезда. Щит украшен дворянским шлемом и короною. Намет на щите черный с золотом»⁷. Изображения звезд обозначали блеск, почетную службу.

По семейной традиции Владимир выбрал военную стезю. В 1886 г. он окончил Псковский кадетский корпус, а в 1888 г. — Павловское военное училище, причем в училище был портупей-юнкером и старшим портупей-юнкером. Свою армейскую службу он начал в рядах 147-го пехотного Самарского полка, квартировавшего в Ораниенбауме, куда был выпущен подпоручиком 9 августа 1888 г. со старшинством с 7 августа 1887 г. Селивачев был человеком целеустремленным. С молодости его отличала сильнейшая тяга к знаниям. Уже 20 августа 1891 г., отслужив положенные три года в строю, молодой офицер был откомандирован для держания вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. Поступить в академию ему удалось с первого раза. В стенах академии пришло известие о производстве в следующий чин поручика (27 апреля 1892 г. со старшинством с 7 августа 1891 г.).

Селивачев благополучно отучился в академии и окончил ее по первому разряду 1 мая 1894 г. За отличные успехи в науках был Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны 18 мая 1894 г., после чего 25 мая приказом по Генеральному штабу № 74 был отчислен от академии

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1579. Л. 2.

к своей части «и вместе с тем для ближайшего ознакомления со службою Генерального штаба в поле, командирован на время лагерных сборов в распоряжение штаба Петербургского военного окр[уга]»⁸.

Молодому выпускнику было выдано 300 руб. на первоначальное обзаведение лошадью. За обучение в академии по правилам того времени он был обязан прослужить четыре с половиной года в военном ведомстве. На время лагерного сбора Селивачев 15 июля был прикомандирован к штабу 37-й пехотной дивизии, а 6 сентября вернулся в свой полк.

Казалось бы, перед ним открывались перспективы блестящей карьеры офицера-генштабиста. Однако вместо этого Владимиру Ивановичу пришлось тянуть суровую армейскую ляжку. В списках Генштаба Селивачев не значился и по Генштабу не служил. Как отмечал впоследствии другой выпускник академии, Н. Е. Какурин, Селивачев окончил академию «без причисления к Генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть ляжку армейского пехотного командира»⁹.

Документов о непереводе Селивачева в Генеральный штаб обнаружить не удалось. В нашем распоряжении есть лишь свидетельства нескольких мемуаристов. Все они, в том числе ссылаясь на рассказы самого Селивачева, сходятся на том, что будущий генерал не был допущен в Генеральный штаб из-за формы головы, которая у него была крайне необычной. Эта история, если она соответствовала действительности, выпукло показывает отнюдь не недостаток самого Селивачева. Она отчетливо демонстрирует один из симптомов тяжелой болезни военного управления поздней Российской империи — порочную, иррациональную и близорукую кадровую политику, при которой наверх часто выдвигались худшие элементы, а лучшие, наоборот, подвергались унижениям и порицанию.

Историю о своем недопущении в Генеральный штаб из-за физического недостатка Селивачев излагал на встрече

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 15.

⁹ Из дневника ген. В. И. Селивачева / Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.—Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

с авиаторами в августе 1917 г. Очевидец вспоминал: «В тесной авиационной семье охотно разговорился считавшийся угрюмым и замкнутым, умный и интересный старик-командир. Он так увлекательно рассказывал, что слушать его было одно наслаждение. Но воспоминания молодости, об академии — звучали какою-то затаенною горечью, которую все чувствовали, но не понимали ее причины.

Должно быть, он это заметил, потому что вдруг выдержал паузу и сказал с непередаваемой иронией: “И знаете... что мне мешало... Вот”... Он снял фуражку, с которой не расставался во время ужина, и указал на свою голову: “Вот, моя голова. Когда я подал прошение о том, что хочу держать экзамены в академию, то там еще думали и решали, можно ли принять в академию человека с такой формой головы”... Он коротко и болезненно рассмеялся. Всем было не по себе... Голова генерала была действительно редкой формы, яйцеобразная, конусообразная, очень вытянутая кверху и совершенно лысая теперь.

— А я в академии им всем и насолил. Кончил первым. Но все же трудно поверить, из-за формы головы меня не перевели по Генеральному штабу... Много мне эта моя голова хлопот в жизни причинила... Впрочем, — теперь ерунда. Об этом не стоит вспоминать»¹⁰.

По свидетельству офицера, знавшего Селивачева, тот «отлично окончил академию Генерального штаба, но не был зачислен в штаб, как тогда говорили, из-за невероятно уродливой формы головы, торчащей у него высоким конусом. Во время японской войны он проявил себя отличным офицером, начал продвигаться по службе и во время германской войны также проявил большие способности, несмотря на форму головы»¹¹.

Один из сослуживцев Селивачева, офицер-генштабист М. Н. Архипов, вспоминал: «Это был замечательный человек и выдающийся военачальник. О нем необходимо сказать несколько слов... Передо мной стоял небольшого

¹⁰ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. 31.12. № 46. С. 10.

¹¹ *Апухтин С.* На фронте после революции // Военная быль (Париж). 1968. Июль. № 92. С. 34; также опубл. в: Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 43.

роста, худощавый человек с большой бородой, бакенбардами и невероятного фасона головой. Голова уходила вверх острым клином; это была сахарная голова, и когда генерал одевал фуражку, то верхняя, острая часть головы выпирала кверху через эту фуражку. Я был предупрежден о его внешности, но невольно взглянул на голову. Этот физический недостаток не повредил его мозги, а скорее обострил их. Умный, строгий взгляд его карих глаз, живость характера, горячая преданность военному делу, настоящий “*feu sacré*” (“священный огонь”) и большая требовательность к своим подчиненным делали его выдающимся военным учителем. Он окончил академию Генерального штаба, но перед выпуском начальник академии будто бы сказал ему, что с таким фасоном головы выпустить его в Генеральный штаб не могут¹². Ко офицерам Генерального штаба генерал Селивачев относился отрицательно и недружелюбно»¹³.

Зять Селивачева Д. Д. Зуев 5 апреля 1931 г. сообщил в показаниях по делу «Весна»: «Умерший генерал Селивачев был скромным армейским офицером из старого дворянского, но разорившегося рода и с большим трудом пробивался вверх. Физическое уродство (вытянутая редькой голова — результат неправильных родов или воспаления мозга в раннем детстве) — закрыли для него дорогу, сначала в гвардию, а потом, несмотря на отличные успехи в академии, — в Генштаб. Он быстрее стал выдвигаться после японской войны, где командиром батальона был ранен при ночном штурме Путиловской сопки»¹⁴.

Современник безапелляционно резюмировал: «Ни одна из военных академий не давала своим питомцам прав на головокругительную карьеру. Пожалуй, даже и пресловутая академия Генерального штаба. Если же из числа питомцев последней и попадались лица, вознесенные судьбою с течением лет на высокие ступени военной или военно-адми-

¹² «Этого он мне сам никогда не рассказывал, и, может быть, это относится к разряду выдумок так же, как и то, что будто бы ему во время японской войны все же предложили должность по Генеральному штабу, на что он ответил, что фасон головы у него не переменялся» (примеч. автора).

¹³ *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1968. Март. № 90. С. 21–22.

¹⁴ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

нистративной лестницы, то исключительно только из числа офицеров гвардии.

Кто из бывших питомцев этой академии станет отрицать, что офицер гвардии, а тем более гвардейской кавалерии не пользовался симпатиями профессуры и конференции академии? Кто станет отрицать, что выдающийся по способностям и успехам, выказанным при окончании академии, офицер армейской пехоты Селивачев не был выпущен в Генеральный штаб только из-за формы головы, очень напоминавшей собою огурец? Кто станет отрицать, что заведомо неспособный, абсолютно не успевший в науках гвардейский гусар граф С. был выпущен в Генеральный штаб только благодаря его графскому титулу и пестрому мундиру Гродненского полка?

И в то же самое время многие из офицеров армии, не смотря на исключительные исполнительность и успеваемость в науках, не выпускались в Генеральный штаб из-за неблагозвучной фамилии или из-за некрасивой внешности, вроде Селивачева.

Так делалась военная карьера в былое время на Руси!»¹⁵

При зачислении Селивачева на архивную службу в 1918 г. отмечалось, что он не был принят в Генеральный штаб «по тогдашним особым условиям»¹⁶.

По возвращении в полк началась обычная строевая служба, как будто в биографии нашего героя и не было блестящего окончания академии. 11 сентября 1894 г. Селивачев был назначен заведующим полковой учебной командой, которую принял 1 октября. Далее последовали годы ничем не примечательной рутинной полковой службы, которые не удостоились даже краткого упоминания в послужном списке офицера. Стоит лишь отметить, что Селивачев в 1895 г. с 18 мая по 18 сентября пробыл целых четыре месяца в отпуску по домашним обстоятельствам с сохранением содержания. Столь длительные отпуска не часто встречались в офицерской среде. Это был максимально положенный в русской армии размер отпуска. Возможно, Селивачев

¹⁵ *Барм А.* На фронте артиллерийского снабжения // Былое (Ленинград). 1925. № 5 (33). С. 198–199.

¹⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

получил его как окончивший академию Генштаба по первому разряду. Селивачев был женат на дочери протоиерея Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Марии Федотовне Гордиевской (1869 года рождения), которая родила ему шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей¹⁷. Как раз вскоре после отпуска у будущего генерала родилась дочь Ксения.

Высочайшим приказом 26 февраля 1896 г. Селивачеву была пожалована серебряная медаль на александровской ленте в память царствования императора Александра III. И все же факт окончания академии периодически давал о себе знать, отражаясь на службе будущего генерала. Например, с 1 по 17 июля 1896 г. Селивачев был командирован в Новгород для участия в полевой поездке офицеров 22-й пехотной дивизии в качестве руководителя. С 5 по 22 августа Селивачев находился в командировке там же, но на этот раз для участия в подвижном сборе 22-й дивизии. 8 января 1897 г. он сдал полковую учебную команду преемнику. Наконец, 9 января 1897 г. Селивачев был прикомандирован к штабу I армейского корпуса для ознакомления с обязанностями старшего адъютанта — должностью, замещавшейся офицерами Генерального штаба. С 27 января он уже официально занял эту должность, на которой находился четыре года до 5 января 1901 г.

6 декабря 1898 г. Селивачев был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а 15 февраля 1899 г. получил разрешение принять и носить румынский офицерский крест ордена Звезды 4-го класса. В период с 16 декабря 1898 по 15 мая 1899 г. Селивачев по предписанию штаба Петербургского военного округа состоял делопроизводителем комиссии по исследованию строя жизни юнкеров Павловского военного училища и кадет 1-го и Николаевского кадетских корпусов. За выслугу лет 8 октября 1900 г. Селивачев был произведен в капитаны со старшинством с 6 мая того же года и с зачислением по армейской пехоте. 5 января 1901 г. он был отчислен от должности старшего адъютанта, которую

¹⁷ Дети Селивачева с указанием дат их жизни: Борис (03.02.1895–21.10.1937), Ксения (25.05.1896–1930-е), Татьяна (05.10.1897–?), Михаил (07.11.1901–23.08.1936), Константин (05.05.1903–?), Анастасия (21.01.1909 – не ранее 1941).

занимал на протяжении четырех лет, и переведен на службу в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского, Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк.

Возможно, несправедливость с непричислением к Генштабу заставила Селивачева, еще будучи обер-офицером, обратить пристальное внимание на плачевное состояние старой русской армии и, прежде всего, тех принципов, на которых она строилась. Глубокий внутренний мир Селивачева, его склонность к серьезным размышлениям о стране и ее вооруженных силах, о нравственных вопросах на протяжении многих лет жизни раскрываются в его удивительном дневнике. Разочарование в российской действительности и самые пессимистические, безотрадные картины стали лейтмотивом записей Селивачева на протяжении многих лет. Интересно то, как оценивал свой дневник сам его автор. Открывая новую запись 29 июня 1902 г., он, например, написал: «Давно не беседовал я с собою»¹⁸. Таким образом, дневник для Селивачева был средством самоанализа и помогал ему профессионально и духовно совершенствоваться. Наконец, дневнику можно было доверить те горестные размышления, которые в офицерской среде могли быть восприняты неодобрительно или даже сочтены крамольными.

19 июня 1901 г. он записал: «Слишком мало практики не только летом, но и зимой на планах — что уж требовать на поездках!? А главная неправильность — руководители вовсе не руководят, не показывают и не учат, а лишь требуют и критикуют что есть силы и умения»¹⁹. Спустя два дня Селивачев размышлял о смысле своей жизни и служения: «Собираются ко мне офицеры и других партий за советом, со своими сомнениями и удивлениями. Поелику возможно помогаю всем и каждому — это, по-моему, наша святая, наша самая великая и почтенная обязанность. Это и есть — “носить тяготы друг друга” и в этом нахожу лучшее утешение, лучшие минуты в моей жизни. Работать, знать, делиться познаниями и помогать — вот идеал нашей жизни, нашего общественного назначения. Боже! Дай силы выполнить

¹⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 114об.

¹⁹ Там же. Л. 4об.—5.

свое назначение во славу Твою!»²⁰ Такие записи вполне характеризуют моральный облик будущего генерала, показывают его глубокую религиозность.

На новом месте Селивачев командовал 3-й ротой полка, был членом полкового суда (20 ноября 1901 (реально — с 10 сентября)²¹ — 21 февраля 1902 г.) и частным руководителем полевых поездок офицеров I армейского корпуса (17–27 июня 1901 г., 07–17 мая 1902 г.).

В дневниках того времени прослеживается неприязнь Селивачева к генштабистам, очевидно связанная с нанесенной в академии обидой. Он уделяет внимание их ошибкам во время полевых поездок и маневров. Из-за ошибки капитана А. В. Геруа войска не туда зашли и пришлось поворачивать назад. Еще ярче описание действий капитана-генштабиста Л. Ф. Тигранова 24 июля 1901 г.: «Итак, мы пошли в левый арьергард. Нас торжественно вел, внимательно следя по карте, Генер[ального] шт[аба] капитан Тигранов — этот злой рок нашего отряда. Подойдя к лагерю, отряд во главе со своим колонновожатым стал отыскивать подходящую позицию, гуляя взад и вперед добрый час времени. Хороший пример того, как не следует поступать офицеру Генер[ального] штаба»²². И далее в тот же день: «Стали батальоны, но вот является офицер Генер[ального] штаба и указывает новый бивак среди деревни. Снова начинается бивачная прогулка с неизбежной руганью по адресу Генерального штаба»²³. Как свидетельствовал знавший Селивачева офицер-генштабист, «младших офицеров Генерального штаба он насмешливо называл “стратегические мальчики”, и меня он встретил учтиво, но холодно и недоверчиво²⁴. Я сразу почувствовал разницу в его отношении ко мне и к адъютанту по хозяйственной части»²⁵.

²⁰ Там же. Л. 5об.—6.

²¹ Там же. Л. 52об.

²² Там же. Л. 39об.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ «Это относится лишь к службе. В частной жизни я был принят в их милой семье как свой: семья состояла из добрейшей хозяйки, Марии Федотовны, и 6 детей. Две из его дочерей были уже взрослыми интересными барышнями» (примеч. автора).

²⁵ *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1968. Март. № 90. С. 22.

Дневник Селивачева доносит до нас потрясающие картины повседневной жизни армейского полка начала XX в. и быта его офицеров. В записи от 17 сентября 1901 г. об офицерах 85-го полка читаем: «Штаб-офицеры — слепые исполнители воли к[оманди]ра [полка]²⁶ без отговорок, но и без разума. Не читая ровно ничего по своему ремеслу, не интересуясь безусловно военной наукой, а вернее, даже и не зная, есть ли такая, они служат лишь для того, чтобы получать жалование, а дождавшись предельного возраста, выйти в отставку. Да и немудрено — штаб-офицерский чин достается им уже на склоне лет, когда ум перестает работать, да и интерес к делу и самосовершенствованию пропадает. И при этих-то условиях вводят производство в подполковники только по старшинству, обрекая всех на подобную жалкую участь. Ни талант, ни работа, ни способности, ничто не может выделить офицера — все вешай на крюк терпения и количества лет службы!!! Грустно, очень грустно за родную армию, имеющую право желать лучших и способнейших руководителей. А рядом с этим — С[анкт-]Петерб[ургское] пех[отное] юнкерское училище — главный поставщик нашей армии — славится взятками. Поступают и кончают там либо по протекции, либо за взятки. Стыд сказать, — священник оценивает познания по количеству уплаченных ему денег... Грустно становится, как подумаешь, что безмозглые головы получают одинаковое право с людьми ума, чести и работы...»²⁷ К сожалению, это наблюдение более чем вековой давности сохраняет свою актуальность.

О глупости и формализме чиновничества по старшинству Селивачев написал 28 сентября 1901 г.: «Не доросли мы еще, видно, до сознания высших целей жизни и службы, не доросли до сознания, что другой в 10 лет делает больше, нежели эти господа в течение 35-ти лет. Награда по годам, но не по заслугам на пользу родному делу!»²⁸

Критика полкового офицера содержится и в записи от 15 ноября 1901 г.: «Виновата наша подлая система и поведение наших г.г. офицеров, на глазах нижних чинов

²⁶ Полком командовал полковник А.-С.В. фон Беккер.

²⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–56об.

²⁸ Там же. Л. 57об.—58.

появляющихся нередко в столь пьяном и непотребном виде, что вызывают со стороны нижних чинов только смех и пересуды.

У нижних чинов нередко занимают деньги, обсуждают с нижними чинами и перед ними поступки товарищей и старших и при них вытворяют всякого рода хозяйственные шахермахерства — противно смотреть на подобного рода панибратства!!!!»²⁹

Продолжением этих размышлений стали фрагменты дневника о продвижении офицеров по службе и о собственной карьере Селивачева: «Уйдя на нестроевую должность, офицер нередко закрывает себе всякий путь дальнейшей карьеры; не вернись в строй, я бы до старых лет сидел бы капитаном — за что, уж позволю спросить, я получил высшее военное образование!! Да, тяжело, как подумаешь, что жизнь ведет, перебиваясь от стены к стене!!!!»³⁰ Через подобные размышления Селивачев шел к четкому пониманию необходимости коренных перемен не только в частных вопросах офицерской службы, но в армии в целом и шире — во всем архаичном и бюрократизированном русском обществе³¹. Вполне возможно, это и стало причиной выбора Селивачева в пользу красных в Гражданскую войну. С другой стороны, глубокая набожность Селивачева, прослеживающаяся по дневникам, слабо сочеталась с атеистическим курсом большевиков (впрочем, Селивачев был далеко не единственным религиозным военспецом в Красной армии).

Забота об армии проявлялась у Селивачева не в одних критических заметках. Несмотря на то что формально он не попал в Генеральный штаб, Селивачев был подлинным представителем интеллектуальной элиты армии. Он много времени уделял самосовершенствованию в военном деле, активно занимался с нижними чинами и офицерами, стараясь повышать их подготовку и расширять кругозор. 30 октября 1901 г. он беседовал с солдатами о памятниках Новгорода Великого, в том числе о памятниках 1000-летию России и Отечественной войне 1812 г. Для беседы он даже

²⁹ Там же. Л. 66.

³⁰ Там же. Л. 66об.

³¹ См., напр.: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 88об.

подготовил картины для показа с помощью «волшебного фонаря» (за неимением таких картин вырезал изображения из книги и промаслил их, приспособив для показа), что вызвало большой интерес³².

Помимо этого он участвовал в подготовке полковой истории и выступал с сообщениями на военно-научные темы для офицеров. 12 октября 1901 г. делал полуторачасовой доклад в офицерском собрании на тему: «Малые маневры в лагерный период 1901 года». Сообщение вызвало нешуточные споры, поскольку речь шла не об абстрактных вещах, а о событиях, имевших прямое отношение к полку. Как отмечал в дневнике Селивачев, «[подполковник] Антипов пытался было оппонировать и доказывать, что он должен был быть впереди (чуть ли не в цепи), ибо это маневры. А что же маневры? Неужели они не служат подготовкою к бою. Да тот, кто на маневрах привык быть впереди, не отвыкнет от этого и на войне, а если и отвыкнет, то, находясь сзади, не сумеет управлять своими частями... Нет, быть впереди хотим для того, чтобы броситься на глаза начальству, а не для того, чтобы управлять частями. А если и управлять частями, то, значит, соваться не в свое дело. Как ни кинь — все клин!!!»³³ Уже 18 октября Селивачев делал второе сообщение на похожую тему: «Большие маневры в 1901 году». На следующий день в дневнике появилась запись об этом: «Сообщение посетил начальник штаба дивизии полковник А. Н. Апухтин. Пришлось прохватить штаб дивизии за их безобразное поведение. Хозяйственные неурядки полка, изложенные в сообщении, не особенно-то пришлись по вкусу командиру полка. Офицерство очень довольно, что хоть кто-нибудь да говорит правду. Впрочем, перед сообщением мнения разделились — нашлись такие, которые утверждали, что в присутствии кого-либо из штаба дивизии я не буду читать так же откровенно и резко, как в первое сообщение. Ошиблись, господа, — не умею кривить душою, да и не вижу нужды»³⁴. Подобная запись, сделанная не на показ, характеризует нашего героя как смелого, прямого, честного и справедливого офицера,

³² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

³³ Там же. Л. 60–60об.

³⁴ Там же. Л. 61.

не боявшегося высказывать неприятную правду высокому начальству. Этими докладами Селивачев не ограничился. 13 января 1902 г. он делал для офицеров сообщение на тему «Война в истории русского мира»³⁵.

С советских времен сложился устойчивый стереотип того, что в старой армии было распространено безобразное отношение офицеров к солдатам. Посмотрим, как относился к нижним чинам Селивачев. 19 октября 1901 г. он записал: «Сегодня умер мой солдатик — Ефим Лежев — прекрасный парнишка, ласковый, приветливый и в высшей степени старательный. Грустно терять тех, к кому успел как-то уж привязаться, тем более, что Лежева я застал еще молодым солдатом, развившимся на моих глазах и на моих же глазах начавшего даже говорить по-русски, ибо до сего говорил плохо (из Архангельских)...»³⁶ В записи от 24 октября Селивачев отразил переживания в связи с похоронами солдата: «На похороны Лежева полковой священник не прибыл, ибо служил в чужой церкви, да, кроме того, велел передать, что придет, если за ним пришлют лошадь... Я его отчитал — нахал поп страшный: деньги любит, с ротами не ведет никакие беседы — удивляться надо, как его не подтянет командир полка»³⁷.

Серые армейские будни скрашивали различные торжества. На страницах дневника сохранились описания офицерских попок, порой завершавшихся для некоторых самым неприглядным образом. Но такой образ жизни не привлекал Селивачева. Для развлечения он участвовал в театральных постановках в качестве суфлера³⁸.

Дневниковая запись от 25 ноября 1901 г. доносит до нас отношение Селивачева к еврейскому вопросу. Как и многим офицерам русской армии того времени, ему был присущ антисемитизм³⁹. Когда в роту Селивачева прибыли семеро новобранцев из витебских евреев, он выстроил их и заявил: «Рота не любит, когда много евреев, ибо они в большинстве случаев отлынивают от занятий и от строя; вам, братцы, остается только доказать своим товарищам, что вы мо-

³⁵ Там же. Л. 78об.

³⁶ Там же. Л. 62.

³⁷ Там же. Л. 62об.

³⁸ Там же. Л. 63.

³⁹ См., напр.: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 55об.

жете быть солдатами не хуже каждого из них»⁴⁰. В ответ призывники обещали стараться. По свидетельству Селивачева, «люди оказались очень хорошими и смышленными при полной любознательности. Подписывая собственные книги новобранцев, был удивлен: “Крейцера Соната”, Самоучитель немецкого языка, Словарь иностранных слов — вот что представлено было мне для подписи»⁴¹. Высокая образованность призывников из евреев резко контрастировала с великорусскими пополнениями, среди которых даже грамотные составляли менее половины⁴². Такой контраст не мог не давать пищу для размышлений автору дневника относительно необходимости распространения образованности в народе. В то же время в разгар Первой мировой войны, в январе 1916 г., именно Селивачев защищал врачей-евреев своей дивизии от антисемитских выпадов их коллег⁴³.

19 декабря 1901 г. в полк прибыл новый его командир Генштаба полковник А.-П.Ф. фон ден Бринкен, с которым Селивачева на многие годы свяжут узы дружбы. Первое впечатление от нового командира было неоднозначным. По мнению офицеров, новый командир был тугодумом, который не мог быстро принимать правильных решений. Дневник Селивачева сохранил словесный портрет Бринкена: «Высокий мужчина, большие седые усы, плешивая голова»⁴⁴. Бринкена связывали с полком воспоминания молодости — его отец за тридцать лет до этих событий командовал в полку батальоном. Новый командир сразу взялся за приведение полка в порядок.

Во время лагерного сбора под Шимском 26 июня — 17 августа 1902 г. Селивачев исполнял должность старшего адъютанта по строевой части и начальника штаба 22-й пехотной дивизии. Начальник дивизии заявил Селивачеву, «что всегда знал меня (Селивачева. — А.Г.) с наилучшей стороны, знал мою работу и мои способности, а потому рад за себя, что получает подобного помощника»⁴⁵. О том,

⁴⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 69.

⁴³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 61об.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

⁴⁵ Там же. Л. 115об.—116.

какую роль сыграл этот лагерный сбор в деле подготовки и саморазвития Селивачева, последний записал в дневнике 4 августа 1902 г.: «Весь этот месяц каторжной работы считаю и месяцем довершения моего образования как офицера Генерального штаба, при полнейшей самостоятельной работе и ответственности»⁴⁶. Следовательно, самого себя Селивачев, несмотря на формальную сторону вопроса, относил к генштабистам. Этот вопрос занимал его мысли, побуждал доказывать свою командно-штабную состоятельность «патентованным» офицерам Генерального штаба.

Не случайно генерал А. И. Деникин отмечал, что академия негативно влияла на психику выпускников⁴⁷. Были даже случаи самоубийств. Нездоровая обстановка вокруг академии не была тайной и для будущего противника — в одном из германских справочных изданий о русской армии отмечалось, что академия Генерального штаба выпускала нервных людей⁴⁸. Примеры болезненного отношения к этому вопросу, даже спустя многие годы, неудачно окончивших академию офицеров тому доказательством⁴⁹. Дневник Селивачева за 1906 г. открывается газетной вырезкой с портретом генерала М. Д. Скобелева, который, как и Селивачев, столкнулся с большими сложностями в связи с учебой в академии, хотя обладал выдающимися способностями. Рассуждая об академической несправедливости в отношении себя, вспоминал Скобелева и атаман А. И. Дутов. Стремление к блестящей военной карьере у неудачно окончивших академию амбициозных офицеров было заметно выше, чем у тех из их однокашников, кто окончил академию благополучно.

Энтузиазм молодого офицера не остался незамеченным. 6 декабря 1902 г. Селивачев был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 6 мая 1903 г. последовало производство в подполковники с переводом в 88-й пехотный Петровский полк. Полк входил в состав I армейского корпу-

⁴⁶ Там же. Л. 124–124об.

⁴⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 118.

⁴⁸ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 147.

⁴⁹ См., напр.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 54–56.

са и располагался в селе Грузино Новгородской губернии, куда Селивачев прибыл 22 мая, а 27 мая получил назначение наблюдающим за учебной и охотничьей командами (сдал должность 18 февраля 1904 г.).

После 4 августа 1902 г. в дневнике Селивачева последовал длительный перерыв вплоть до 7 января 1904 г. Наконец, 7 января 1904 г. он восполнил пробел, написав обо всем произошедшем за полтора года его службы: «Надолго прервал свои записки — не было времени, не было и охоты взяться за перо. А много воды утекло с тех пор. Много пережито и пережито!! Перевод в Генер[альный] штаб не удался, ибо, [как] объяснил генер[ал] [В.В.] Сахаров (нач[альник Главн[ого] штаба), мои сверстники также не переведены⁵⁰. Доканчивал год в полку и, наконец, 6 мая 1903 года был произведен в подполковники с переводом в 188 пех[отный] Петровский полк. Хотя и грустно расставаться с ротой — успел сжиться с нею, сродниться, горячо полюбить ее во всех деталях — но густые эполеты⁵¹ в мои годы (35 лет) имеют много за собой прелестей, чтобы не утешиться.

А с другой стороны сознаешь, что перестаешь быть тем отцом-командиром, тем импульсом военной жизни, который и имеет в наше время особенное значение. Что такое современный штаб-офицер в армейском полку? Если сказать, что это нуль, то будет близко к правде.

Думать, что можешь направить обучение рот, установить на правильных началах несение внутренней службы, руководить образованием г.г. офицеров — о, какое великое, какое жалкое заблуждение!!!...

Распроставшись с полком, прибыл я к новому месту служения — в Петровский полк, собранный к этому времени (22 мая) при Масляницких казармах. Явился командиру полка — полковнику [А.Н.] Апухтину (бывший нач[альник] штаба 22 пех[отной] див[изии]), сделал необходимые визиты.

Полковник Апухтин — тип офицера Генер[ального] штаба, командовавшего 1 год ротой и 4 м[еся]ца баталионом;

⁵⁰ Более чем странное объяснение спустя десять лет после выпуска из академии.

⁵¹ Т. е. эполеты штаб-офицера.

нуль строевых и столько же хозяйственных познаний, на почве стремления писать разносящие приказы при громадной зависимости от заведывающего хозяйством. Очень милый и любезный, полковник Апухтин столь же не сдержан в переговорах, особенно по направлению нелюбимых им г.г. офицеров.

Лично ко мне полковник Апухтин очень любезен, предупредителен и сдержан и даже, более того, чересчур расточителен на похвалы; в общем же, офицерство недолюбливает своего командира и вернее всего за неровный нрав и значительную дозу несправедливости. Вообразить, что можешь быть у него помощником,— глупо; он советуется со всеми вместе, с каждым отдельно и, наконец, останавливается на мнении, никем не высказанном и ничем не оправдываемом, принимая иногда решения, оскорбляющие мнение большинства офицеров.

Высшее начальство (нач[альни]к дивизии) также, видимо, не благоволит к нему — какие к тому причины — сказать не сумею; ходят слухи, что при сдаче штаба дивизии у полковника Апухтина были какие-то недочеты в деньгах штаба — предположение возможное, ибо и в полку, к[оманди]р полка кругом в долгу, преследуя долги среди офицерства...»⁵²

Штаб-офицеров нового полка Селивачев в основном характеризовал резко отрицательно. Подполковник Румель был, по его мнению, не чист на руку. Завхоз подполковник Храмцов держал роты в нищете. Подполковник Каш был чахоточным больным и практически не служил. Подполковник Ткачев вечно пьянствовал и перессорился почти со всеми офицерами. Единственным достойным штаб-офицером был подполковник Юшков, который, по оценке Селивачева, был украшением части⁵³.

Полковые порядки напоминали реалии другого времени и другой армии. Офицеры использовали солдат на работах в своих огородах и на сенокосе. По ехидному замечанию Селивачева, «рота здесь — скорее артель рабочих времен крепостного права, нежели строевая единица»⁵⁴.

⁵² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 124об.—126.

⁵³ Там же. Л. 126об.—127об.

⁵⁴ Там же. Л. 128.

В новом полку помимо других должностей Селивачев занимал пост председателя полкового суда, который, как правило, предоставляли офицерам, безупречным в моральном отношении. Наконец, Селивачев временно командовал 2-м (27 мая — 10 августа) и 1-м (10 августа — 4 сентября и 30 сентября 1903 г. — 26 февраля 1904 г.) батальонами полка, а 18 февраля 1904 г. был назначен командующим 3-м батальоном. С 15 апреля Селивачев значился еще и наблюдающим за учебной командой полка, тогда же был утвержден в должности командира батальона.

19 июля 1904 г. последовала мобилизация на войну с Японией, и 27 августа Селивачев уже был в Маньчжурии. В связи с мобилизацией на Русско-японскую войну Селивачев записал в дневнике: «Корпусу объявлена мобилизация и поход на Дальний Восток! Сколько самых разнообразных впечатлений вызывает это известие. Поход — это желанное для каждого военного, это испытание всего того, что пройдено в период долгого мира. Но готовы ли мы к этому испытанию, понимаем ли мы всю тяжесть предстоящей нам задачи? Нет, 1000 раз нет. Мы погрязли в упоении мирным безделием! Из Петербурга полк перешел для мобилизации по зимним квартирам, и вот началась сумятица. Высшие штабы отдавали приказание за приказанием одно противоречивее другого. Тем же отличались, понятно, и распоряжения полка»⁵⁵.

В своих опубликованных воспоминаниях о Русско-японской войне Селивачев писал: «Что сказать о том материале, над которым предстояло работать? За редкими исключениями, это были прекрасные солдаты и чудные унтер-офицеры, бывшие, по общему отзыву всех командиров рот, лучшими *строевыми* помощниками г.г. офицеров»⁵⁶.

Какова же была реальная картина, не выхолощенная военной цензурой или самоцензурой, видно из дневника. В дневнике Селивачев отразил изнанку мобилизации, о которой не мог позднее сказать в открытой печати: «Партии запасных — это сбор пьяных и необузданно диких бывших

⁵⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁵⁶ Селивачев В. И. Японо-Русская война. Петровцы на Путиловской сопке: (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905. С. 2.

солдат. Много пришлось говорить с ними, чтобы хоть несколько обуздать их инстинкты, дикость их природы. Со стороны младших офицеров и к[оманди]ров рот никакой помощи — все они носились то к семьям, то в Петербург прощаться, закупать разные вещи, хотя для всего этого был почти месяц времени до объявления мобилизации... Ясно было, что не только младшие унтер-офицеры, но и все вообще г.г. офицеры и даже к[оманди]ры рот совершенно незнакомы с новым уставом полевой службы, а главное, не умеют вести обучение нижних чинов этому отделу службы. Младшие офицеры по своим познаниям — полнейшие невежды в деле полевой службы. И эти-то господа становятся во главе, дабы вести в бой своих подчиненных — грустно сознаться!»⁵⁷

При посадке батальона в вагоны присутствовали только сам Селивачев и батальонный адъютант, тогда как все офицеры, побросав роты, отправились прощаться с родными и знакомыми. Комментарий Селивачева звучал как приговор: «Суди их Бог, но для дела, для жизни, для правды — это непонятно, обидно — горько»⁵⁸.

На Дальний Восток батальон отправился в эшелоне из 35 вагонов, где в каждом вагоне в тесноте помещалось по 38–40 человек. Уже на Дальнем Востоке пришлось столкнуться с «прелестями» тыловой жизни — развратом, проституцией, злоупотреблениями. 22 августа Селивачев отметил в дневнике: «И это тогда, когда люди готовятся умереть каждую секунду, когда хочется поглубже заглянуть в свою душу, отдать отчет в своей прошедшей жизни, когда каждую секунду видишь обратную сторону медали — раненых и больных. Как только возможно разговариваю с людьми, подготавливаю их к предстоящему, убеждая глубже всмотреться в себя; рассказываю, как надо охраняться в бою и т.п.»⁵⁹.

Во время Русско-японской войны Селивачев командовал батальоном, проявив чудеса храбрости. Оказавшись на передовой, 21 сентября 1904 г. он записал: «Бой! Сколько в этом слове зловещего и унижительного для человека; как бы ни старались опоэтизировать и возвысить бой,

⁵⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37. Л. 1об.—2.

⁵⁸ Там же. Л. 2об.

⁵⁹ Там же. Л. 12.

оправдать его с христианской точки зрения, все же, по-моему, это противоречит духу христианства»⁶⁰.

Дневник прерывается с 27 сентября по 31 октября 1904 г., чему есть веские причины — 3 октября 1904 г. Селивачев был «при взятии Новгородской сопки ранен ружейной пулей в левую ушную область, причем пуля засела поперек наружного прохода в костях и хрящах»⁶¹. Незадолго до своего решающего боя, 24 сентября 1904 г., Селивачев отметил в дневнике: «В корне военного дела лежит работа каждой отдельной личности, исправное функционирование каждой отдельной части»⁶². Судя по всему, он полагал, что в этом вопросе нужно начинать с самого себя, и стремился к образцовому выполнению своих обязанностей.

Бой за Новгородскую (так называемую «сопку с деревом», названную Новгородской в честь штурмовавших ее бойцов 22-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцированной в Новгородской губернии) и Путиловскую (названа в честь генерал-майора П. Н. Путилова) сопки произошел на заключительном этапе сражения на реке Шахэ 3–4 октября 1904 г. Обе сопки представляли собой отроги одной и той же высоты (западный отрог — Путиловская и восточный — Новгородская), поэтому указание из воспоминаний самого Селивачева, что речь шла об одной и той же высоте⁶³, недалеко от истины. Эта высота находилась в центре расположения русских войск, и овладение ею имело принципиальное значение, поскольку давало возможность контролировать долину реки Шахэ.

За контроль над этими высотами развернулись ожесточенные бои, сопровождавшиеся штыковыми атаками и рукопашной. Для овладения сопками 3 октября был выделен сильный отряд из трех полков 22-й пехотной дивизии — 86-го пехотного Вильманstrandского, 87-го пехотного Нейшлотского и 88-го пехотного Петровского под

⁶⁰ Там же. Л. 62.

⁶¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 24.

⁶² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37. Л. 67.

⁶³ *Селивачев В. И.* Японо-Русская война. С. 16. После войны эта брошюра была переведена на французский язык и опубликована в Париже под названием: *Le Régiment de Pétrowsky sur la Colline Poutiloff*. Paris, 1908[?] (французский перевод хранится в: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 35).

временным командованием генерал-майора В. М. Новикова и 2-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора П. Н. Путилова — 19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Также в атаке участвовали некоторые другие части. Только в бою 3 октября укрепившиеся на высоте японцы потеряли порядка 1500 человек, бригада генерал-майора Ямада была практически уничтожена, наши войска захватили 14 орудий противника и пулемет. Потери наступавших русских войск должны были быть выше. По некоторым данным, атака двух сопок обошлась нашим войскам в 3000 человек убитыми и ранеными⁶⁴.

В своих воспоминаниях Селивачев подробно описал события и собственные переживания после принятия решения о переходе в атаку: «Я перебежал к людям и, крикнув “за мной”, вошел в реку. Ясного отчета себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, а чувствовал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела — так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди — неизвестно, быть может и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведенных людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешел реку снова, перевел еще часть людей и вернулся за остальными. Тут я встретил раненых, командира нашего полка и подполковника Лаврова и, сообразив, что остался в полку старшим, бегом направился к полку. <...>

Подъем на сопку был в высшей степени труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса — “толпа в образе колонны”, впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — “японцы бьют” поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх.

⁶⁴ История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 293.

На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию.

Но, слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку; сильно уже стемнело...

Не доходя до японских окопов, я был свален ударом пули в ухо. Обливаясь кровью, я пролежал несколько минут без памяти, но затем был подхвачен санитаром, который и сделал мне первоначальную перевязку. С помощью полкового адъютанта я перебрался через реку и направился на перевязочный пункт. Но своего пункта я найти не мог, а, воспользовавшись встреченною лошадию, стал искать хоть какой-нибудь перевязочный пункт. Часа через три я, наконец, добрался до отряда Цеге-фон-Мантейфеля.

Желание мое вернуться к полку, командовать которым остался капитан, не осуществилось, так как меня была лихорадка и температура доходила до 40°.

4-го октября на арбном транспорте, под страшным проливным дождем, я добрался до № 4 подвижного госпиталя Красного Креста, бывшего у Фушунской ветки, и здесь провел остаток ночи с 18-ю ранеными японцами.

На следующий день 5-го октября нас поместили в товарные вагоны и в этих *“теплушках”*, на полу, мы провели 5½ дней до Харбина, причем два дня не обедали»⁶⁵.

По итогам боя противники перешли к позиционной борьбе, продолжавшейся до мукденского сражения. За боевые отличия в сражении на реке Шахэ в период с 28 сентября по 5 октября 1904 г. Селивачев был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами (28 ноября 1904 г.) и произведен в полковники (31 мая 1906 г. со старшинством с 4 октября 1904 г.⁶⁶). Однако лавры победителя в сражении за сопки достались не ему.

В то время Селивачев, по всей видимости, еще оставался убежденным монархистом или, во всяком случае, декларировал свою исключительную приверженность импера-

⁶⁵ Селивачев В. И. Японо-Русская война. С. 21–22.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 824. Л. 35.

тору⁶⁷. В брошюре о Русско-японской войне писал он и о тесной спайке офицеров с нижними чинами, которые иногда проявляли трогательную заботу о своем командире⁶⁸. Впрочем, в не предназначавшемся для печати дневнике взаимоотношения офицеров и рядовых излагались им в не столь благостном виде.

Неутешительный итог Русско-японской войне Селивачев подвел в дневниковой записи от 8 марта 1905 г.: «Командиры бригад не делают ничего; они даже забывают то, что когда-то знали; и вот на сопках вся их работа сводится к выравниванию палаток в затылок и т. п. вещах мирно-представительного характера.

Командиры полков — из гвардии — в большинстве случаев тупоумные фейнер-кондитеры, плацпарадные господа, имеющие про запас готовую на все фразу “у нас в гвардии”, а из Генерального штаба — эти делают карьеру, вместо того, чтобы учить, сами учатся и притом той части дела, которая ближе к карману и за которую более всего бывает им недогазумений, т. е. хозяйству. Не зная общества г. г. офицеров, не зная строя вообще, они не стараются поглубже заглянуть в жизнь части и своим просвещенным вниманием поднять массу выше усвоенных ею взглядов. Некогда им — часть для них ценз, от которого хочется отделаться как можно скорее.

К[оманди]ры баталионов — почивут на лаврах предыдущей 30^{ти} летней строевой лямки и, имея перед собою отставку, ругань начальства и полное отсутствие каких-либо познаний, выходящих из предела уставов, не желают работать. Да и для чего?

Ведь отдельной части им не видать как своих ушей, а если они и доберутся до нее, то ведь чересчур ненадолго. Вечная смена к[оманди]ров, из которых каждый является со своими особенными требованиями, окончательно сбили батальонных с толку и отняли всякое желание выработать что-либо. А почтенные годы берут свое — недолго и до желанной отставки. Да ведь и то сказать — как ни работай, цена одна, а из сострадания дослужить до отставки позволят; так стоит ли о чем-нибудь хлопотать-то!

⁶⁷ Селивачев В. И. Японо-Русская война. С. 2.

⁶⁸ Там же. С. 19.

Да, грустная, очень грустная действительность. Выберемся ли мы из нее?!»⁶⁹

Высочайшим приказом 10 апреля 1905 г. Селивачев был назначен комендантом военно-санитарного парохода «Полезный» с оставлением в списках полка, а 5 мая отчислен от должности комбата. По всей видимости, должность коменданта Селивачев совмещал с лечением раны. Комендантом парохода Селивачев устроился по протекции и принял пароход в Рыбинске. Работа позволяла отдохнуть, совершая интересные путешествия по Волге и Каме и выполняющая несложные комендантские обязанности.

Дневниковые записи этого периода наполнены зарисовками природы и внутренними переживаниями. 3 мая 1905 г. Селивачев пишет: «Идем Волгою — места идеальные. Чуден Романово-Борисоглебск, но еще восхитительнее Ярославль. Чудная, тихая, лунная ночь; Волга — красавица во всю ее ширь залита огнями пароходов — напоминает Венецию. Дышится так легко, полною грудью... Яркая полная луна глядится в широкую Волгу, заливая ее своим мягким светом и как бы нежится, купаясь в ней. Ширь, тишина, благодать»⁷⁰. Как видим, дневниковые зарисовки не лишены поэтичности. 27 мая он записал: «Вчера вечером — сильная гроза и проливной дождь. Сегодня очень холодно, пасмурно... Пасмурно и на душе. Тяжело, тяжело невероятно — какая-то ужасная грусть гнетет, гнетет, давит невыразимо — нет упокоения даже и в молитве. Говорит ли это отсутствие работы, интереса или что-либо иного порядка. Бог весть!!»⁷¹

В записи от 12 июня 1905 г. находим философские и мировоззренческие размышления: «Сколько удивительно-ярких уроков дает нам книга из книг — природа!! Но как мало все-таки черпаем мы из этой сокровищницы, как незаметно проходим мы мимо ее явлений, спеша исполнять наши обязанности, нередко мелкие, эгоистичные и пошлые»⁷². Далее Селивачев отмечает: «Мы так привязаны к жизни, мы так

⁶⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37. Л. 85–85об.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2об.

⁷¹ Там же. Л. 11.

⁷² Там же. Л. 19об.

много видим в ней скверных сторон, которые сами же создаем в ней, что забываем все роскошное в ней, все святое, все чудное... Мы боимся верить своему лучшему чувству, мы проверяем и испытываем его со всею холодностью нашего рассудка — послушного орудия нашего эгоизма. Так можем ли мы создать для жизни отраду, можем ли мы петь звонкую песню любви и звуками ее заливать нашу землю, на которой мы, самые жестокие эгоисты, не можем верить лучшему чувству другого?? Выйдут ли из нас люди могучего духа и сильного сердца или нет?»⁷³

По каким-то причинам приступы меланхолического настроения усиливаются, что находит отражение в дневнике. 21 июня Селивачев пишет: «Осенний дождик не переставая бьет по крыше; сыро, холодно и невероятно грустно на сердце... О, если бы кто мог заглянуть в это сердце, одинокое, бесприютное, безответное!!! Ну, а кому оно интересно, кому оно может быть дорого?? Зачем же так тяжела эта жизнь? Ужасно, ужасно... что-то невероятно тяжелое лежит на сердце!! Хочется забыться, хочется вырвать из сердца все, что не принадлежит ему, все, что доставляет ему эти невероятные страдания... Но нет силы, чересчур все это дорого и в то же время так невероятно далеко от тебя... Нет, нет — это не самообман, это не напрасная тревога, беспричинная и глупая...!! Это ужасное чувство безысходного горя, чувство ужасного и вечного одиночества... Это то чувство, которое охватывает меня в минуты боя — смотришь в глаза смерти и так жутко, так тяжело на сердце! Хочется крикнуть от боли, крикнуть так, чтобы одним разом порвать себе все жилы... И в то же время так хочется жить, так невероятно хочется жить...»⁷⁴ Селивачев резюмирует: «Нет, брат, счастье в жизни не про всех написано! Есть люди, на долю которых выпадают только одни страдания, не видные, не заметные, но такие ужасные, такие глупые... А в то же время... Смейся, потешай почтенную публику, исполняй твои обязанности, ищи в них утешения...»⁷⁵

Под впечатлением от встречи с Генштаба полковником Н. А. Даниловым («рыжим») 6 августа 1905 г. Селивачев за-

⁷³ Там же. Л. 20.

⁷⁴ Там же. Л. 25–25об.

⁷⁵ Там же. Л. 25об.—26.

писал в дневнике, рассуждая о новом поколении офицеров и сравнивая его со своим (хотя на самом деле Данилов относился к тому же поколению, что и Селивачев): «И это бы еще ничего, если бы это новое поколение работало лично, следило за жизнью, за наукой, которые шибко идут вперед и вперед... А то ведь будет то же, что и с нами: воспитывались на принципах Наполеона, на Стратегии Леера, витали в облаках фантазий и забыли самую жизнь. Не изучали современной военной техники, не изучали ближайших к нам кампаний 1870–71 и нашей [18]77–78 годов, пригоняли мундиры, ходили церемониальным маршем и забыли про грамотность для солдата и военное образование для офицера и в особенности для генерала...»⁷⁶

31 октября 1905 г. Селивачев сдал пароход и отправился в 88-й пехотный запасный батальон, куда прибыл 13 ноября и 28 ноября получил прикомандирование к этой части. В связи с ранением Селивачев 26 января 1906 г. был принят под покровительство Александровского комитета о раненых и отнесен ко второму классу раненых. По чину подполковника, в котором им была получена рана, ему полагалась пенсия инвалидного комитета в размере 285 руб. в год⁷⁷.

Лишь 19 апреля 1906 г. Селивачеву удалось вернуться в свой полк, в котором он был прикомандирован к нештатной команде. 28 апреля, по возвращении с Дальнего Востока, Селивачев вновь получил в командование 3-й батальон и 1 мая вступил в должность.

В этот период империя уже погрузилась в хаос массовых беспорядков периода первой русской революции, которые тогда ликвидировались силами армии. По мнению Селивачева, изложенному в дневниковой записи 3 июня 1906 г., «все наши брожения в войсках имеют своей подкладкой экономическую неудовлетворенность»⁷⁸. По мере возможности, Селивачев вел разъяснительную работу в полку, стремился отвлечь солдат от втягивания в беспорядки. 18 июня 1906 г. он занимал нижних чинов игрой в крокет, в другие дни солдаты играли в футбол, который

⁷⁶ Там же. Л. 52об.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 3.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 12об.

был для них более увлекателен. Селивачев читал солдатам произведения Л. Н. Толстого «Чем люди живы» и «Упустишь огонь — не потушишь», что вызывало большой интерес солдатской массы. Иногда читались церковные книги, например, произведения священника Петрова. Селивачев разъяснял рядовым методы работы политических партий в целях терроризирования населения⁷⁹. Показательно, что ротные командиры ничего подобного не делали и лишь раздражали Селивачева своей халатностью, рутинерством, безынициативностью и незаботливостью⁸⁰.

Понимая необъятность задачи окультуривания солдат, Селивачев 2 июля 1906 г. записал в дневнике: «О! Много, очень много надо еще времени, чтобы отработать всю нашу серую солдатскую массу; много надо откинуть ненужного в солдатской жизни, много надо переработать нас самих — офицеров, чтобы военная жизнь потекла по новому и здоровому руслу»⁸¹. Далее он переключился на офицерский вопрос. В записи от 5 июля читаем: «Удивительно, как опускаются офицеры в Петербурге, как погрязают в удовольствиях, забывая и роту и службу... Да, много, много надо работать над нашим офицерским составом»⁸².

Селивачев участвовал и в обеспечении государственной безопасности. В частности, в период с 30 августа по 4 сентября 1906 г. он был во главе батальона командирован в Череповец для несения охранной службы. Организация отправки оставляла желать много лучшего — ни солдаты, ни офицеры не знали «для чего, что взять, на сколько времени и т. п. вопросы — как и в кампании [1904–1905 гг.] — terra incognita»⁸³.

4 сентября последовала новая командировка, на сей раз в столицу, в комитет по образованию войск, где с 8 сентября по 30 ноября он состоял членом комиссии по пересмотру устава полевой службы. По всей видимости, недавнего «академика» начальство сочло более подходящим для умственной работы. 27 сентября Селивачев смог украсить грудь еще од-

⁷⁹ Там же. Л. 18об., 23, 27об.

⁸⁰ Там же. Л. 41об.

⁸¹ Там же. Л. 24–24об.

⁸² Там же. Л. 25.

⁸³ Там же. Л. 39.

ной наградой — светло-бронзовой медалью с бантом на ленте, составленной из александровской и георгиевской лент в память Русско-японской войны. Грамотный офицер был замечен в Петербурге и с 30 ноября 1906 по 15 января 1907 г. состоял членом комиссии по пересмотру образцов пехотного снаряжения. Однако и после этого Селивачева не отпустили в полк, взяв в комиссию генерал-адъютанта Н. П. Зарубаева, учрежденную при Главном штабе, в которой наш герой состоял с 15 января по 30 апреля 1907 г. Лишь 10 мая, после долгого восьмимесячного отсутствия, Селивачев вернулся к командованию своим батальоном. Летом ему пришлось временно командовать и всем полком (28 июня — 1 июля 1907 г.).

Дневниковые записи прервались в начале сентября 1906 г. и возобновились только 28 июня 1907 г. Как и ранее, в связи с долгим перерывом автор дневника дал общий отчет о произошедшем почти за год: «Много прожито, много и пережито. Из комиссии в комиссию переезжал я в течение 8 месяцев. Составили Устав строевой пех[отной] службы. Сдали его в комитет, там назначили новую комиссию, которая всеми способами передельвала и переправляла его. Да, кстати, переменялся и председатель комитета: генерала [С.Н.] Мылова сменил генерал [А.П.] Скугаревский; все прежнее стало негодно, а посему и начинай с начала. Где же, наконец, общие принципы всякого дела, где те общие взгляды, которые должны же, наконец, быть присущи нашему делу всем и каждому? Отсутствие их и приводит у нас к мелкому самодержавству, к произволу и неуважению к существующим законам. Комиссия по переснаряжению еще удивительнее: здесь столкнулись требования опыта [Русско-японской] кампании с заскоружным индифферентизмом канцелярий и пошлой наглостью интендантства: представитель американской фирмы, предлагавшей свой материал для снаряжения, самым серьезным образом спрашивал меня: кому и сколько надо дать взятку, т.к. здесь, в техническом комитете, видимо, без взяток ничего не сделаешь. Наконец, попал в комиссию генерал-адъютанта [Н.П.] Зарубаева. Широкое поле деятельности раскидывалось перед комиссией. Но во главе ее был поставлен человек, основным принципом которого было “Не смей свое суждение иметь” и “Командир

части есть Гог и Магог”, а посему все, что клонилось к оздоровлению армейской жизни, все, что хоть сколько-нибудь вливало новую струю в эту жизнь и освещало непроглядную темень армейской карьеры, все это не пропускалось председателем, обрезывалось им и изменялось до неузнаваемости. Закончили комиссию обедом в [зале] “Армии и Флота” и представлением Государю. Благих результатов не ждать. Наконец, вернулся к полку»⁸⁴.

Пребывание в столичном военном округе накладывало отпечаток на службу, в которой немало времени приходилось тратить на подготовку к парадом и смотрам. Между тем Селивачев стремился использовать все время на совершенствование боевой подготовки войск. Шагистику и парадную показуху Селивачев расценивал не иначе как пустую трату времени. Фатальное непонимание армейским начальством действительно важных задач в свете приближавшейся большой войны его ужасало и возмущало. 3 июля 1907 г. он записал: «О Боже, Боже! И это после горького опыта прошлой кампании. Грустно становится за будущее, за судьбу армии при подобной ее подготовке. Что бы сказали великий Суворов и Скобелев!»⁸⁵

6 июля Селивачев отметил: «И это называется смотром?! Это полное игнорирование тактической стороны дела со стороны главнокомандующего может разве развить любовь к делу, заставить высших начальствующих лиц следить за боевыми новостями и готовить свои части к бою?? Нет, тысячу раз нет! Это вновь приведет нас к плац-параду, от которого рукой подать до Мукдена»⁸⁶. Между тем начальство беспокоило не боевая подготовка войск, а, например, отсутствие в том или ином полку на параде «общей ноги». Не случайно 19 августа в дневнике появилась печальная констатация: «В деле подготовки армии делаем твердые шаги назад»⁸⁷.

В это время Селивачев познакомился с главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа великим князем Николаем Николаевичем-млад-

⁸⁴ Там же. Л. 40–41.

⁸⁵ Там же. Л. 44об.

⁸⁶ Там же. Л. 45.

⁸⁷ Там же. Л. 49.

шим, которого он и другие офицеры именовали не иначе как «Августейший жупел»⁸⁸. Инспекции великого князя лишь в исключительных случаях не сопровождалась разносами и руганью. К удивлению Селивачева, лично к нему великий князь отнесся хорошо и даже подавал руку.

С 22 по 30 августа 1907 г. Селивачев находился в командировке в окрестностях Ораниенбаума в качестве руководителя полевой поездки офицеров I армейского корпуса. 11 сентября 1907 г. он вновь командирован в комитет по образованию войск в Петербург. Через 6 дней, 17 сентября, последовало новое назначение от комитета членом комиссии для производства проверки успешности выполнения принятых Офицерской стрелковой школой программ и правильности постановки курса практических занятий. 22 ноября в качестве поощрения Селивачеву было пожаловано старшинство в чине полковника с 3 октября 1904 г.

Наконец, Высочайшим приказом от 9 января 1908 г. Селивачев как старший кандидат на должность командира полка от армейской очереди получил в командование 179-й пехотный Усть-Двинский полк, входивший в состав XX армейского корпуса и квартировавший в Поневеже, на территории Виленского военного округа. Прежний командир полка увольнялся от службы, в связи с чем Селивачев принял полк 31 января (согласие на это назначение Селивачев дал 15 декабря 1907 г., а император санкционировал назначение 19 декабря⁸⁹).

С 19 августа 1907 г. по 28 июня 1908 г. Селивачев не вел дневник, однако, возобновив его, написал о принятии полка: «Почетная должность, громадное положение, но... Готов ли я принять на себя этот апостольский труд? Сумею ли принести пользу? Есть ли у меня достаточные познания, чтобы вести дело обучения и воспитания своей части? Только глубокая вера в помощь Божию, только Надежда на Того, кто ведет все и вся к благой цели Своею Премудростию, дают мне силы принять назначение!!!

Не страшит меня никакая работа, нет — думаю, что сумею поставить нижних чинов. Страшит меня — найду ли

⁸⁸ Там же. Л. 42.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 824. Л. 31, 35–35об.

поддержку в ближайших помощниках — г.г. офицерах: так мало среди них людей не одного только 20^{го} числа, так мало среди них людей, душою и сердцем преданных своему делу!! Да и то сказать — что же у большинства впереди даже в самом лучшем, в самом счастливом случае: рота, рота, рота и... отставка!!! — ужасное сознание!!»⁹⁰ После этого он вновь прекратил вести дневник на долгий срок — до 11 сентября 1911 г.

В 1910 г. в связи с приездом императора в Ригу боевая подготовка полка была свернута и пришлось заняться любимой Селивачевым шагистикой⁹¹. Летом 1910 г. забот прибавилось в связи с передислокацией полка в Сызрань, куда часть прибыла в конце июля. Интересно, что вместе с полком в Поволжье перебрался и его прежний командир генерал-майор Н. Ф. Тунеберг, всячески помогавший своему преемнику.

Первый эшелон встречала депутация с хлебом-солью. Новую стоянку приходилось обустроить с нуля. Прибыв в богатый фруктами район, солдаты начали объедаться и заболеть инфекционными болезнями. Не облегчало положение командира полка и то, что командующим войсками Казанского военного округа тогда был известный самодурством генерал А. Г. Сандецкий. Из-за этого округ даже получил наименование «дисциплинарного»⁹². От других офицеров Селивачев слышал, что Сандецкий — настоящий зверь. К удивлению Селивачева, командующий первоначально отнесся к вновь прибывшему командиру полка хорошо и даже похвалил полковое учение. Более того, Сандецкий издал приказ по округу с лестными для полка словами, что было беспрецедентным явлением за весь период его руководства округом⁹³. 6 декабря 1910 г. Селивачев за отличия по службе был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

Как водится, Селивачев был недоволен низким уровнем подготовки полковых офицеров. Его возмущение отразилось и в дневнике: «Вообще самооценка людей удивительно велика: полное отсутствие скромности, самообладания при

⁹⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 49об.—50.

⁹¹ Там же. Л. 55.

⁹² *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 240.

⁹³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

весьма большом незнании дела — отличительные качества современного офицерства»⁹⁴. Последующие рассуждения еще интереснее: «Прихожу к заключению, что офицер, происходящий из крестьян, не имеет офицерского достоинства: приближенный к нач[альни]ку, как хороший работник, он быстро начинает нахальничать, ищет верховенства не только среди равных, но и среди старших и тем нарушает спокойствие взаимных отношений в офицерской среде. Вообще бывают, но очень редко, счастливые исключения»⁹⁵.

В 1911 г. праздновалось двухсотлетие полка. Подготовка к торжеству была начата заблаговременно. Еще в 1909 г. по инициативе Селивачева началось составление полковой истории, автором которой стал капитан С. Е. Чарнецкий⁹⁶. С полковой историей оказался связан крупный скандал. К юбилею издание было отпечатано за казенный счет, однако автор посчитал тираж своей собственностью и решил продавать экземпляры полку, чем вызвал возмущение офицеров. Из-за скандала Чарнецкий не получил за написание полковой истории орден, на который рассчитывал. Офицеров полка удалось обеспечить экземплярами. Вновь поступающим в полк офицерам Селивачев распорядился книгу продавать⁹⁷. На самих юбилейных торжествах в мае 1911 г. не обошлось без самодурства Сандецкого, пытавшегося в самый последний момент переменить ритуал. Тем не менее Селивачев и его подчиненные вышли из щекотливой ситуации достойно.

О том, чем завершилось командование Селивачева полком, говорится в его дневнике: «Но одновременно с успехами шла и притом быстро интрига: к[оманди]р корпуса, видя постоянный успех полка над 180 полком, а затем и над 47 п[ехотной] див[изией], командир и нач[альни]к коих любимцы Сандецкого, стал придирается к полку всеми мерами: если ничего нельзя было сказать по сути и выполнению маневра, находился какой-нибудь рядовой, не сумевший подойти с рапортом на посту, или какая-нибудь повозка ехала

⁹⁴ Там же. Л. 59об.

⁹⁵ Там же. Л. 59об.—60.

⁹⁶ *Чарнецкий С. Е.* История 179-го пехотного Усть-Двинского полка. 1711—1811—1911 гг. СПб., 1911.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 61об.—62.

не там, где этого желал бы к[оманди]р корпуса. Дело дошло до форменного крика на меня. К этому прибавилась еще и телеграмма Сандецкого, нашедшего в Сызрани много оставленных н[ижних] чинов и заболеваемость брюшным тифом. Окрики и угрозы усилились и, наконец, дошли до того, что к[оманди]р корпуса сказал мне, что моя карьера может пострадать...

Грустно и больно было выслушивать подобные вещи, тяжела была и несправедливая придирчивость на маневрах. Все это так подействовало на меня, что в течение 2^х недель я страдал желчной рвотой. Возражать было невозможно. “Без лести преданный” низкопоклонный [П.А.] Гейсман и слушать не хотел о неправильных требованиях Сандецкого; на разборах это был не командир корпуса, а подлиза-ученик и то 1^{го} класса, не смевший противоречить Сандецкому. Карьеризм чистой воды, подслуживание, трусость и отсутствие знаний практических — вот характерная особенность этого воина-профессора. Большой маневр, произведенный дважды, обрисовал полное отсутствие способности у Гейсмана управлять корпусом, полное отсутствие решимости, полное незнание работоспособности своих частей.

Грустно подумать, что подобные господа поведут нас в бой опять так же, как вели в 1904–5 годах! Где же причина? Она в ненормальной постановке работы старших начальников. Ничего не читая, не выезжая в поле на поездки со своими подчиненными генералами и к[оманди]рами частей, они все дорогое время убивают на осмотры внутренней жизни н[ижних] чинов. Это не военачальники, а полицмейстера и околоточные надзиратели. Они не желают знать, как ведется работа с офицерским составом, а поверяют лишь у н[ижних] чинов знание сведений, обязательных для рядового. Вот почему и на маневрах они заняты не тактикой и стратегией, а болтанием в цепи и проверкой обязанностей стрелка.

Смешно сказать, команд[ующий] войсками, руководитель большого маневра сидел на ротах, приговаривал их к бездействию и совершенно не интересовался духовно-умственной работой нач[альни]ков отрядов.

Удивительно ли после этого, что Гейсман, завидя Сандецкого, прибыл со свитой верхом в цепь бат[альо]на моего

полка и там провел “на глазах начальства” весь бой. Где же было искать нач[альни]ка отряда силою в 22 т[ысячи] человек? Ужас, ужас и ужас!!»⁹⁸

2 ноября 1911 г. Селивачев был назначен командиром 4-го Финляндского стрелкового полка. В командование новым полком он вступил 30 декабря. Видимо, раньше это сделать не позволяли неотложные дела по прежней должности. Высочайшим приказом от 6 декабря 1913 г. за отличия по службе Селивачев был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

22 марта 1914 г. за отличия по службе он был произведен в генерал-майоры, а 2 апреля 1914 г. последовало назначение Селивачева начальником 4-й Финляндской стрелковой бригады⁹⁹, с которой он и пошел на фронт Первой мировой. По некоторым данным, полки бригады стали последними сформированными в мирное время частями русской армии¹⁰⁰. Бригада формировалась в Петербургском военном округе. Начальником штаба бригады стал Генштаба полковник граф С. Н. Каменский¹⁰¹.

Как свидетельствовала очевидец событий, «вероятно, не без основания нас стали называть в других частях “селивачи” (т.е. селивачевцы).

И мы начали работать. Полки надо было сколотить и привить им воинский дух... Генерал Селивачев непрерывно и зорко следил за ходом формирования... Возвращаясь с ученья, генерал Селивачев постоянно экзаменовал офицеров из полевого устава тактическими и другими вопросами, вроде: какова дальность полета пули, можно ли стрелять по закрытым целям и т.п., чем приводил в восторг командира корпуса, генерала барона Бринкена»¹⁰².

⁹⁸ Там же. Л. 62об.—64.

⁹⁹ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 935.

¹⁰⁰ *Бастунов В.* О формировании 4-й Финляндской стрелковой бригады (краткая историческая справка) // Военная быль (Париж). 1966. Сентябрь. № 81. С. 37.

¹⁰¹ Подробнее о нем см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 256–257.

¹⁰² *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1968. Март. № 90. С. 22.

Бригада вступила в войну в составе XXII армейского корпуса (в корпус входили 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Финляндские стрелковые бригады — всего 16 двухбатальонных полков при 8 пулеметах каждый) 10-й армии. Перед отбытием на фронт бригаду приветствовали вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Михаил Александрович¹⁰³.

Новая война стала важнейшим периодом жизни и службы Селивачева. В эти годы он в полной мере проявил свои выдающиеся командные качества, и хотя некоторые его действия вызывали критику и нарекания, показал себя весьма энергичным командиром¹⁰⁴.

20 августа XXII армейский корпус начал выдвижение в поход и приступил к отправке по железной дороге на Августов¹⁰⁵. 21 августа Селивачев со штабом бригады выступил по железной дороге из Таммерфорса. 25 августа бригада прибыла в Августов, высадилась и повела наступление на Марграбово в Восточной Пруссии. В дальнейшем бригада отступила к Августову и 1 сентября заняла позиции возле города в авангарде XXII армейского корпуса. 3–4 сентября Селивачев руководил обороной под Августовым и отходом на позиции у деревень Груски и Ястржембна. 6 сентября бригада дралась под Грусками, при отступлении стрелки Селивачева разрушили шлюзы августовского канала¹⁰⁶. С 10 по 13 сентября бригада находилась в резерве корпуса, а с 14 сентября участвовала в наступлении в составе корпуса. 17 сентября с боем был занят город Сейны, а с 18 по 20 сентября бригада наступала на Сувалки, тогда же произошел двухдневный кровавый лесной бой у деревни Гаврихруда, который Се-

¹⁰³ Там же. С. 23.

¹⁰⁴ Критическую оценку деятельности Селивачева в сентябрьских боях 1915 г. см.: *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. М., 2005. С. 386, 395, 399, 410, 414–415, 417, 420. Впрочем, сам Свечин в дневнике Селивачева за 3 марта 1916 г. был охарактеризован как «дикий по характеру» (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.). В других дневниковых записях отношение Селивачева к Свечину и его инициативам также резко отрицательное. Так, 23 сентября 1915 г. Селивачев записал, что идея Свечина наступать ни на чем, кроме его собственной блажи, не основана (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 44). Кроме того, генерал отмечал скверный характер Свечина, жаловавшегося на всех вокруг. Вполне естественно, окружающие платили Свечину тем же (Там же. Л. 45).

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 2об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 10.

ливачев оценивал как наиболее кровопролитный для его бригады к тому времени¹⁰⁷. Тогда на части 3-й и 4-й бригад обрушился корпус противника. В ходе сражения, как отмечалось в журнале военных действий XXII корпуса, бригада оказалась в критическом положении¹⁰⁸. Тем не менее Селивачеву удалось обратить немцев в бегство. За этот бой генерал был представлен к награждению орденом Св. Георгия 4-й степени, но это представление не прошло¹⁰⁹.

По свидетельству участника тех боев, поручика Я. Демьяненко, Селивачев оказался «очень способным и дельным начальником»¹¹⁰, а в боях под Сувалками немцам было нанесено одно из первых поражений. Бои продолжались непрерывно до начала октября, пока 3 октября бригада не была отведена в резерв командующего 10-й армией в районе Августова, однако уже с 5 октября бои с участием бригады Селивачева возобновились. Высокую оценку этому периоду деятельности Селивачева дал выдающийся военачальник русской армии, командующий 10-й армией генерал В. Е. Флуг, считавший своего подчиненного энергичным командиром¹¹¹.

С 19 октября бригада Селивачева наступала на город Лык, который был занят нашими войсками 24 октября, и бригада стала продвигаться вглубь Восточной Пруссии к городу Арис, также вскоре занятому войсками Селивачева. После этого войска Селивачева выдвинулись к линии озер, где заняли позиции и стали закрепляться на них. В ноябре бригада находилась в корпусном резерве, а затем развернулась позиционная война, и ярких событий в жизни бригады до конца 1914 г. больше не происходило.

Ближайшим помощником Селивачева по управлению бригадой был и.д. начальника штаба бригады, молодой генштабист М. Н. Архипов — выпускник Николаевской военной академии 1911 г. Архипов оставил интересные воспоминания о боевой работе бригады. По свидетельству Архипова,

¹⁰⁷ *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. М., 2009. С. 87.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 22.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

¹¹⁰ *Демьяненко Я.* Бой финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль (Париж). 1960. Январь. № 40. С. 10.

¹¹¹ *Флуг В. Е.* Очерк действий 10 армии в сентябре 1914 года. С. 22. // НИА. V. E. Flug Collection. Box 2.

Селивачев проявлял немалое гражданское мужество, защищая бригаду перед командованием от вовлечения в авантюрные операции: «Селивачев, человек беззаветной храбрости, шедший в самые опасные места, отстоял отход своей бригады после боя под Августовым, где она могла понести отдельное поражение в роли “стратегического авангарда”. А затем на р. Малкиен отказался от боя за переправу широкой реки, где могли быть большие и напрасные потери. Мы не входили тогда в критику вождения войск, но понимали, что доблестные войска имеют плохое руководство»¹¹².

О штабе бригады Архипов писал: «Я должен сказать несколько слов о составе штаба бригады генерала Селивачева. В боях при нем была боевая часть штаба. Всю кампанию 1914 года начальником штаба был автор этих строк, так как настоящий начальник штаба, полковник граф Каменский, был ранен в первом же бою, эвакуирован и вернулся в бригаду в 1915 году, уже на Юго-Западном фронте. Затем был начальник связи — сперва поручик 16-го [Финляндского] стрелкового полка Святогор, но он был убит в первом же бою и был заменен артиллеристом поручиком Сафоновым, потом поручиком Демьяненко. К боевой части штаба принадлежал и командир казачьего взвода, приданного к бригаде, — это был донской казак сотник Шапкин, разделявший с нами всю боевую штабную работу»¹¹³.

Архипов вспоминал об эпизодах осени 1914 г., когда он и Селивачев едва не погибли: «Артиллерийский огонь немцев был, как всегда, подавляющим; снарядов они не жалели и “прочесывали” Орловский лес, проходя очередями чемоданов лесные дороги. Под такой “прочес” попали и мы: генерал Селивачев, я, сотник Шапкин и 3 казака, по узкой дорожке, гуськом, отправившиеся лесом к соседям для ориентировки в обстановке. Неожиданно — очередь чемоданов у самой нашей дороги (точность пристрелки!). Лошади понесли. Когда мы их сдержали, то оказалось, что одного казака нет с нами; вернулись назад, — он лежал убитым»¹¹⁴. В еще более критической ситуации Селивачев с Архиповым ока-

¹¹² *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1969. Январь. № 95. С. 15.

¹¹³ Там же. С. 13.

¹¹⁴ Там же.

зались под Кленовой Гурой, где попали под обстрел двух немецких батарей: «Несколько минут продолжался ураганный огонь, вперемежку шрапнелью и гранатами; при стрельке немцев была настолько точная, что надо удивляться, как мы уцелели (ранена была только лошадь командира бригады кобыла Бирутка, да был прострелен сапог у сотника Шапкина). Гранаты рвались у самого дома, засыпая нас мокрой землей, а шрапнели рвались над самой головой, так что я здесь впервые слышал “звон стакана”: когда шрапнель, разрываясь в воздухе, выпускает свои 265 пуль, то раздается звон ее стального стакана. Через некоторое время, видимо, считая, что здесь все кончено, немцы прекратили эту стрельбу, лишь изредка, для проверки, бросая шрапнель-другую»¹¹⁵.

8 января закаленную кровопролитной борьбой с германцами бригаду Селивачева в составе корпуса перебросили на Юго-Западный фронт (в район Львова), куда она прибыла 19 января. Однако и немцы для спасения Австро-Венгрии также перебрасывали сюда войска с Северо-Западного фронта, образовав Южную армию генерала А. фон Линзингена. Первоначально корпус был включен в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова, а с конца февраля вошел в состав 9-й армии генерала П. А. Лечицкого, оказавшись на ее правом фланге¹¹⁶. Если бы не эта переброска, как полагал Селивачев, бригада должна была испытать печальную судьбу, выпавшую на долю XX армейского корпуса (занял тот же участок фронта), попавшего в начале февраля 1915 г. в окружение в Августовских лесах¹¹⁷. По свидетельству М. Н. Архипова, переброска корпуса происходила крайне медленно и была периодом полного отдыха¹¹⁸.

Буквально на следующий день по прибытии бригада оказалась втянута в позиционные бои на хребтах Мыта и Растично. К 25 января 1915 г. были заняты позиции у деревень Козювка, Росохач, Оравчик. Столкновения здесь продолжались до 28 апреля, после чего начался отход с Карпат.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 55.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹¹⁸ *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1969. Июль. № 98. С. 17.

28 января 1915 г. Селивачев записал в дневнике: «Из штаба армии через штаб корпуса опять требуют целую массу нужных сведений вроде того, сколько было эвакуировано офицеров и сколько из них уже возвратилось и т.п. Сведения эти очевидно нужны для статистики, а никому не приходит в голову подумать, где полкам, сидя в окопах, заниматься подобной статистикой»¹¹⁹. Селивачева справедливо возмущало то, что, требуя отчетности во всем, командование вводило ограничения на расходование снарядов. Активность своей артиллерии помимо урона врагу была важна с моральной точки зрения, для поднятия боевого духа войск. Вскоре ситуация с нехваткой снарядов стала просто катастрофической. Между тем у немцев наблюдался переизбыток боеприпасов. Прибытие во второй половине февраля 1915 г. на позиции противника тяжелой артиллерии, в частности 150-мм тяжелых гаубиц, лишь усугубило разрыв в боевом снабжении сторон¹²⁰. Гаубицы равняли с землей блиндажи и окопы закрепившихся на карпатских кручах русских войск. Немцы использовали также легкую артиллерию и минометы¹²¹. В условиях снарядного кризиса Селивачев активнее использовал действия диверсионного характера — направлял к позициям противника разведчиков, забрасывавших вражеские окопы гранатами¹²².

Развивая сюжет о бюрократизации управления войсками, Селивачев 30 января 1915 г. записал: «Как курьез: установлены следующие срочные донесения: к 10⁰⁰ утра — сведения о разведке; к 9⁰⁰ веч[ера] — сведения о потерях; ежедневно — а) о возвратившихся из числа эвакуированных, б) о числе убитых и без вести пропавших, в) о раненых и больных и эвакуированных, г) о преданных полевому суду. Когда, подумаешь, заниматься этими донесениями и кому, для чего они нужны»¹²³.

День ото дня донесений требовалось все больше. 10 февраля 1915 г. в дневнике записано: «Сегодня получено тре-

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 106об. Впрочем, 13 марта бригаде Селивачева была придана 2-я гаубичная тяжелая батарея из 3 орудий (Там же. Л. 120).

¹²¹ Там же. Л. 119об.

¹²² Там же. Л. 123.

¹²³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

бование ежедневно доносить, сколько выпущено патронов за день артиллер[ийских]¹²⁴ и ружейных — к 7^{мш} часам вечера. — Боже мой, Боже мой, до чего мы доходим: нет часа, чтобы не требовалось какого-нибудь донесения — где уж тут думать о победах!!»¹²⁵ Повсеместный бюрократизм и неэффективное администрирование во многих сферах были среди главных причин гибели Российской империи, однако приходится признать, что уроки прошлого остаются не выученными и по сей день.

На австрийском фронте Селивачев столкнулся со многими отрицательными явлениями, которых ранее не встречал. 1 февраля он писал в дневнике, что военачальники раздувают собственные заслуги, «благодаря непрестанному вранью о числе отбитых атак, здешние генералы без счета награждаются Георгиевскими крестами: ничего не сделавший генерал [В.А.] Альфтан, ради Христа умаливавший о присылке подкреплений, награжден орд[еном] Св. Георгия 3^{ей} степени. А между тем, надо было видеть его состояние, когда прибыли наши полки, — так-то родятся герои и стратеги!!»¹²⁶ В тот же день Селивачев записал: «Боже, Боже мой — где же наше искусство, где наши генералы-стратеги!!»¹²⁷

Селивачев был категоричен в отношении командного состава. Если до войны он ругал старшинство, то теперь критиковал производство за отличия и без правил в мирное время. 3 февраля 1915 г. он написал в дневнике: «Нет, в основании воспитания армии лежат гнилые основы, требующие безусловного искоренения. Едва ли, однако, за это возьмутся серьезно, особенно если война будет победоносна...»¹²⁸ Это серьезное заявление, объясняющее идейный выбор Селивачева в 1918–1919 гг.

4 февраля 1915 г. Селивачев писал о противоречивости распоряжений командования: «Начинают торопить,

¹²⁴ Т. е. снарядов.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

¹²⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 19об. Об этом же свидетельствует и запись в дневнике А.Е. Снесарева от 14 апреля 1917 г. с обзором событий января 1915 г. Не будем судить о степени обоснованности таких оценок, так как существует и точка зрения, что высокая награда Альфтана была вполне заслуженной (*Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. С. 53–54).

¹²⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

¹²⁸ Там же. Л. 24об.

а почему — неизвестно. Странное дело — то у нас запрещают продвигаться “во избежание растяжки фронта”, то требуют “двигаться вперед для очищения долины от немцев”, нет гарантии, что завтра будут ругать за то, что приказывали выполнять сегодня!!»¹²⁹ Без обиняков Селивачев писал о поведении командного состава, когда, например, генерал Альфтан держал 16-й Финляндский стрелковый полк без пополнений по той причине, что это не была «своя» часть. Вывод Селивачева был краток: «Подлые и мерзкие людишки!»¹³⁰

К этому времени Селивачев прочно завоевал авторитет в глазах командира корпуса и своего старого сослуживца, генерала от инфантерии А.-П.Ф. фон ден Бринкена, который даже боялся вызывать Селивачева для доклада, опасаясь оставить позиции без такого незаменимого начальника. Селивачев недоумевал, что бы стал делать командир корпуса в том случае, если бы он оказался ранен или же заболел¹³¹. Бринкен даже справедливо полагал, что Селивачев может спокойно обходиться без офицера Генерального штаба при себе¹³². Самого Бринкена, как и множество старших начальников, Селивачев воспринимал критически, хотя и относился к нему хорошо. По мнению Селивачева, командир корпуса «великолепный по сердцу, но недалекий по уму, окруженный людьми с подлыми взглядами и поступками, которых он не понимает»¹³³. По свидетельству Селивачева, командир корпуса обладал необычайным упрямством, из-за чего доводил до обмороков капитана П. Е. Дормана, служившего старшим адъютантом штаба корпуса¹³⁴.

Селивачеву было присуще и характерное для фронтовиков презрительное отношение к тылу, даже ближайшему. Так, он отмечал, что при штабе корпуса находится множество бездельников, не желающих идти на передовую¹³⁵. 22 апреля 1915 г. он даже записал, что «вообще в корпусе нет общего порядка, нет руководящей идеи, нет власти, которая ре-

¹²⁹ Там же. Л. 29об.

¹³⁰ Там же. Л. 30.

¹³¹ Там же. Л. 33.

¹³² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

¹³³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 68.

¹³⁴ Там же. Л. 70.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

гулировала бы отношения и работу частей»¹³⁶. В начале мая он отметил в дневнике, что «вообще отношение штаба [корпуса] к устройству нашего тыла глубоко возмутительное — они воображают, что перекинуть тыловые учреждения — это все равно что сыграть в шахматы»¹³⁷.

Критиковал Селивачев и генштабистов из штаба XXII армейского корпуса — начальника штаба корпуса генерала Н. Д. Зарина, старших адъютантов штаба капитанов П. Е. Дормана и А. И. Верховского. Генерал Зарин, который, как и Селивачев, вел военный дневник, отвечал тем же. Зарин помнил Селивачева еще по Псковскому кадетскому корпусу, который Селивачев окончил на четыре года раньше. В неопубликованном дневнике Зарина 26 апреля 1915 г. записано следующее: «Селивачев сегодня возвращается на позицию — заходил ко мне и повел речь на тему, что, мол, Дорман устранил меня и командует всем. Очевидно, хочет задеть мое самолюбие и посеять раздор. Дрянненький человечек — насквозь вижу его — он видит, что барон [Бринкен] начинает без него обходиться, видит возрастающее влияние мое, наши дружные отношения в штабе, и вот ему хочется начать с послов раздора. Умный, но вредный господин! Я сказал ему, что очень люблю и уважаю Дормана, во многом одинаково с ним мыслю. Причем я откровенно сказал Селивачеву, что напрасно он хочет играть на струнках моего самолюбия — пользу дела я ставлю выше и мелочам значения не придаю. Он сконфузился и сейчас же перевел речь на другое, и прощались, лобызаясь. Много бы он дал, чтобы раздавить меня. Жалкая личность!»¹³⁸

Однако Селивачев, указывавший на диктат Дормана — младшего офицера Генштаба, — был прав. По свидетельству служившего в штабе XXII армейского корпуса Генштаба капитана Б. Н. Сергеевского, Зарин — «спокойный и милый в обращении... Впрочем, и новый начальник штаба был не у дел, вернее — не у оперативных дел. Последние вел теперь “лично” командир корпуса с капитаном Дорманом»¹³⁹.

¹³⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 17об.

¹³⁸ НИА. N.D. Zarin Collection. Box 1.

¹³⁹ *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. С. 170.

Спор двух генералов рассудил через два года сам барон Бринкен. В своем письме Селивачеву от 25 января 1917 г. он отметил: «С г[енерал-]м[айором] Зариным я, слава Богу, расстался. Писать о нем не буду, скажу только, что я вместо наштакора¹⁴⁰ и помощника имел старшего писаря, хитрого, честолюбивого, неискренного, вселявшего во мне неприятное, гадливое чувство к пресмыкающемуся»¹⁴¹. В другом письме, от 10 февраля 1917 г., обвинения повторились: «С уходом из штаба г[енерал-]м[айора] Зарина стало много лучше. Последнее время своей фальшивостью, неискренностью он настолько действовал мне на нервы, что я буквально не мог выносить его присутствия»¹⁴². Сам же Зарин считал Бринкена нервным и мелочным¹⁴³. Таковы были взаимоотношения внутри русского генералитета, где, как можно заключить, каждый скептически, если не неприязненно, относился к остальным. Сам Зарин не держал зла на Селивачева и в январе 1916 г., поздравляя последнего с праздниками, писал о том, что надеется на возвращение дивизии Селивачева в XXII корпус, «и, быть может, недалеко то время, когда ты снова начнешь ругать меня и мой штаб по старой дружеской привычке»¹⁴⁴.

К сожалению, основания для присущих Селивачеву критических отзывов в отношении корпусного начальства и вообще организации военного управления в русской армии имелись. Дневник генерала рисует фантастические и одновременно удручающие, но, увы, очень типичные для России картины. Например, в разгар боев от начальника бригады вдруг были затребованы документы в историческую комиссию. В дневнике записано: «Сегодня пришло приказание к[оманди]ра корпуса доставить краткое описание действий бригады с 1^{го} января по 7^е февраля с указанием выдающихся боевых эпизодов. Боже мой, Боже мой — какое стремление к возвеличению самого обыденного исполнения своего святого долга!! Нет и не может быть у нас побед, раз только мы больше думаем об описании этих побед!»¹⁴⁵ Еще один

¹⁴⁰ Начальника штаба корпуса.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 9в об.

¹⁴² Там же. Л. 26а об.—26б.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. Л. 20об.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 59б.

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 45об.

язвительный комментарий Селивачева в ответ на это гла-сил: «Не делая, как нужно истории, спешим написать ее!!!»¹⁴⁶

На этом оторвавшееся от реальности командование не остановилось. В начале марта штаб корпуса стал требо-вать ежедневные сведения о состоянии снежного покрова, общем состоянии дорог и температуре воздуха. Как всегда язвительный Селивачев записал в дневнике: «Вот опять но-вое срочное донесение — пожалуй, придется устанавливать на позициях метеорологическую станцию! Ответил Зарину в шуточном тоне, прося прислать барометр и термометр»¹⁴⁷.

Лавинообразное увеличение числа донесений, требуе-мых начальством, воспринималось на передовой как фор-менное издевательство над воюющими и измученными бое-вой жизнью людьми. В марте 1915 г. под предлогом умень-шения переписки количество донесений, наоборот, было увеличено. Теперь от Селивачева ежедневно (!) требова-лись следующие сводки:

- 1) оперативная — к 10.00;
- 2) разведывательная — к 10.00;
- 3) разведывательная — к 16.00;
- 4) оперативная — к 17.00;
- 5) о потерях, погоде, состоянии дорог и температуре — к 21.00;
- 6) о расходе патронов и количестве патронов — к 21.00;
- 7) о числе офицеров по полкам, количестве штыков и рядов в ротах — к 00.00.

Помимо этих сводок ежемесячно 12 и 27 числа нуж-но было предоставлять сведения по формам А и Б, а также еженедельно сведения по форме В. Сверх того проводилась однодневная перепись пленных по особым формам, вклю-чавшим сведения о национальности и вероисповедании.

Начальник бригады горько иронизировал: «Как вид-но — настоящая наука, но только не “побеждать”... Так[им] обр[азом], больше приходится заниматься письменно-стью — нежели делами, заботиться не просрочить “сроч-ные донесения”»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Там же. Л. 44.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 40об.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

Самое интересное, что подобной точки зрения придерживался и начальник штаба корпуса Генштаба генерал-майор Н. Д. Зарин, забрасывавший Селивачева требованиями бесконечных донесений. В дневнике за 1 мая 1915 г. Зарин отметил: «Наверху нет никакого плана. Да и немудрено — для плана надо уметь работать, создавать, а наша вся система вырабатывает людей, знающих лишь текущую переписку и умеющих класть резолюции под диктовку докладчика. Такие господа вряд ли могут создавать планы — в этом я был уверен давно, а теперь с каждым днем убеждаюсь»¹⁴⁹.

Селивачева поражала неинформированность старшего командного состава о положении на фронте. Офицеры штаба корпуса и сам Селивачев не имели представления о том, что творилось на других фронтах, например, в Восточной Пруссии. Не знали и о ближайших театрах военных действий: «Да и о ближайших-то к нам операциях, к Долины, Болехову и Станиславу мы не имеем никакого понятия»¹⁵⁰. Разумеется, пребывание в неведении относительно общего хода боевых действий негативно сказывалось на принятии оперативных решений.

Те, кто отвечал за принятие решений, и сами были не на высоте положения. 14 февраля 1915 г. в дневнике записано: «Генерал [Ф.В.] Сиверс отставлен от должности командующего X армией. Боже мой, Боже мой! Теперь, когда нужна работа людей, не боящихся за “завтра”, когда поздно уже сводить счеты с “неподходящими” начальниками, когда трудно сказать, кто же будет годен вместо отставленного, у нас идет поголовное избиение младенцев; ни один из старших нач[альни]ков не может не сказать: “Сегодня ты, а завтра я” и должны быть готовы изготовляться к отъезду в “резерв округа”. Вот печальное последствие системы мирной подготовки старших начальников — неспособных, безвольных, приспособляющихся, занимающихся всем, только не тем, что ему понадобится на войне, и делающих свою карьеру либо академией только, либо происками и протекцией. Нет, гниль на верхах...»¹⁵¹ Вызывали

¹⁴⁹ НИА. N. D. Zarin Collection. Box 1.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

¹⁵¹ Там же. Л. 10об.—11.

возмущение Селивачева и те методы, которыми действовали русские полководцы. Например, когда ударный кулак для наступления формировался путем обирания и постановки под угрозу войск с других направлений¹⁵².

В дневниковых записях прослеживаются присущие Селивачеву взгляды на управление войсками и ведение боевых действий: «Ничего, кроме наступательного» — вот великий завет великого Суворова — знаем ли мы его достаточно твердо?!!», — задавался вопросом генерал¹⁵³. «О бессмысленные руководители — вместо бесконечной, живой деятельности наступления, вы закапываете в землю всю энергию подчиненных вам частей; вместо заботы о будущем наступлении вы заботитесь лишь о “подлой” (выражение Суворова) обороне; достойна ли армия победы с подобными руководителями?!! Что дали нам бесконечные укрепления против Мазурских озер?!!!»¹⁵⁴

Касательно будущей подготовки войск Селивачев считал необходимым сделать упор именно на боевую подготовку, чаще и шире проводить двусторонние маневры, сократить бессмысленную отчетность, а офицеров Генштаба выгнать из канцелярий в поле на разведки и полевые поездки¹⁵⁵. Селивачев отмечал в дневнике, что в мирное время командиров заставляли отвечать за невычищенную пуговицу у солдата, а за тактическую подготовку никакой ответственности предусмотрено не было¹⁵⁶. «Когда же мы кончим наше незнание?!» — сокрушался он¹⁵⁷. «На войне поздно чему-нибудь выучиться, когда надо уже работать», — считал генерал¹⁵⁸. Селивачев сходил в мнении с Бринкеном, что в стране не было надлежащей военной подготовки населения¹⁵⁹.

Переживал Селивачев и за неудачи 179-го полка, которым командовал ранее: «Сердце рвется от боли за родной полк!!»¹⁶⁰ Некоторые причины неудач русских войск были

¹⁵² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 68.

¹⁵³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 12об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 16–16об.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 3об.—4об.

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

¹⁵⁷ Там же. Л. 30об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 46.

¹⁵⁹ Там же. Л. 53об.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 16об.

очевидны и отмечались генералом в дневнике. Например, 6 марта 1915 г. он записал свои впечатления от инспектирования 16-го Финляндского стрелкового полка: «Говорил с ротами — сердце рвется, видя эти роты: сброд и совершенных неучей, впервые видящих даже винтовку. Составлено только 4 роты, для дальнейшего нет ни винтовок, ни снаряжения»¹⁶¹. Пополнения для армии поступали неподготовленными. Свою роль в этом играл общий низкий образовательный уровень населения страны. Кроме того, войска не были должным образом снабжены самым необходимым и несли жестокие потери из-за нехватки вооружения и боеприпасов. Доходило до абсурда, когда в ротах кричали, что нет патронов, а в ответ из немецких окопов доносилось приглашение приходить к ним, так как у них боеприпасов много¹⁶². Состав бригады к 8 апреля был следующим (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав 4-й Финляндской стрелковой бригады к 8 апреля 1915 г.¹⁶³

Часть	Офицеров	Боевого состава	Штыков	Безоружных	Рот	Рядов в ротах
13-й Финляндский стрелковый полк	26	2472	1765	98	12	73
14-й Финляндский стрелковый полк	21	2024	1695	382	12	70
15-й Финляндский стрелковый полк	23	2415	2076	24	12	87
16-й Финляндский стрелковый полк	22	1520	1200	292	8	75
Итого:	92	8431	6736	796	44	70–87

Некомплект составлял 2864 штыка — т.е. более полка¹⁶⁴.

Сравнение с противником в плане боевой и моральной подготовки было не в пользу наших солдат. Так, рассматривая песенники и молитвенники убитых немцев, Селивачев отмечал, что их с ранних лет воспитывали в патриотическом духе, чего нельзя было сказать о русских солдатах, генерал сокрушался по поводу того, «как мало знает и ценит свою Россию наш воин!!!»¹⁶⁵. Селивачев неоднократно от-

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 50.

¹⁶² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 5об.

¹⁶³ Там же. Л. 92об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 93.

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

мечал важность воинского воспитания со школы, патриотического воспитания с семьи¹⁶⁶. Упоминая о достижениях немцев, Селивачев не упускал и их слабостей. По его свидетельству, они ходили в атаки всегда выпивши¹⁶⁷.

Штаб Селивачева был размещен в деревне Тиссовец. По описанию М. Н. Архипова, обстановка там была абсолютно спартанской: «Штаб бригады все время стоял в деревне Тиссовец и занимал крайний дом деревни, на выходе к востоку. Размещены мы были там тесно: в доме было всего лишь две комнаты; одну, поменьше, занимали начальник бригады и 4 офицера штаба, в другой, большой комнате, спали хозяева, а на полу рядом с ними человек 12 команды связи, наши телефонисты»¹⁶⁸.

17 апреля 1915 г. в день штурма русскими войсками горы Маковка, проходившего в непосредственной близости от расположения бригады Селивачева, генерал записал в дневнике: «Нет у нас военной подготовки, нет воинского пыла, нет интереса к своему делу — мы, вообще говоря, плохие военные люди!!!»¹⁶⁹ Вместе с тем успех на Маковке был воспринят Селивачевым с большим воодушевлением¹⁷⁰.

Впечатляющую некомпетентность демонстрировал и русский командный состав. Психология русского командования отчетливо видна из, казалось бы, незначительного эпизода, описанного Селивачевым. Командование обратило внимание на то, что потери в его бригаде значительно ниже, чем у других. Объяснялось это тем, что Селивачев берег людей и во время артиллерийского обстрела позиций выводил стрелков из окопов в тыл (что было сопряжено с большим риском, например, если бы противник после артподготовки перешел в атаку, а наши войска еще не успели вернуться на позиции)¹⁷¹. Тем не менее корпусное начальство считало, что более низкие потери не требуют придания Селивачеву артиллерии.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 26об.

¹⁶⁸ *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1969. Июль. № 98. С. 19.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 39об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 51об.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 43об.

Заслуживают внимания и наблюдения Селивачева о переменах в высшем командном составе русских войск. Назначение генерала М. В. Алексеева в марте 1915 г. главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта Селивачев расценил негативно. По его мнению, Алексейев был неподходящей кандидатурой, поскольку не командовал ни полком, ни бригадой, ни дивизией, а корпусом — только в мирное время. Селивачев записал в дневнике: «Отличный нач[альни]к штаба армий против австрийцев — будет ли он, нестроевой человек, хорошим полководцем против немцев — это еще очень большой вопрос!? Что-то героям против австрийцев вообще не везет против немцев — вот, что значит другой враг!»¹⁷² Впрочем, в случае с Алексеевым опасения Селивачева оказались напрасными.

Размышляя о русской стратегии, Селивачев 1 апреля 1915 г. отмечал, что России нужно было скорее выводить из войны Австро-Венгрию, поскольку в начале 1915 г. немцы для спасения своего союзника и предотвращения прорыва русских войск в Венгрию стали стягивать в Карпаты огромные силы¹⁷³. Критические размышления Селивачева касались и тактической стороны боевых действий. 7 апреля он отметил: «Вот вам наша стратегия — вместо указаний задач, линий сопротивления, вместо согласования работы соседних частей и т.п. — гонка за трофеями, сыск по части чужих частей, прибывших в состав корпуса, и т.п. — Мирная работа ни к чему не подготовила, да и не могла подготовить наших старших начальников!!!»¹⁷⁴

Вместе с тем дневник открывает нам удивительные для сегодняшнего дня картины человеческой заботливости и непоказного патриотизма. 20 февраля 1915 г. супруга Селивачева прислала мужу 50 пар белья для нижних чинов бригады¹⁷⁵. Белье было передано в 13-й Финляндский стрелковый полк, где пришлось очень кстати, так как солдаты безвылазно сидели в окопах и не могли ни помыться, ни постирать вещи. Кроме белья из дома были присланы пирожки. При-

¹⁷² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 57об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 86–86об.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

чем, как отмечал в дневнике Селивачев: «Пишет, мое сокровище, хороши ли ее пирожки и следует ли их посылать, если представится случай!! У нас тут все, что из дома, имеет особую, необъяснимую ценность и вкус...»¹⁷⁶

В период горной войны в Карпатах русские войска испытывали различные технические изобретения. В частности, в бригаде Селивачева во второй половине февраля 1915 г. несколько дней испытывали фугас, изобретенный поручиком Грицкевичем. Фугас с гранатой и пероксилиновыми шашками закладывали перед линией окопов, привязывая к хвосту гранаты шнур для дистанционного подрыва, который протягивали в окоп. При приближении противника осуществлялся подрыв. Подобное устройство предлагалось даже скатывать с карпатских гор на санках, но реализовать такой способ технически не получилось¹⁷⁷. Помимо этого в бригаде испытывали перископы для наблюдения за противником из окопов¹⁷⁸.

Пленные немцы заявляли: «Русских, видно, не выгнать из Карпат»¹⁷⁹. Не случайно талантливый военный историк и публицист А. А. Керсновский утверждал, что горная война в Карпатах по своей сложности и героизму превосходила легендарный переход Суворова через Альпы: «Каково было в продолжение шести месяцев брать каждый день по Чертову мосту, да еще защищаемому пулеметами? А ведь боевая работа 3-й и 4-й стрелковой бригад, 65-й, 78-й дивизий, VII, VIII, XII, XXI, XXII, XXIV и III конного корпусов как раз и состояла в этом! И по окончании горного похода войска эти ждал не отдых в Фельдкирхе, а двухнедельное побоище на Сане, затмившее все предыдущее, и затем три месяца непрерывных боев»¹⁸⁰. Керсновский отмечал: «Финляндские стрелки XXII корпуса получили боевое крещение в сентябре 1914 года в Августовских лесах. Но настоящую свою славу стяжали они в Карпатах в первую зиму войны геройской,

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 4. Подробнее о минной войне на участке XXII корпуса в Карпатах см.: Г. К. Подземная минная война в Карпатах и наши саперы // Военная быль (Париж). 1969. Март. № 96. С. 18–26.

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 42об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 56об.

¹⁸⁰ Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М., 1994. С. 171.

превзошедшей Шипку, защитой Козювки... Четыре финляндские бригады два месяца подряд держали мертвой хваткой всю Южную германскую армию Линзингена...»¹⁸¹

Во второй половине апреля 1915 г. бригада Селивачева была переименована в дивизию, а 12 мая 1915 г. Селивачев был высочайше утвержден ее командующим. О том, какой характер носили бои на участке Селивачева, свидетельствует дневниковая запись от 4 мая 1915 г.: «После отбитой атаки к[оманди]р 16^{го} полка доложил, что против одной из рот такое количество трупов, что скоро нельзя будет из окопов стрелять... Ужас!!!»¹⁸² При этом к самому себе Селивачев предъявлял повышенные требования: «В переживаемое тяжелое время нельзя поручить дела только дежурному офицеру — нужно бодрствование человека, знакомого с обстановкою и с ходом дела... значит, нужно бодрствовать самому по очереди с офицерами Генер[ального] штаба... особенно, имея в виду слабо подготовленный офицерский командный состав до к[оманди]ров полков включительно»¹⁸³.

Храброго, талантливого и трудолюбивого командира заметили. 26 февраля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами, а 27 марта 1915 г. мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени. Приказом войскам 8-й армии от 18 апреля 1915 г., утвержденным Высочайшим приказом от 10 ноября 1915 г., Селивачев был за упорные бои с 25 января по 27 февраля 1915 г. у деревни Росохач награжден Георгиевским оружием¹⁸⁴.

Но даже в наградном вопросе Селивачев демонстрировал самостоятельный взгляд на вещи. Он плохо относился к наградам, считал, что не был их достоин, хотя на самом деле кто, как не он, в отличие от многих других генералов, был подлинным героем и тружеником войны. Селивачева удручали многочисленные несправедливости в наградном вопросе — вручение боевых наград тыловикам, незаслуженное награждение недостойных, представления к георгиевским наградам тех, кто никаких подвигов не совершал.

¹⁸¹ Там же. С. 187.

¹⁸² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 27об.

¹⁸³ Там же. Л. 28об.—29.

¹⁸⁴ Описание подвига см. в приложении.

В его глазах награды к 1915 г. сильно девальвировались¹⁸⁵. 10 марта 1915 г. в связи с поздравлениями по поводу награждения орденом Св. Станислава 1-й степени Селивачев записал в дневнике: «Противна для меня всякая награда теперь, когда я вижу, как производится награждение...— все ложь и мерзость!!»¹⁸⁶ Командир корпуса, наоборот, считал, что Селивачев получил крайне незначительную награду, тогда как сам генерал полагал, что для него орден Св. Станислава — слишком большая награда¹⁸⁷. Едва ли можно считать, что генерал рисовался, ведь все эти мысли он доверял своему дневнику, предназначенному для самоанализа.

Когда посыпались поздравления с награждением Георгиевским оружием, Селивачев в свойственной ему манере написал ответ командиру корпуса: «Сегодня послал ответное письмо к[оманди]ру корпуса: благодаря его за присылку мне Георгиевского темляка, я пишу, что считаю себя недостойным тех наград, которые я получил уже, а тем более орд[ена] Св. Георгия, т.к. считаю, что за бригадой нет никаких “подвигов”, а лишь исполнение своего долга; пишу, что это мое мнение, но что полкам внушаю гордиться своими “подвигами”, в которые я лично не верю и которые едва ли возможны при том составе дивизии, как теперь. Прошу к[оманди]ра корпуса исполнить одну мою просьбу — не поднимать больше вопроса о награждении меня орденом Св. Георгия, прося верить, что если Господь судит остаться живым, то, исполнив свой долг перед Родиной, я по окончании войны навсегда покину службу, т.к. интереса к ней уже не будет, а все перенесенное за 2 кампании оставило на мне столь тяжелые и неизгладимые следы, которые потребуют серьезного лечения; служить же больным считаю [для] себя нечестным...»¹⁸⁸

Однако вскоре Селивачеву была пожалована следующая георгиевская награда. Высочайшим приказом от 1 сентября 1915 г. Селивачев за отличие в бою 7 мая 1915 г. у деревни Гай Вышний (между городами Дрогобыч и Стрый) был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, 10 июля

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 48об.

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 11об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 13.

¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 52–52об.

он удостоивается ордена Св. Анны 1-й степени с мечами за бои в период с 24 октября по 1 декабря 1914 г., а 8 октября 1915 г. — ордена Св. Владимира 2-й степени с мечами за бои с 28 февраля по 15 апреля 1915 г. (первоначально за это он был представлен к чину генерал-лейтенанта¹⁸⁹) и Высочайшего благоволения.

На обстоятельствах, при которых Селивачевым 7 мая 1915 г. был совершен подвиг, следует остановиться подробнее. В двадцатых числах апреля 1915 г. по причине тяжелых потерь и в условиях неограниченного боезапаса артиллерии противника XXII армейский корпус перешел к обороне на Карпатах¹⁹⁰. В результате Горлицкого прорыва германо-австрийцев русские войска были вынуждены с боями отступать из Западной Галиции и оставить карпатские перевалы, чтобы закрепиться в Восточной Галиции, воспользовавшись рубежами рек Сан и Днестр. С 30 апреля XXII армейский корпус с арьергардными боями отходил на Стрыйскую укрепленную позицию. Отступавший корпус действовал уже в составе 11-й армии генерала Д. Г. Щербачева.

Формулировка приказа о награждении Селивачева орденом Св. Георгия 4-й степени была следующей: «За то, что 7 мая 1915 г., когда австрийцы в превосходных силах атаковали его позицию у д. Гай Вышний и в нескольких пунктах прорвали ее, генерал-майор Селивачев, находясь под сильным огнем противника, организовал и предпринял контратаку, в результате которой отбросил австрийцев за д. Семеновку, а затем перешел в наступление частями своей дивизии и укрепился на заранее намеченной позиции, чем обеспечил положение войск своего корпуса»¹⁹¹.

Что же произошло в тот день? Накануне на участке дивизии Селивачева сложилась критическая ситуация. С 19 часов 6 мая австрийцы (против дивизии находились 38-я и 40-я гонведные дивизии и бригада полковника Ферстера¹⁹²) открыли ураганный артиллерийский огонь по позициям 14-го и 16-го

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 218об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 14. Л. 27об.

¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 131.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 106. Подробное описание подвига см. в приложении.

¹⁹² РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 23об.

полков, после чего атаковали по всему фронту этих полков, нанося главный удар по правому флангу позиции. Артобстрел был такой силы, что уже к 21 часу окопы трех рот 14-го полка были практически срыты, окопы остальных рот сильно повреждены¹⁹³. Тем не менее финляндцы отбили несколько атак. Лишь к 2 часам ночи артиллерия противника стихла, но через час австрийцы пошли в атаку и возобновили артобстрел. Стрелки 13-го и 14-го полков, как отмечалось в журнале военных действий корпуса и в других документах, участвовали в страшной штыковой схватке¹⁹⁴. В бою погиб командир 2-го батальона 14-го полка капитан Сомов, были заколоты штыками командиры 8-й и 9-й рот штабс-капитан Тонких и подпоручик Орлов. Прапорщики-командиры трех других рот были ранены и остались на поле боя. Ранены и подобраны своими командиры еще двух рот. Австрийцы смогли прорваться на участке 14-го полка, причем ширина прорыва достигала версты. В результате боя были перебиты телефонные провода 14-го полка, связь (в том числе с батареей) приходилось поддерживать с помощью посыльных, что снижало эффективность обороны, снарядами были разбиты и три пулемета полка. 14-й полк понес большие потери. Так, из 8-й роты уцелело только 6–7 человек¹⁹⁵. Большие потери были и в других ротах, но и противнику этот успех обошелся дорого. Как сообщал впоследствии временно командующий 14-м полком подполковник Боровский, «потери противника очень велики, превосходят наши, по крайней мере, в два раза. В некоторых местах были целые груды тел, а некоторые окопы были совершенно завалены трупами»¹⁹⁶.

Переменчивая обстановка вызвала панику, в результате которой приказы не выполняли не только нижние чины, но даже офицеры. Около 5 утра две группы стрелков неустановленного полка, подняв белый носовой платок и белый флаг, добровольно сдались австрийцам¹⁹⁷. 14-й полк отходил на тыловую позицию на восточной окраине деревни

¹⁹³ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 215об.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 143об.; Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 216–216об.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 218.

¹⁹⁶ Там же. Л. 220.

¹⁹⁷ Там же. Л. 222.

Делява, причем командир полка лично ходил на разведку, так как стрелки были готовы сдать в плен.

Наступавшие австрийцы зверствовали. На позиции 14-го полка трудились безоружные рабочие, которые были захвачены противником в плен. Чтобы они в сложной боевой обстановке не смогли убежать, австрийцы перебивали им ноги¹⁹⁸.

Лично наводить порядок и останавливать отступавших приходилось самому Селивачеву. Он приказал двинуть в бой последний резерв — три роты 13-го полка. По приказу командира корпуса на выручку Селивачеву и для прикрытия отхода дивизии утром 7 мая был направлен батальон 5-го Финляндского стрелкового полка¹⁹⁹, вместе с которым Селивачев выступил в направлении противника. По свидетельству командира полка полковника Н. Н. Шиллинга, в том бою «Селивачев, ввиду создавшейся серьезной обстановки, лично находился в передовых частях, ободряя своим присутствием стрелков, которых артиллерия противника положительно засыпала ураганным огнем. Спокойно отдавая распоряжения и направляя роты на более угрожаемые пункты, генер[ал-]майор Селивачев своим мужеством, спокойствием вселял стойкость и твердость в своих подчиненных, а та энергия, с которой отдавались распоряжения, придавала еще больше энергии подчиненным начальствующим лицам. Присутствие генер[ал-]майора Селивачева среди стрелков поднимало у них дух, и его приказание атаковать и отбросить прорвавшиеся части австрийцев было немедленно приведено в исполнение...»²⁰⁰

Организовав оборону 5-го полка по дороге на деревню Семеновка, Селивачев направился в деревню Делява, где находился штаб 16-го полка. Оценив обстановку, Селивачев распорядился отвести войска на тыловую позицию и оборонять ее во что бы то ни стало²⁰¹. Однако утром тыловую позицию пришлось оставить, но затем стрелки перешли в контратаку и сбили австрийцев, вернув тыловую

¹⁹⁸ Там же. Л. 219об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 194.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 222.

²⁰¹ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 34об.—35.

позицию. К обеду Селивачев получил значительные подкрепления, что позволило стабилизировать положение. Более того, предполагалось перейти в наступление. Для артиллерийской подготовки атаки были сосредоточены 18 легких орудий, 3 гаубицы и 3 тяжелых орудия²⁰². Переход в наступление был привязан к прибытию на усиление войск Селивачева бригады 69-й пехотной дивизии (бригада прибыла утром 8 мая). Впрочем, группируя артиллерию, командование не обеспечивало ее снарядами. По данным на 7 мая, в парковом дивизионе было только 24 фугасные бомбы и лишь около 22 часов было выдано 211 шрапнелей и 48 гранат²⁰³. В итоге решено было от неизбежно сопряженного с большими потерями неподготовленного наступления отказаться, закрепившись на тыловой позиции.

В подробном донесении Селивачева командиру корпуса от 12 мая 1915 г. об этом бою говорилось: «Считаю долгом донести, что очень большие потери, понесенные частями дивизии на позиции у Дрогобыча и особенно в последнем бою, имеют, по моему крайнему убеждению, две причины: 1) общее состояние частей дивизии и те условия, в которых работали и работают на Карпатах, и 2) мою личную вину по управлению дивизией с момента прибытия на позицию у Дрогобыча.

Обращаясь к первой причине, я позволю себе сказать, что с момента прибытия в Карпаты бригада, а затем и дивизия не имела абсолютно ни одного дня отдыха; на долю 8^{ми} ослабленных батальонов выпадали 8–9^{ти} верстные позиции, непрерывно укрепляемые и совершенствуемые самими полками, без какой-либо посторонней помощи. Позиции эти стойко удерживались защитниками и отдавались лишь по приказанию.

Сверх этих позиций непрерывно подготавливались и тыловые позиции опять-таки средствами самой дивизии без всякой помощи извне. До спуска в долину этими же своими средствами устраивался и тыловой путь, потребовавший в силу местных условий громадных трудов, не прекращавшихся до самого выхода из гор.

²⁰² Там же. Л. 45об.

²⁰³ Там же. Л. 47об.

Ко времени прибытия к Дрогобычу и занятию позиции к востоку от этого последнего, некомплект в дивизии доходил: боевой — до 2150^ш человек, а штыковой до 2811^ш человек, т.е. дивизия фактически имела 3 полка. И, несмотря на это, боевой участок дивизии имел протяжение 10^ш верст, при необходимости зорко следить за правым флангом, не обеспеченным соседними частями. Конная часть, назначенная на охранение фланга и для разведок на нем, фактически свелась к ½ сотне слабого состава, а увод генералом Альфтаном батальона из дер. Слонско потребовал занятия этой деревни силами дивизии, что растянуло эту позицию еще на 2 версты, т.е. довело ее до 12^ш верст. На удержании д. Слонско как находящейся на стыке двух дивизий (78^й и 4^й Финл[яндской]) особенно настаивал генерал Альфтан, опасаясь за возможный прорыв по долине р. Тысменицы. Смею думать, что при этих условиях полки дивизии могли быть только вытянуты в нитку, а, между тем, требовалось и требуется сохранение в руках начальников, как частных, так и старшего, сильных резервов...

С первой же ночи по прибытии на позицию у Дрогобыча вновь начались неустанные работы по ее (позиции. — А.Г.) усилению средствами самой дивизии; одновременно необходимо было иметь и охраняющие части, выдвинутые вперед для упорного сдерживания наседавшего противника, которые также укреплялись, а средствами общего резерва подготавливалась и тыловая позиция.

Все время пребывания в Карпатах части дивизии в силу особых условий боевой обстановки (нахождение на горах почти в полном составе в окопах) лишены были горячей пищи, питаюсь салом и консервами. Переутомление, как результат бессонных рабочих ночей, бесконечного обстрела позиций артиллерией противника, обстрела, доводившегося буквально-таки до огневого ада, — все это подтачивало нравственные и физические силы нижних чинов, не видавших просвета, не смевших думать о каком-либо хотя бы 3–4^х дневном отдыхе. Еще в Карпатах я неоднократно докладывал о появлении среди н[ижних] чинов заболевания куриной слепотой, о крайне нервном состоянии не только г.г. офицеров, что вызывало их эвакуацию для от-

дыха в тылу, но и среди нижних чинов, что констатировали и врачи, настаивая хотя [бы] на временном отдыхе.

Я не ошибусь, если скажу, что со столь надорванным в физическом и особенно в моральном отношении составом нельзя рассчитывать на незаблемую оборону окопов на протяжении 10 верст, срываемых огнем тяжелой артиллерии и обсыпаемых градом пуль противника, не ограниченного, по-видимому, экономией патронов и необходимостью ожидать противника до прямого выстрела, что при современном огне по плечу лишь твердо спаянной части, а не составленной сплошь из необученных пополнений, как это имеет место в настоящее время в дивизии. Тем не менее части дивизии деятельно работали над укреплением позиции и упорно, с полным напряжением сил и неизменным успехом, отражали непрерывные атаки противника, заканчивавшиеся неоднократно штыковыми схватками, наносившими громадные потери противнику и выводившими из строя дивизии много жертв, особенно от бешеного ураганного огня артиллерии.

Уже с полудня 2^{го} мая противник повел наступление на фронт дивизии, главным образом, на 14 и 16 полки. До утра 7^{го} мая эти части стойко удерживали свои позиции, героически отражая австрийцев. За эти 5 ½ суток непрерывного боя в 14 и 16 полках убыло из строя 270 и 352 челов[ека], что составляет 17 и 23%. Тем же упорством боя при значительном превосходстве в силах противника я объясняю и те большие потери, которые понесены полками в бою 7^{го} мая. Но это только отчасти, главным же образом объясняю их второй из в начале доклада указанных мною причин, т.е. личными моими ошибками. Обращаясь к ним, я позволю себе высказать следующее:

1) Я не сумел удержать в своих руках тот резерв, который так настойчиво рекомендуется при обороне: выделением сперва 2х рот к Слонско (вместо ушедшего оттуда бат[альо]на 78 п[ехотной] д[ивизии]), а затем постановкою части резерва к Семеновке, что вызывалось настойчивыми просьбами командиров 16^{го} и 14^{го} полков, все время опасавшихся за свои внутренние фланги, я ослабил этот резерв настолько (до 1^{го} бат[альо]на), что, направленный для

удара по прорвавшемуся противнику, он был недостаточен, а, углубившись до дер. Загора, сам оказался охваченным противником и лишь с геройскими усилиями отошел через дер. Делява на тыловую позицию, пробиваясь через массы противника вместе с остатками 14^{го} полка.

2) Недостаточная боевая прочность 16 полка, не имевшего времени окрепнуть после тяжелых потерь в Карпатах, не давала мне права поручать полку средний ответственный участок позиции. Излишняя надежда моя на командный офицерский состав полка — моя вина, как недостаточно оценившего силы и способности подчиненной мне части, и

3) Излишне продолжительная и упорная оборона 16^{го} полком передовой позиции у д. Нейдорф, отвлекая туда значительные силы, не дала полку возможности прочно устроиться на его главной позиции. Я не сумел настоять во что бы то ни стало на своевременном переходе полка на его главную позицию, что привело к отходу на нее лишь при натиске противника под ударами не только с фронта, но и с фланга, со стороны д. Семеновки. Это считаю одной из главных причин больших потерь в полку, не окрепшем еще после боев в Карпатах, где с первых же шагов полк понес огромные потери и остался совершенно без кадров и начальников из ниж[них] чинов.

Если со стороны младших моих подчиненных начальников и были промахи в этом бою, то все же считаю своим долгом засвидетельствовать о геройском их поведении в критические минуты боя. Промахи эти не имели бы столь тяжелых последствий, если бы лично мною не были допущены те ошибки, которые я считал долгом своей совести изложить выше на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства»²⁰⁴.

Однако командир корпуса генерал Бринкен считал, что Селивачев за этот бой достоин не наказания, а самой высокой награды. Отзывы о подвиге Селивачева для представления его за этот бой к ордену Св. Георгия Бринкен собирал у командиров полков втайне от своего строптивного подчиненного, не желавшего никаких наград. Когда тайна раскрылась, Селивачев написал в штаб корпуса Зарину, что сочтет

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 244–251.

«эту награду крестом распятия после тех ужасных потерь, которые понесла дивизия»²⁰⁵. Обращение не к Бринкену, а к Зарину было сделано для того, чтобы командир корпуса не усмотрел в этом рисовку или обиду Селивачева в связи с его не представлением к награде за прежние бои.

Генерал Зарин записал в дневнике 7 мая 1915 г.: «Неудача Селивачева, причем по обыкновению сильно им раздутая, будто против него Бог весть какие силы, — все это всполошило верхи, и нам спешно везут бригаду 69 дивизии и вместо того, чтобы пустить ее для активных действий — ставят опять-таки за нашим правым флангом для парирования ударов, т.е. опять-таки для пассивных целей. Ох, что-то маньчжурскими приемами пахнет! Все это, конечно, поведет к отходу за Днестр»²⁰⁶. На следующий день Зарин вновь пишет о Селивачеве: «Селивачев все муссирует опасность. Выходит, что он чуть не против армии устоял, лично руководя дивизией. Донесения его о подвигах дивизии сыпятся без конца, а барон [Бринкен] раздувает их еще больше. Чистой воды мошенник этот Селивачев, добивается Георгия во что бы то ни стало. И барон сейчас же фабрикует представление его к белому крестику. А тому только это и надо!... Черт знает — обман, личный интерес, карьеризм, протекционизм — Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»²⁰⁷.

Зарин был несправедлив к Селивачеву, что следует из простого сопоставления их дневников — Селивачев вовсе не искал наград, а думал исключительно о пользе службы, что видно буквально из каждой его дневниковой записи. Более того, Зарин фатально не понимал своего подчиненного и его устремлений. Суждение Зарина о необходимости введения петровской дубины было обусловлено не внушающим оптимизма состоянием воюющей страны и ее армии. Всего

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 88об.

²⁰⁶ НИА. N. D. Zarin Collection. Box 1.

²⁰⁷ Ibidem. Интересно, что неприязненно относившийся к Селивачеву Зарин в дневниковой записи от 14 мая 1915 г. сравнил с ним будущего военного министра Временного правительства А. И. Верховского: «Уехал Верховский — назначен в штаб 9^й армии. Ох, штукарь! Он и Селивачева перегонит. Из молодых да ранних! Я с удовольствием с ним расстался — положительно не приспособлен к работе. Журнала военных действий и того не мог вести как следует!» (Ibidem).

через несколько лет такая дубина действительно появилась в России, причем одной из первых ее жертв стал сам генерал Зарин, расстрелянный в июне 1918 г. при попытке пробраться к белым.

7 мая 1915 г. у дивизии Селивачева произошел действительно сильный бой, причем обстановка осложнялась тем, что часть войск действовала в лесу. Некоторые офицеры были восхищены спокойным стилем управления Селивачева в этой критической ситуации²⁰⁸. Потери дивизии в тот день красноречиво свидетельствуют о напряженности сражения. Дивизия потеряла 1 офицера и 832 нижних чина убитыми, 10 офицеров и 946 нижних чинов ранеными, 8 офицеров и 784 нижних чина пропавшими без вести, а всего убыль составила 19 офицеров и 2562 нижних чина²⁰⁹, кроме того, артиллерийским огнем противника было разбито шесть пулеметов дивизии²¹⁰. Таким образом, была потеряна почти треть дивизии. Тем не менее дивизии Селивачева удалось взять в тиски и захватить в плен наступавший австрийский батальон²¹¹. К 24 мая в боевом составе дивизии числилось 88 офицеров и 4554 штыка при 31 пулемете. Некомплект достигал 152 офицеров и 6587 нижних чинов²¹².

За этот бой Селивачев удостоился благодарности командующего 11-й армией генерала Д. Г. Щербачева: «Горячо благодарю генерала Селивачева, доблестные полки и батареи 4^й Финляндской стрелковой дивизии за молодецкие бои. Представьте широко к наградам. 604. Щербачев»²¹³. Благодарность последовала и от командира корпуса. Язвительный Селивачев не обошел вниманием телеграмму Щербачева: «Итак, благодарность тогда, когда мы были буквально-таки на краю гибели. И будь здесь не австрийцы, а немцы — катастрофы не избежать бы и притом катастрофы ужасной, до окружения включительно!!!... Где же причи-

²⁰⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

²⁰⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 68об.

²¹⁰ Там же. Л. 69. В журнале военных действий дивизии приведены несколько отличающиеся данные (РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 46об.).

²¹¹ *Архитов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1969. Сентябрь. № 99. С. 19.

²¹² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 14. Л. 29об.

²¹³ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 47.

на?? — взятые трофеи... Вот о чем у нас хлопочут, вот за что у нас награждают. А между тем знали бы, что австрийцы с радостью сдаются в плен, спрашивают, прорвавшись “где у вас штаб для сдачи в плен”, знали бы, что 200 чел. [пленных], окарауливаемые 5^ю стрелк[ами], свободно и спокойно стоят за нашими окопами и смотрят, как наши пулеметы расстреливают их новые цепи, знали бы, что офицеры и н[ижние] чины, даже мадьяры, поздравляют себя с тем, что попали в плен... Нет, тысячу раз нет — у нас не умеют и не понимают, как нужно расценивать действия частей и их нач[альни]ков...»²¹⁴ Позднее, анализируя бой 7 мая, Селивачев писал: «Недостаток энергии и решимости, отсутствие самостоятельности частных нач[альни]ков, тупоумие н[ижних] чинов — вот причина катастрофы»²¹⁵.

По записи из фронтового дневника Генштаба капитана (позднее — генерал-майора) А. И. Верховского, относящейся к началу мая 1915 г., «в 4-й Финляндской стрелковой бригаде»²¹⁶ на двенадцатый день боя расстреляны последние патроны, и пополнить их было неоткуда. Австрийцы, обнаглев, совершали все передвижения открыто и пошли в атаку густыми сомкнутыми массами, а у наших стрелков не было ни одного патрона. 4-я бригада не удержалась и отошла. Ее блестящий начальник, генерал Селивачев, выехал к отступавшим, сам в цепи подбадривал людей, и действительно ему удалось остановить отход на следующем лесном рубеже. Когда же сверху пришел обычный грозный запрос, кто виноват в неудачном бою бригады, Селивачев с достоинством ответил: “Побеждают мои полки, а если несем неудачу, то виноват я один”. Вот бы нам побольше Селивачевых! Наверное не было бы такого позора, который мы переживаем сейчас»²¹⁷. Приписываемая Селивачеву фраза «Побеждают полки, мне вверенные, а если терпят поражения, то в этом виноват я один!» по легенде была обращена к командующему 11-й армией генералу Д. Г. Щербачеву, который потребовал от Селивачева найти и наказать

²¹⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 59об.—60.

²¹⁵ Там же. Л. 61об.

²¹⁶ К этому времени — дивизии.

²¹⁷ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе: (Из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 31.

виновных в отступлении²¹⁸. В принципе, эта история, учитывая резкость Селивачева, могла иметь место.

Один из руководителей Белого движения на Юге России, генерал-генштабист П. С. Махров, оставил следующую характеристику Селивачева: «Я лично знал Селивачева еще в 1915–1916 годах (правильно: в 1915 году.— А.Г.), когда он в армии генерала Брусилова командовал одной из стрелковых дивизий 22-го Финляндского (правильно: армейского.— А.Г.) корпуса генерала фон Бринкена. Я тогда исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Селивачев несколько раз заходил ко мне по делам службы. Ему было тогда лет сорок пять. Он был небольшого роста, коренастый, но не полный. Самым характерным в его внешности была его голова, напоминавшая редьку, обросшую внизу большой, длинной, густой, темной бородой, и [с] небольшой копной волос на макушке. Это был очень энергичный, живой, веселый человек и прекрасный боевой начальник дивизии, который терпеть не мог пассивность и всегда стремился вперед. Он очень хорошо окончил академию Генерального штаба, но по каким-то причинам не был переведен в Генеральный штаб, на что, безусловно, имел право и все данные. Злые языки говорили, что его не допустили в Генеральный штаб из-за формы его головы, хотя она и была у него умной.

Этой несправедливости Селивачев никак не мог простить и не любил офицеров Генерального штаба²¹⁹. Он замечал все их мелкие ошибки и промахи и, будучи очень остр на язык, язвительно высмеивал при всех. С начальством он держался независимо, с подчиненными — доброжелательно. Начальство не любило Селивачева, но его ценили, так как он был незаменим в боях, особенно в трудные минуты боевых операций. Лично мне он был очень симпатичен, и я относился к нему с большим уважением»²²⁰. Подобная оценка, высказанная противником Селивачева по Гражданской войне, дорогого стоит.

²¹⁸ Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т. 3: 1881–1915 гг. М., 1994. С. 285.

²¹⁹ Столь категоричная оценка справедлива лишь отчасти.

²²⁰ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 93–94.

Тяжелыми оказались и бои середины мая 1915 г. Положение усугублялось глубочайшим патронным и снарядным кризисом, когда командование 11-й армии требовало соблюдения дисциплины огня, сбора патронов у убитых, стрельбы только на близком расстоянии и хранения патронных ящиков за пределами окопов²²¹. Между тем ходили слухи о переброске против финляндских стрелков немецких частей и тяжелой артиллерии.

20 мая 1915 г. дивизия расположилась на Днестре. В период отступления во второй половине мая произошла новая реорганизация — дивизию передали в состав VI армейского корпуса генерала В. И. Гурко. Начальником штаба корпуса был Генштаба генерал-майор М. П. Алексеев — однокашник Селивачева по академии. По слухам, генерал Бринкен заявил, что с уходом Селивачева у него отнимают правую руку²²².

Перевод в новый корпус был сопряжен с конфронтацией между неуживчивым Селивачевым и новым начальством. 28 мая генерал записал в дневнике: «Деятельность к[оманди]ра корпуса по отношению, по крайней мере, к моей дивизии началась с надраний и неприятностей»²²³. Приходилось приспосабливаться. В связи с требованиями отчитываться за каждый израсходованный патрон Селивачев предполагал сдавать в штаб корпуса липовую отчетность, чтобы накапливать дефицитные патроны у себя в дивизии²²⁴. 29 мая в дневнике появилась развернутая характеристика нового начальства: «К великому сожалению мне приходится работать среди типичных офицеров Генерального штаба, не служивших в пехоте... генер[ал] Гурко — кавалерист, генер[ал] Милеант — сапер и военный инженер и генер[ал] Добророльский — сапер. Это настоящая франк-масонская компания»²²⁵. О капитане В. Л. Малеванове Селивачев иронически написал — «видно, Дорман VI¹⁹ корпуса»²²⁶. В этой короткой фразе было сосредоточено общее презрительное отношение к генштабовской молодежи.

²²¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 74об.—75.

²²² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 14. Л. 28об.

²²³ Там же. Л. 50.

²²⁴ Там же. Л. 50об.

²²⁵ Там же. Л. 54об.

²²⁶ Там же. Л. 35.

Как и прежде, Селивачев отмечал примитивность понижения происходящего нижними чинами, незнание ими своих обязанностей. 29 мая он записал: «По дороге поверял заставу от 14¹⁰ Ф[инляндского] стр[елкового] п[олка] в знании ею обязанностей: застава стоит на совершенно ровном поле, имея вблизи рощу, куда нач[альни]к заставы отводит ее почему-то на ночь... Ни пропуска, ни отзыва, ни соседних деревень, ни куда идут дороги, ни что делать в случае наступления противника... ну словом, полнейшее незнание ничего; то же повторилось и с часовым и подчаском для собственного охранения... И буквально никто и не подумал проверить этих несчастных.

Ужасно подумать, как мы плохо подготовлены к боевому делу и никто, абсолютно никто не хочет заняться проверкой и подготовкой младшего боевого работника. Что же удивляться, если этот немогузнайка бежит при малейшем натиске противника... Не мы ли в этом виноваты?!...

Спрашивал некоторых стрелков названия деревень — не знают даже той, в которой стоят; не знают, кем занята впереди лежащая деревня, кто соседи, где своя ближняя поддержка...

Боже мой, Боже мой, полнейшее незнание... и неужели г.г. офицеры не имеют досуга побеседовать с нижн[ими] чинами?! К[оманди]р полка завален бумагами, к[оманди]р батальона и рот завалены отчетностью, а живое дело стоит без движения... Грустно, невероятно грустно!!!...

Вы увидите у к[оманди]ра полка массу отчетности, но вы не увидите у него ни одного кроки, а у пленных офицеров отбираются (даже у австрийцев) кроки развертывания частей для боя... Нас заела канцелярщина!...»²²⁷ Помимо этого генерал отмечал и отчужденность офицеров и нижних чинов. Осенью 1915 г. стрелки жаловались, что офицеры их только бьют, но ничему не учат. Впрочем, Селивачев считал эти жалобы преувеличенными²²⁸.

Отступление русских войск продолжалось, дивизия в период с 5 по 10 июня вела отступательные бои и закрепилась на позиции на северном берегу Днестра, где выдер-

²²⁷ Там же. Л. 55–56.

²²⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 36.

жала трехдневный бой у местечка Бобрка. Пребывание в новом корпусе, к счастью для Селивачева, было кратковременным. Как оказалось, этому поспособствовал генерал Бринкен в связи со сложными отношениями между Селивачевым и Гурко²²⁹. Уже в июне Селивачев отметил в дневнике: «С большим удовольствием расстался с Гурко и его штабом — дал бы Господь, чтобы на все время!!!»²³⁰

Примерно через месяц генерал записал, что «пребывание в составе VI^{го} корпуса ничего, кроме тяготы и огорчения, кроме вечной нравственной пытки, вечного ожидания собачьих отношений, ничего, ровно ничего не дало: все хорошее замалчивалось, всякий промах раздувался во всю и вызывал лай самый неприличный. Хамство доведено в этом корпусе до высшего предела... Несомненно, каков поп, таков и приход: хамство Гурки усилено в его сотрудниках...»²³¹ Сам Гурко в своих воспоминаниях дал положительную оценку дивизии Селивачева, которая активно участвовала в боях и действия которой ознаменовали успешный поворот в операции²³².

14–15 июня дивизия отошла за реку Гнилая Липа и дралась у города Бржезаны вновь в составе родного для Селивачева XXII корпуса. Воевать приходилось в новых условиях — уже не было карпатских гор, бои шли на равнине, к тому же почти все время было светло. Противник активно использовал тяжелую артиллерию, которой практически не имели наши войска. Сохранялись и негативные особенности предыдущего периода, в частности, присылка никуда не годных, необученных пополнений.

С 16 июня по 5 июля стрелки стояли в резерве у местечка Поморжаны, а затем были направлены на позиции у деревень Дунаюв и Добротвор. 19 июня, еще до Высочайшего приказа, генерал Бринкен вручил Селивачеву георгиевские награды: «В 7⁰⁰ веч[ера] приехал к к[оманди]ру корп[уса]. Встреча была очень сердечная и радостная. К[оманди]р корпуса лично надел на меня орден Св. Георгия, сказав, что он

²²⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16. Л. 45об.

²³⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 15. Л. 65.

²³¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16. Л. 47об., 49.

²³² Гурко В. Война и революция в России: Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 146–147.

присужден мне всей думой единогласно. Он же одел мне и Георгиевский темляк. Дай-то, Господи, достойно носить эти высокие знаки!!!»²³³

28–30 июля дивизия погрузилась в эшелоны на станции Броды и была переброшена на германский фронт, на станцию Кошедары, куда прибыла 3 августа. На Северо-Западном фронте в те дни разворачивались драматические события, связанные с оставлением крепости Ковно, которая была сдана немцам 5 августа в результате обстрела тяжелой артиллерией почти без сопротивления. В плен попало около 20 000 человек, кроме того, врагу были оставлены колоссальные запасы военного имущества, которого так не хватало русским войскам. Впоследствии бежавший комендант крепости генерал В. Н. Григорьев был судим и приговорен к ссылке в каторжные работы.

После высадки дивизии Селивачева началось наступление на Ковно и бои в составе XXVI армейского корпуса 10-й армии. Однако успеха добиться не удалось, войскам пришлось отступать с боями к городу Новые Троки, ожесточенные бои у которого с превосходящими силами противника шли во второй половине августа. Дивизия прикрывала железную дорогу Вильно — Гродно и подступы к Вильно, участвуя в кровопролитной Виленской операции.

Тактика и взаимодействие родов войск по-прежнему оставляли желать лучшего. 17 августа Селивачев записал: «А у нас все еще делаются глупости: вчера, пока гвоздила артиллерия, пехота не трогалась с места, а когда пошла пехота, то замолчала артиллерия и как раз тогда, когда у нас, в сущности говоря, была контратака, т.к. немцы перешли сами в наступление раньше нас; и это называется подготовка атаки артиллерийским огнем»²³⁴.

16 августа 1915 г. в дивизии сменился начальник штаба. Исполняющим эту должность теперь стал Генштаба подполковник К. В. Иванов, специалист службы связи²³⁵, отличавшийся своеобразным характером. Немало страниц дневника Селивачев посвятил взаимоотношениям с этим офицером.

²³³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 15. Л. 65об.

²³⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

²³⁵ *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. С. 111.

Так, 3 ноября 1915 г. Селивачев отметил: «Вечером ко мне приходил объясняться нач[альни]к штаба с целью узнать “насколько прочно его положение в штабе”, т.к., по словам его, его спрашивают, уживается ли он со мною. И в этом он видит возможное недовольство мое им, т.к. лично он, кроме хорошего, ничего не может сказать обо мне и о службе со мною. Я заявил ему, что в случае моего им недовольствия я прямо выскажу это недовольствие и что ему ни к чему волноваться разными вопросами»²³⁶. По мнению генерала Бринкена, с которым Селивачев продолжал переписку и после выхода дивизии из состава XXII корпуса, «Константин Владимирович (Иванов. — А.Г.) тяжелый по характеру (слишком чуток и обидчив по всем вопросам своей индивидуальной личности) человек, но в отношении знания службы, добросовестности ее несения, энергии и работоспособности не заслуживает ни малейшего упрека, а, напротив, только похвалы... я рад, что он пришелся Вам ко двору»²³⁷.

От опытного глаза Селивачева не укрывались прогрессирующие негативные изменения внутри страны, экономический кризис. 9 августа он записал: «Кипятильники с 350 руб. дошли до 850 руб. — вот, где ясно сказывается отсутствие мобилизации промышленности, заранее обдуманного плана подготовки к войне, относительно которой говорили только, что она “должна быть народной”»²³⁸. Разумеется, слабость тыла отражалась и на фронте. 19 августа Селивачев отметил: «Вчера же получено описание немецких проволочных заграждений, ручных и ружейных гранат. Для чего, спрашивается, рассылают это, не давая нам ни гранат, ни ракет, ни мотка проволоки для закрепления пройденного...»²³⁹ Аналогичная запись на следующий день: «Сегодня препровождаем в XXXIV корпус ведомость вещам, недостающим для полного укомплектования и пополнения дивизии. Количество недостающего прямо-таки колоссально, и это есть результат отсутствия систематического своевременного отпуска вещей по предъявленным частями дивизии требованиям»²⁴⁰.

²³⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

²³⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 59 в — 59 в об.

²³⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 17. Л. 60 об.

²³⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 10 об.

²⁴⁰ Там же. Л. 12 об.

Несмотря на нехватку необходимого имущества, дивизия обеспечивала санитарными средствами весь корпус.

В сентябре дивизия дралась под местечком Крево. К этому времени войска были предельно измотаны и деморализованы огромными потерями. Еще 19 августа Селивачев писал, что «с нашим отводом для укомплектования и пополнения дело что-то затягивается... Что-то Господь даст, а как бы нужен был этот отвод именно теперь, пока мы имеем еще хорошие кадры, побывавшие в боях и окрепшие духом!!!!»²⁴¹ Однако командование подходило к вопросу об отводе войск механически, не заботясь о том, чтобы сохранять подготовленных бойцов, в особенности унтер-офицеров, у которых бы учились и на которых бы ориентировались мобилизованные. В середине сентября генерал отметил: «Итак, дивизию, видно, отводят в резерв как не боеспособную, ну, а кто же довел дивизию до такого состояния??!...»²⁴²

Численность дивизии к 15 сентября составляла лишь 94 офицера и 1626 штыков — менее четырех батальонов при 25 пулеметах и 10 орудиях²⁴³. Пополнения прибывали совершенно не подготовленными. В некоторых маршевых ротах имелись стрелки, обучавшиеся всего один день²⁴⁴. По оценке начальника дивизии, укомплектования собраны «из всякого сброда, не проходившего обучения и стрельбы и морально развращенного»²⁴⁵. Ухудшался и офицерский состав, комплектовавшийся малоподготовленными прапорщиками военного времени. Выжившие за первый год войны кадровые офицеры были утомлены. По мнению Селивачева, по мере затягивания войны они стали требовать для себя больше комфорта и личных удобств²⁴⁶. По замечанию А. А. Свечина, управление дивизии, опустошенной потерями — это «биржа безработных командиров полков или командиров батальонов»²⁴⁷. При этом начальник дивизии был связан различны-

²⁴¹ Там же. Л. 10об.

²⁴² Там же. Л. 26об.

²⁴³ Там же. Л. 30об.

²⁴⁴ Там же. Л. 32.

²⁴⁵ Там же. Л. 36.

²⁴⁶ Там же. Л. 56об.

²⁴⁷ *Свечин А. А. Искусство вожения полка. С. 418–419.*

ми ограничениями по рукам и ногам — не мог даже переместить части на позиции без разрешения командира корпуса. «Вот вам и самостоятельность нач[альни]ка дивизии!!!!» — печально констатировал Селивачев²⁴⁸.

В начале октября дивизия сосредоточилась в районе местечка Беница в резерве XXVI армейского корпуса, после чего перешла в резерв V Кавказского армейского корпуса в район деревни Конюхи. Затем ее перебросили в окрестности Николаева официально для укомплектования и пополнения. На самом же деле корпус, а с ним и дивизия оказались в далеком от прежней дислокации Николаеве не случайно. Осенью 1915 г. в самом разгаре была секретная подготовка масштабной десантной экспедиции в Болгарию, и корпус был включен в состав экспедиционной армии²⁴⁹.

Командование делало все возможное, чтобы обеспечить экспедиционные войска всем необходимым. Потрепанные части должны были пополниться личным составом и имуществом. Для десанта в пополнениях отбирали лучших солдат. Правда, в отношении имущества не обходилось без конфликтов. 8 ноября Селивачев записал: «Требования частей признаны чрезмерными. Вот опять характерная наша особенность: части норовят побольше содрать от казны, казна оберегается, назначая минимальные отпуска и этим заставляя части вновь ужуливать путем подложных свидетельств.

Заколдованный круг вечного взаимообмана. Характерно и то, что широкий отпуск нам делается только лишь потому, что мы получаем “отдельное назначение”. Как будто в остальное время нам не надо ни укомплектования, ни пополнения недохватов!!!...»²⁵⁰

На новом месте Селивачев оставался верен себе. Так, 11 ноября 1915 г., когда должен был состояться смотр дивизии императором Николаем II, Селивачев имел довольно резкий разговор с командующим 7-й (экспедиционной) армией генералом от инфантерии Д. Г. Щербачевым касательно

²⁴⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

²⁴⁹ Там же. Л. 77об.; Д. 19. Л. 4. Подробнее об этой несостоявшейся экспедиции см.: *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 15об.—16.

боевых качеств командира 16-го Финляндского стрелкового полка²⁵¹.

Однако русская Ставка отказалась от рискованной десантной экспедиции, а 7-я армия была переброшена в Галицию для наступления там. С середины октября по конец ноября дивизия в боях не участвовала. 21 ноября дивизия выехала из Николаева, а в декабре пополнившаяся дивизия в составе V Кавказского армейского корпуса 7-й армии приняла участие в наступлении в районе Пилявы.

Как всегда Селивачев был крайне недоволен корпусным штабом. 8 декабря он записал: «Полное безделье, полное невнимание со стороны командира и штаба V¹⁰ Кавказского корпуса, могущего быть примером того, как не должен или вернее — не следует работать штабу корпуса в военное время...»²⁵² В одной из записей этого периода генерал даже назвал штаб корпуса «паршивым»²⁵³. Не в пример нынешнему корпусному начальству вел себя прежний начальник Селивачева генерал Бринкен, продолжавший заботиться о бывших подопечных. В частности, Бринкен прислал Селивачеву свои указания для атаки укрепленных позиций²⁵⁴ и хлопотал о возвращении дивизии в его корпус²⁵⁵, называя подчиненных Селивачева «блудные дети 22 корпуса»²⁵⁶. XXII корпус также занимал позиции на Стрыпе, и в его составе дивизия могла быть использована с большей эффективностью ввиду отлаженности взаимоотношений между командирами.

Позиция в районе деревень Пилява — Площа в районе реки Стрыпа (восточнее города Бучач) и высоты 387 была занята стрелками, которые провели здесь половину декабря, январь и почти весь февраль. Начальник дивизии много делал для укрепления этой позиции, лично осматривал траншеи, инструктировал офицеров. 19 декабря он записал: «В окопах дело обстояло далеко не важно: опять винтовки были положены на бруствер, н[ижние] чины не принорови-

²⁵¹ Там же. Л. 17об.

²⁵² Там же. Л. 46об.

²⁵³ Там же. Л. 62.

²⁵⁴ Там же. Л. 46об.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 59б.

²⁵⁶ Там же. Л. 59в.

лись по росту для стрельбы; винтовки не чищены несколько дней и заржавлены настолько, что некоторые совсем покраснели и затворы не открываются; н[ижние] чины совершенно не знали ни названий местных предметов, ни дистанций — то же и пулеметчики. Очевидно, к[оманди]ры рот совершенно не заинтересованы этим вопросом и не принимают никаких мер, несмотря на то, что говорилось это бесчисленное число раз»²⁵⁷.

1 января 1916 г. во время одного из осмотров позиций Селивачев вновь был на волосок от гибели. Едва он вышел из окопа в 15-м полку, как этот окоп был разнесен гаубичной гранатой. Генерал при этом не пострадал²⁵⁸. Удивительно, но в тот же день в дневнике появилась такая запись: «Нет, мы положительно не достойны победы, хотя бы за подлость нашей мелкой натуришки!!!»²⁵⁹

Селивачев стремился учить войска, а не заниматься бесконечными проверками, как делали другие. Стрелков, привыкших к инспекциям дряхлых генералов, такой подход удивлял²⁶⁰. Не смущали Селивачева и устоявшиеся стереотипы, например, о том, что учить командира полка «неудобно». По всей видимости, Владимир Иванович был военачальником, воспринявшим и использовавшим в руководстве войсками и в их подготовке методы суворовской школы, военным профессионалом, боровшимся с канцелярщиной и чиновничьим подходом к делу.

24 февраля дивизия отошла в район Подволочиска и Тарноруды в резерв армии, а 25 февраля была передана в резерв 8-й армии и вошла в состав VIII армейского корпуса. В районе города Ровно в резерве дивизия простояла до 16 мая 1916 г. Как раз в период бездействия дивизии с 26 февраля по 24 апреля 1916 г. Селивачев был эвакуирован с фронта по болезни.

Как уже не раз отмечалось, Селивачев критически оценивал командный состав русской армии, критиковал его инертность, стремление выслужиться и сохранить свои

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 81.

²⁵⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 35об.

²⁵⁹ Там же. Л. 36–36об.

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21. Л. 30об.

посты за счет жизни солдат, что отразилось в его дневниковых записях и в повседневном общении. Эти резкие критические отзывы были во многом справедливы, а суждения Селивачева отличались глубиной и пронизательностью и позволяют лучше понять как причины неудач русских войск в Первую мировую войну, так отчасти и причины революционных потрясений.

Рассуждая о стремлении своего сына Бориса (Борюши, как называл его отец) идти добровольцем вместе с разведчиками резать проволоку перед позициями, Селивачев отмечал: «Жажда работы, жажда подвига нередко увлекает нашу молодежь, забывающую, что величайший подвиг каждого — служение своему делу и изучение его во всех деталях, дабы сделаться в нем великими мастерами!!!»²⁶¹

Особенно много внимания в дневниках Селивачев уделял Генеральному штабу и подготовке его офицеров. Вероятно, играла свою роль старая обида, а может быть, Селивачев, отчетливо видевший пороки военной машины старой армии, просто добросовестно хотел их исправить. Но, скорее всего, присутствовало и то и другое.

13 октября 1915 г. Селивачев отметил в дневнике: «Куда ни помотришь, везде плохо, что в руках Генерального штаба — великий грех их перед армией, грех книжников и фарисеев перед массой еврейского народа!!!»²⁶² По мнению генерала, Генштаб до войны занимался «поверкою тактических задач, чтением лекций, критикой, но не своим делом. Результаты теперь испытывает армия...»²⁶³.

Подобные взгляды тогда разделяли многие, в том числе сами генштабисты. Встретившись в октябре 1915 г. в штабе Западного фронта с генерал-квартирмейстером Генштаба полковником П. П. Лебедевым (будущим начальником Полевого штаба РВСР у красных), Селивачев обсуждал особенности военного управления русской армией: «Он (Лебедев. — А.Г.) того мнения, что по всем нашим операциям красной нитью проходит наше неуважение к науке и знанию. Я, конечно, выругал Генеральный штаб. Лебедев говорит,

²⁶¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 36об.

²⁶² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 72об.

²⁶³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 27об.

что, ввиду массового ухода офицеров Генер[ального] штаба в строй, теперь ощущается полный недостаток их на должностях Генерального штаба и нач[альни]ками штабов дивизий делаются неопытные капитаны Генер[ального] штаба и даже только причисленные к нему офицеры.

Теперь принимаются меры к удержанию офиц[еров] Генер[ального] штаба, причем нач[альни]ками штабов дивизий будут назначаться даже к[оманди]ры полков с производством их в генералы.

Я ответил, что это будут, несомненно, более опытные нач[альни]ки штабов, нежели капитаны, но что едва ли сами они будут довольны таким положением»²⁶⁴.

Критика Генштаба содержалась и в записи от 4 февраля 1916 г.: «Какова работа наших высших штабов (по словам Головина, поражающих своим невежеством), видно из того, что для наступления фронтом была дана директива на 16^{ти} печатных страницах, причем цель была изложена в 5^{ти} строчках, а все остальное заключало в себя такие указания: “Крайне бесполезно устраивать ложные батареи со вспышками”, “подготовить команды для взрывания проволочных заграждений” и т.п. Невежество в своем деле у Генерального штаба так велико, что когда генерала Савича спросили после: “Для чего же Вы все это писали?”, он ответил: “Надо же удовлетворить академическим требованиям и выполнить то, чему учили нас в академии”. И это говорит нач[альни]к штаба фронта, генерал-лейтенант Генерального штаба!!! Этот доблестный руководитель, отчисленный от должности и получивший 16^{ый} корпус, на собрании к[оманди]ров корпусов перед атакой изложил свой план действий так... Решение задачи достойное подпоручика...

Вот наши высокие начальники и руководители, и неужели после этого можно было ожидать успеха действий: идет вторая кампания, которую губит нам своею бездарностью и невежеством наш Генеральный штаб, насадивший в стенах академии глубочайшую схоластику!!!»²⁶⁵ О деятельности штабных работниках Селивачев отзывался следующим образом: «Пришлось все пересоставлять самому, чтобы привести

²⁶⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 74–74об.

²⁶⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21. Л. 23–24.

все в должный порядок... Удивляться приходится, до чего неспособны к работе эти будущие офицеры Генерального штаба. Вот результаты набивания им голов всякой стратегией и полного недостатка практических знаний и умения!!!...»²⁶⁶ Как уже отмечалось, младших офицеров Генштаба Селивачев именовал «стратегическими мальчиками»²⁶⁷. В дневниковой записи от 8 февраля Селивачев даже употребил эпитет «клоака Генерального штаба»²⁶⁸.

24 февраля 1916 г. он записал: «Приезжал генерал [Ф.Е.] Огородников, который у нас сегодня обедал — возмущается порядками в своем штабе корпуса, с которым страшно воюет. И так, по-видимому, взаимоотношения в штабах везде одинаковы, что объясняется, мне думается, полным отсутствием правильной совместной работы штабов еще в мирное время, где бы могли быть установлены одинаковые взгляды на разные принципы управления частями, и отсутствие[м] совместного изучения “Устава командования” и “Службы Генерального штаба”, создание которых настоятельно необходимо»²⁶⁹.

Из генштабистов Селивачев выделял генерала Н. Н. Голвина — лидера кружка «младотурок» в предвоенной академии, стремившегося к преобразованиям. По свидетельству Селивачева, «только уход некоторых лиц выдвинул опять на службу Генерального штаба этого выдающегося по этому штабу работника, первого из русских написавшего “Курс службы Генерального штаба”, сильно не по душе пришедшего нашим генерально-штабским схоластикам, выжавшим из академии “душу живу”. Насколько сильно было гонение на “новаторов”, можно видеть из того, что руководители Генерального штаба назначили всех “новаторов” (Кельчевский, Черемисинов, Болдырев и т.д.) нач[альни]ками штабов второочередных, т.е. наиболее слабых в боевом отношении и по составу службы Генер[ального] штаба дивизий — явная тенденция провалить и доказать непригодность

²⁶⁶ Там же. Л. 61об.

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 24. Л. 40об.; *Архивов М.Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1968. Март. № 90. С. 22.

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21. Л. 29об.

²⁶⁹ Там же. Л. 63.

“новаторов”, обвинявшихся ими в “подрывании основ военной науки и академии”»²⁷⁰. В дневниковой записи от 3 марта 1916 г. справедливо сказано: «Наши назначения “по старшинству” не выдерживают критики — необходимо перейти к выбору людей одаренных “Искрой Божией”, но вопрос, как отыскать их и как продвинуть вперед??!»²⁷¹ О кризисе командования генерал написал в дневнике 18 июля 1916 г.: «Положение дел у нас становится прямо-таки забавным: старшие нач[альни]ки имеют опыт жизни, но не имеют знаний, молодые офицеры Генер[ального] штаба — имеют знания, но не имеют никакого опыта жизни. И вот, в колесницу боевую запрягли то, что “запрячь не можно — коня и трепетную лань”»²⁷².

Вскоре после возвращения Селивачева к войскам началось наступление Юго-Западного фронта. Стрелки прорвали фронт и участвовали в преследовании противника в авангарде корпуса от Луцка и на переправах через реку Полонку. В период с 29 по 31 мая дивизия сосредоточилась в районе местечка Суск в резерве XXXIX и V Сибирского армейских корпусов, к 3 июня дивизия была передана в состав XXX армейского корпуса, а затем на протяжении большей части июня побригадно действовала в XXX и V Сибирском армейских корпусах. В конце июня — начале июля произошло новое переподчинение — на этот раз командованию I Туркестанского армейского корпуса. На протяжении июля стрелки Селивачева участвовали в жестоких боях на Стоходе.

Когда дивизия Селивачева была передана в 3-ю армию, у командующего дивизией, по свидетельству очевидца, произошёл следующий разговор с неизвестным генштабистом штаба 3-й армии: «При входе финляндцев в зону 3-й армии, генерала Селивачева, ехавшего верхом рядом с командиром 16-го полка во главе колонны, встретил Ген[ерального] штаба полковник 3-й армии, который после приветствия сказал генералу Селивачеву: “Очередная жертва пришла”.

Селивачев спросил: “Что вы хотите этим сказать?”

²⁷⁰ Там же. Л. 30.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.

²⁷² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 24. Л. 40об.

Полковник, смутившись немного, ответил: “Придется вам штурмовать Стоход”. Селивачев, повернувшись к командиру полка, заметил, шутя: “Видали как, нами жонглируют и сразу обрекают в жертву. Плохой признак”. А полковнику штаба сказал: “Мы не любим, чтобы из нас делали агнцев заклания”²⁷³.

Отношения с новым начальством также складывались с трудом. О штабе 3-й армии Селивачев говорил командиру Сводного корпуса генералу В. Е. Бухгольцу, что имеет дело «либо с людьми ненормальными, либо с преступниками»²⁷⁴. Впрочем, про самого Бухгольца он писал, что тому «больше к лицу поверять разные склады, нежели командовать корпусом»²⁷⁵.

Трезво оценивая обстановку, Селивачев отказывался вести дивизию (точнее, временно остававшуюся в его подчинении вторую бригаду) на убой, штурмуя немецкие позиции, требовал артиллерийской поддержки, чтобы проделать проходы в проволочных заграждениях. В штабе армии ему угрожали отрешением от должности за невыполнение приказа, на что Селивачев твердо заявил: «Отрешайте, но приносить бесполезно в жертву дивизию я не могу и не хочу»²⁷⁶.

По мнению генерала, «следовало бы дать право начальникам дивизий, как стоящим более близко к делу тактической работы войск, подавать свое мнение непосредственно генерал-квартирм[ейстеру] штаба армии, т.к. штабы корпусов, держась чересчур далеко от войск и не посещая не только позиций, но даже и расположения самих войск и штабов дивизий, решают многие вопросы на глазок, по карте, не вникая, так сказать, в “местное значение” вопросов»²⁷⁷. Безграмотное руководство войсками, ведущее к большим жертвам, вызывало у Селивачева возмущение. Типичными в то время были заявления командования, например, при невыдаче

²⁷³ Демьяненко Я. Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм // Военная быль (Париж). 1966. Июль. № 80. С. 27.

²⁷⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 1об.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Демьяненко Я. Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм. С. 28.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

войскам переправочных средств для форсирования водных преград в духе: «Тут нужны не средства, а отвага»²⁷⁸.

Селивачев с горечью писал о косности армейского руководства. Прочитав брошюру французского капитана, содержащую банальный тезис о том, что на штурм следует вести только подготовленные войска, Селивачев записал в дневнике: «У нас можно неустанно твердить [то же] всю войну, а брошюры, подобно этой, вам выпустить не дадут, а главное, — даже сознавая это, высшие наши руководители не проведут в жизнь этой идеи, т.к. их работа не руководится пользой государственной, а своими личными, мелкими интересами: как же у Сахарова и Щербачева успехи, а у меня нет — ну так давай укладывать народ, чтобы добиться хотя бы подобия успеха, а какой ценой — не все ли равно — ведь за это никто никогда из старших начальников у нас в России до сих пор не отвечал!!»²⁷⁹ В дневнике на конкретных примерах показано, насколько застоялось мировоззрение высшего командного состава. По свидетельству Селивачева, командующий 3-й армией генерал от инфантерии Л. В. Леш разговаривал со старшими армейскими начальниками и командирами корпусов, как будто говорил с ротными командирами, занимая их рассуждениями о подготовке одиночного бойца, о чем ранее много писал²⁸⁰.

Несмотря на тяжелые военные будни, задумывался Селивачев и над вопросами подготовки и переподготовки командного состава. Например, в целом низко оценивая уровень старшего и высшего командного состава русской армии, он высоко ценил знаменитого казачьего генерала П. Н. Краснова, который ежедневно с офицерами совершал полевые поездки. По оценке Селивачева, это «строевой генерал, получивший высшее военное образование, т.е. именно то, что должно принципиально быть для пользы дела»²⁸¹. 2 сентября 1916 г. генерал записал в дневнике, что наставления старших начальников столь же беспочвенны, «как и их личные знания!!»²⁸².

²⁷⁸ Там же. Л. 8.

²⁷⁹ Там же. Л. 10–10об.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 24. Л. 56–56об.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

²⁸² Там же. Л. 61об.—62.

Запись от 5 сентября еще интереснее: «Оригинальное явление наблюдается все время в эту кампанию: младшие нач[альни]ки, как-то к[оманди]ры бат[аль]нов, полков, бригад, все время обсуждают высокие политические и стратегические вопросы, интересуясь положением на всем фронте, в армии и в других армиях, совершенно не исполняя своих “мелочей”, исполнения и распоряжения; старшие же начальники — нач[альни]ки дивизий, командиры корпусов и даже командующие армиями, мало вникая в стратегические и тактические стороны своих операций, распоряжаются такими мелочами, как распределение батальонов и полков, расстановка обозов полковых и дивизионных, пробой пищи в частях и т.п. Все это наследие мирного времени: во время занятий и особенно маневров от младших нач[альни]ков настойчиво требовали знания общих задач и общей обстановки, обсуждения общетактических условий и в редких случаях требовали педантического исполнения своих обязанностей; старшие нач[альни]ки в мирное время были заняты внедрением порядка в частях, поверкой мелочей службы и совершенно не занимались своим прямым делом, не изучали “управления” своими крупными частями, не читали ничего по этим вопросам... То, к чему привыкли в мирное время, то, конечно, исполняют и в военное время»²⁸³.

Неприятие вызывало и прусское, по мнению Селивачева, окружение императора, присутствие при дворе Г. Е. Распутина, к приверженцам которого он относил и военного министра В. А. Сухомлинова²⁸⁴, неуместные в военное время роскошь и веселье Петрограда²⁸⁵. Беспокоила Селивачева и слабая оснащенность войск техникой. Так, он сравнивал степень насыщенности артиллерией русской и французской армий. Если у французов было 15–16 орудий на версту, то у русских — только 2²⁸⁶.

В начале августа дивизия Селивачева готовилась к прорыву позиций противника на Стоходе. 6 августа 1916 г. стрелки по инициативе своего начальника форсировали реку и за-

²⁸³ Там же. Л. 65об.—66.

²⁸⁴ Там же. Л. 11об.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 26. Л. 14об.

хватали Червищенский плацдарм на западном берегу, взяв большие трофеи (1146 пленных, оружие, 4 миномета, 18 пулеметов). Потери самой дивизии тоже были велики. Если на 4 августа в ней было 203 офицера, 9375 штыков при 58 пулеметах и 19 бомбометах, то на 9 августа уже 158 офицеров, 4740 штыков и 49 пулеметов²⁸⁷. Таким образом, потери нижних чинов достигали половины изначального состава, офицерский состав потерял 23%. В боях осколками снарядов были ранены две лошади Селивачева²⁸⁸, в 10 шагах от палатки генерала в его отсутствие 15 августа разорвалась шрапнель, палатка была пробита, образ богоматери «Всех Скорбящих Радости» был сорван со стены и плашмя упал на кровать²⁸⁹. Религиозный Селивачев отметил этот факт особо. Сам он в те дни оставался невредим. Покидая плацдарм, Селивачев отметил, что он может стать могилой для многих, если не удастся развить успех²⁹⁰. Пророчество Селивачева сбылось уже на следующий год.

Затем дивизию переподчиняли то командованию XVI армейского корпуса, то вновь командованию I Туркестанского. 22 сентября 1916 г. Селивачев был произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 27 мая 1916 г. и утвержден в должности начальника дивизии. С 8 сентября по 19 ноября дивизия находилась на позициях в районе Гулевичи — Рудка Миринская. 7 сентября Селивачев записал в дневнике: «Итак, новая армия, новые требования, новый “залог победы”. Боже мой, Боже мой, как все у нас ведется курьезно: то залог победы в “подготовке одиночного бойца, звена, отделения и взвода” (генерал Леш), то в “обучении подпрапорщиков и усилении учебных команд в двойной пропорции против утвержденного штата” (генерал Гурко), то в “обучении вновь прибывших молодых офицеров” (генерал Щербачев). И ведь никто, абсолютно никто до сих пор не сказал громко, что залог победы в “отсутствии искания этого залога нашими генералами”. А ведь это так — чем больше ищут этот “залог”, тем больше выматывают

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

²⁸⁸ Там же. Л. 20об., 34.

²⁸⁹ Там же. Л. 34.

²⁹⁰ *Демьяненко Я.* Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм. С. 28.

и нервнируют части и их начальников, делая последних безвольными и безответственными, боящимися “сметь свое суждение иметь”, беспрекословно исполняющими всякие прихоти “высших”, лишь бы не нарушить “добрых отношений”, во избежание будущих придинок.

Ведь известно же к[оманди]ру корпуса, что подпрапорщиков у нас немного, что штабу дивизии, почти постоянно находящемуся в бою, невозможно открывать “университетов” и отрывать от бесконечной работы своего единственного офицера Генерального штаба, и все же этот к[оманди]р корпуса молчит, молчит и молчит, молча же передавая к исполнению приказания, которые сам же считает нелепыми... И так вся жизнь»²⁹¹. Между прочим, в этой цитате совершенно не видно презрения к офицерам Генерального штаба, хотя в других записях критическое отношение к генштабистам проскальзывает. Видимо, здесь не было противоречия — Селивачев был приверженцем качественного военного образования, но боролся с устаревшими подходами к управлению войсками и их подготовке, с оторванностью от реальной боевой жизни, получившими распространение в среде генштабистов.

Селивачева исключительно высоко ценил генерал Бринкен, сохранивший теплые воспоминания об их совместной службе. В письме Селивачеву от 25 января 1917 г. он отметил: «Часто вспоминал и вспоминаю Вас, дорогой В.И., ибо Вас мне особенно не хватало в те минуты тяжелого переутомления, которые пришлось испытать в прошлом году. Вы знаете, как я Вас любил и люблю, как ценил и ценю Ваш честный, открытый характер, который позволял мне не иметь от Вас никаких тайн. Я Вас считаю своим лучшим и вернейшим другом... Не хочу и, зная Вас, не могу верить, чтобы Вы забыли меня, забыли родной Вам корпус. При каждом удобном и неудобном случае я ходатайствовал о возвращении отторгнутых из корпуса Финл[яндских] дивизий, но, к сожалению, — безуспешно. Высшее командование не желало считаться с внутренней спайкой частей и при вопросах реорганизаций их смотрело с чисто формальной, бю-

²⁹¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–4об.

рократической точки зрения, а потому никаких исключений не допускало»²⁹².

В штабе Юго-Западного фронта дивизию Селивачева тоже ценили. Во второй половине ноября дивизия была переброшена в город Кременец и в период с 24 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. занимала позиции в районе деревень Колодно — Новики — Ихровица — Плешковице — Вертелка — Иванчаны, причем с января 1917 г. располагалась там в качестве резерва командующего 11-й армией. С 28 февраля по 3 апреля дивизия находилась на позиции по линии деревня Гнидава — лес Хукалиовце в составе XVII армейского корпуса. В общей сложности, по наблюдению самого Селивачева, его дивизия за годы войны переменяла 34 корпуса и 14 армий²⁹³, что не свидетельствует о высоком уровне организации старой армии и продуманности таких переподчинений.

²⁹² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 96–9в.

²⁹³ Там же. Л. 26а об.

Глава 2. Генерал и революция

Серьезные перемены в служебном положении Селивачева, несомненно, были связаны с революционными событиями 1917 г. Селивачев прекрасно понимал пагубность революционной смуты и анархии для армии. Эти мысли нашли отражение в его дневнике. Сугубый технический профессионализм генерала и его убежденность в том, что политика не должна влиять на армию, вполне наглядно отражены, например, в записи от 7 марта 1917 г.: «Вчера получил телеграмму от к[оманди]ра 743 запасного пех[отного] полка, укомплектовывающего дивизию, такого содержания: “Счастлив сообщить, что полк в полном составе офицеров и нижних чинов присоединился к новому правительству. Продолжаем работать по подготовке укомплектований”.

Несомненный дурак — какое мне дело до его политических убеждений: присылай лучше обученные укомплектования»²⁹⁴.

Генерал Селивачев был заботливым отцом-командиром, хорошо разбирался в солдатской психологии. «Я глубоко убежден, — записал он в дневнике 10 марта 1917 г., — что солдаты желают теперь только одного — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими фразами об “отечестве”, его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно настоящий, так как в деревнях его в этом духе не воспитывали, а армия не имеет времени заняться этим, так как должна вести бой...»²⁹⁵ При этом он констатировал беспомощность офицеров в общении с солдатской массой при новых

²⁹⁴ Из дневника ген. В. И. Селивачева / Публ. Н. Какурина // Красный архив (М. — Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 111.

²⁹⁵ Там же. С. 112.

условиях: «Г. г. офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать “якобы неблагонадежных” газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам; современная же молодежь — офицеры абсолютно никуда не годны для воспитания солдата — полнейшее незнание, полнейшее лентяйничанье и полнейшее непонимание обстановки»²⁹⁶.

Большой интерес представляют дневниковые наблюдения Селивачева за теми изменениями, которые происходили в высшем командном составе революционизировавшейся армии. 11 марта он записал о генерале А. А. Брусилове: «Несомненную карьеру делает Брусилов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом: когда хотели уничтожать земские организации по причине их якобы бесполезности на фронте, а на самом деле считая их революционными, Брусилов, единственный из главнокомандующих, дал им идеальную аттестацию, признав их безусловно необходимыми в армиях фронта. Я лично глубоко убежден, что его ожидает пост Верховного главнокомандующего... Будет ли только от этого прок — Бог весть: по словам его сотрудников и близко видевших его работу — он совершенно неспособен к личной работе, которую предоставляет выполнять другим, — всякие боевые операции ему необходимо подолгу растолковывать, т. к. сам охватить вопроса он не в состоянии. Велико у него “военное счастье”, но не забудем, что говорил великий старик Суворов: “Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, надо же когда-нибудь и уменье”. Вот этого-то последнего у Брусилова и не имеется. Что-то Господь даст!»²⁹⁷

Сохранился отзыв Селивачева о работе комиссии генерала А. А. Поливанова, занимавшейся чисткой командного состава: «Комиссия генерала Поливанова спешно разрабатывает законы для омоложения командного состава армии. Несомненно, главная цель этого впустить в армию возможно больше офицеров из солдат... .. “Хам” идет, идет самым настойчивым образом. Ротные комитеты уже введены, но пока их функции сведены к заведыванию хозяйством»²⁹⁸.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 82об.

²⁹⁷ Там же. Л. 57об.—58.

²⁹⁸ Там же. Л. 58об.

Видимо, иронией пронизана запись от 24 марта 1917 г.: «Да, старым служакам не до нынешнего тяжелого режима, в рамках которого им невозможно вместиться... Омоложение армии безусловно необходимо!!!»²⁹⁹ Чистки комсостава воюющей армии он не приветствовал, недоумевая: «Ну можно ли заниматься этим в настоящее время, когда мы сами же ждем “громового” удара со стороны немцев, заполонивших все и вся своими шпионами, не сдерживаемыми теперь ни полицией, ни жандармами??!!!...»³⁰⁰

С тревогой встречал Селивачев революционные нововведения. Страницы дневника сохранили его свидетельства о развале армии, об анонимках солдат на офицеров. Автор дневника 13 марта 1917 г. делал неутешительный вывод: «Наглости солдат теперь не оберешься»³⁰¹. О том, каковы были представления генерала о чести офицера, свидетельствует дневниковая запись от 27 марта о его сыне Б. В. Селивачеве: «Вчера был несказанно обрадован решением Борюши не ехать в отпуск. На мой вопрос, едет ли он, т.к. проезд в Петроград разрешен, мой молодчина ответил: “Я считаю, папа, что теперь, когда мы ждем участия в бою в VI корпусе и когда каждый офицер на счету, я нравственно не имею права ехать, т.к. вместо меня будет взят офицер из батареи, а там и без того недостаток офицеров; я убежден заранее, что ты одобришь мое решение”. Дал бы Бог, чтобы побольше было таких офицеров, как мой Борюша!!!»³⁰²

3 апреля 1917 г. по распоряжению командующего 11-й армией Селивачев отправился в штаб Киевского военного округа для руководства и наблюдения за формированием отделов управления XLIX армейского корпуса. Вскоре Селивачев возглавил этот корпус.

Прощание с родной дивизией было трогательным. Селивачев распорядился внести в приказ следующие строки: «Главнокомандующим фронтом я допущен к командованию корпусом... Ровно три года назад я вступил в командование 4^й Финляндской стрелковой бригадой, мною

²⁹⁹ Там же. Л. 77об.

³⁰⁰ Там же. Л. 81об.

³⁰¹ Там же. Л. 60.

³⁰² Там же. Л. 81.

сформированную. Через 4 месяца бригада уже дралась под гор. Августовом и с тех пор стоит стеною на страже Родины, выполняя свой святой долг»³⁰³.

Депутация 14-го Финляндского стрелкового полка поднесла генералу специально подготовленный адрес: «В лице Вас мы имели начальника, в совершенстве понимающего военное дело и искренно преданного ему душою, телом и всеми своими помышлениями. Начальника, в котором мы вполне уверены, про которого мы знали, что он не пойдет ни на какую рискованную авантюру, ради своих личных служебных выгод, что он не возьмет на себя исполнение задачи, не продумав ее глубоко и не изучив всесторонне, и это сознание давало нам уверенность в возможности и необходимости выполнения данной нам задачи, что неимоверно ценно для осуществления каждого предприятия. Тяжело для нас терять такого начальника, тем более в предстоящий страдный период. Но наша скорбь смягчается мыслью, что наш взгляд на Вас, Владимир Иванович, разделен и новым Правительством, которое при назначениях на ответственные посты не руководствуется ничем иным, как только талантами, заслугами перед родиною и вообще личными достоинствами людей. Дай Бог Вам и дальнейшего повышения по службе, вполне Вами заслуженного»³⁰⁴.

Сам генерал тоже высоко оценил проделанную боевую работу: «Итак, окончены три года тяжелой неустанной работы с дивизией, которой отдал все свои силы, знания и здоровье, дивизии, которая требовала именно крутой работы, чтобы с нею можно было чего-нибудь добиться. Благодарю Тебя, Господи, за дарованные мне в эти три года силы; только Твоя неизреченная Милость поддерживала меня в моих трудах. Слава Тебе, Господи! Помоги мне в предстоящей работе и вразуми меня на новое, великое служение Родине!!! Пресвятая Владычица, помоги мне!!»³⁰⁵

За отличия в делах против неприятеля 9 апреля 1917 г. Селивачев был награжден орденом Белого Орла с мечами. С 16 апреля 1917 г. он командовал XLIX армейским корпусом,

³⁰³ Там же. Л. 83в.

³⁰⁴ Там же. Л. 92а.

³⁰⁵ Там же. Л. 93.

вошедшим в состав 11-й армии Юго-Западного фронта. Корпус формировался с середины марта 1917 г. в Киевском военном округе, причем формирование шло медленно из-за нехватки кадров и средств³⁰⁶. 7 апреля генерал приехал в Киев для участия в формировании корпуса. 14 апреля туда же прибыл начальник штаба корпуса Генштаба генерал-майор М. К. Дюгаев. До начала мая в корпусе не было необходимого числа офицеров Генерального штаба. В оперативной части и.д. штаб-офицера для поручений значился Генштаба капитан Александров, прибывший 6 апреля, 27 апреля приехал выпускник младшего класса 1-й очереди ускоренных курсов Военной академии штабс-капитан Ю. И. Войнов, а 4 мая прибыл и.д. обер-офицера для поручений есаул В. К. Дюскин, наконец, 4 июня прибыл и.д. обер-офицера для поручений штаба XLVI армейского корпуса капитан Г. И. Теодори, окончивший младший класс 2-й очереди академии³⁰⁷.

К 25 мая Селивачев завершил формирование корпуса. В его состав входили 82-я пехотная (второочередная), 4-я и 6-я Финляндские стрелковые дивизии. С конца мая в состав корпуса была включена и Чехословацкая стрелковая бригада, еще не завершившая формирование. Селивачеву повезло, что в корпусе оказалась его родная дивизия, стрелки которой знали генерала и верили ему. Селивачев многое сделал для серьезной подготовки дивизии к боевым действиям. Интересно, что именно в 13-м Финляндском стрелковом полку прежней дивизии Селивачева служил будущий первый большевистский главнокомандующий прапорщик Н. В. Крыленко. Включение в корпус Чехословацкой стрелковой бригады также обещало быть залогом успеха — чехословаки не испытали разложения, через которое прошла русская армия, и обладали высоким боевым духом, тем более что речь шла о борьбе за грядущую независимость Чехословакии от австрийского владычества. Как отмечал начальник штаба 11-й армии Генштаба генерал-майор Б. В. Геруа, «теперь сила всего русского фронта менее чем когда-либо соответствовала его длине: число корпусов и дивизий перестало иметь определенное значение. Играло роль число надежных

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 1об., 2об., 3.

³⁰⁷ Там же. Л. 4об.—5.

в смысле настроения единиц...»³⁰⁸ К числу таких единиц, безусловно, относилась и Чехословацкая бригада.

21 мая корпус начал выдвижение на фронт, первоначально на станцию Езерна. Уже 5 июня корпус получил директиву о переходе на наступление около 10 июня с целью разбить противника на путях к Львову³⁰⁹. Готовилось печально известное июньское наступление полуразложившейся армии. Корпусу Селивачева наряду с VI армейским корпусом в этом наступлении штабом 11-й армии была отведена ударная роль, как самым надежным³¹⁰.

Как отмечалось в журнале военных действий корпуса, к 12 июня все было готово к наступлению³¹¹, причем «к началу операции почти всеми офицерами был изучен весь район. Тем не менее центр тяжести всей разработки, всей работы, проведения разработанного плана легло (так в документе.— А.Г.) на комкора генерала Селивачева, с удивительной энергией и настойчивостью, достойной подражания, прошедшего талантливо всю разработку операции, не упустившего ни одной, даже мелкой детали в операции во всех ее отделах (операт[ивном], артилл[ерийском], медиц[инском], инжен[ерном], интенд[антском] и т.д.)»³¹². Несмотря на это, в день прорыва командир корпуса едва не остался безо всякой связи, а противник знал место расположения штаба корпуса и регулярно его обстреливал³¹³.

План Селивачева сводился к нанесению главного удара на правом фланге корпуса силами финляндских стрелков в направлении высоты Могила (высота 398). На левом фланге силами двух чехословацких стрелковых полков наносился вспомогательный удар на высоту 392. Перед операцией командующий армией Генштаба генерал-лейтенант И. Г. Эрдели попытался изменить группировку артиллерии, но Селивачев выступил резко против, поскольку продумал план до мелочей. Однако наступление откладывалось. Наконец,

³⁰⁸ Герца Б. В. Воспоминания о моей жизни: В 2 т. Т. 2. Париж, 1970. С. 183.

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 9.

³¹⁰ Герца Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. С. 186.

³¹¹ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 23.

³¹² Там же. Л. 18об.—19.

³¹³ Там же. Л. 19об., 21об.

16–17 июня была проведена методичная артиллерийская подготовка³¹⁴ и сделаны проходы в заграждениях. При этом аэропланы противника корректировали огонь австрийской артиллерии, в результате чего к 15 часам 16 июня часть наших батарей была подавлена. Селивачев потребовал усиления корпусной авиации, и в 35-й авиаотряд, находившийся при корпусе, были присланы два самолета: истребитель и разведчик³¹⁵. После этого работа артиллерии стала более эффективной.

18 июня в 9 утра после артподготовки началось наступление, оказавшееся полной неожиданностью для противника, считавшего русскую армию полностью разложившейся. На разных участках корпуса тогда были заняты несколько линий окопов противника, а к 12 часам со значительными потерями взята высота 392. Не обошлось и без инцидентов, вызванных революционной эпохой. Так, понесший большие потери 24-й Финляндский стрелковый полк, «незвизирая на уговоры любимого ими (стрелками. — А.Г.) командира полка полковника Гроте-де-Буко, ставшего на колени и умолявшего пощадить и его седины, и славу полка, не только не отошел в резерв на указанную ему первую линию окопов австрийцев, но самовольно ушел в дер. Плауча-Велька»³¹⁶. Более того, не выполнившие приказ стрелки направили в штаб корпуса жалобу на начальника 6-й Финляндской стрелковой дивизии Генштаба генерал-майора Н. Э. Бредова. При этом потери полка были вызваны в основном игнорированием указаний Селивачева о создании команд «чистильщиков» окопов. Из-за того, что такие команды не создавались, уцелевшие австрийцы, после прохождения русскими войсками через линии траншей вылезали из «лисьих нор» и открывали огонь в спину нашим солдатам³¹⁷.

К вечеру первого дня наступления корпус закрепился на линии высота 392 (южная) — западная окраина деревни Конюхи. Тактический ключ позиции, сильно укрепленная высота Могила (высота 398) и высота 392 (северная), заняты не были.

³¹⁴ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

³¹⁵ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 26–26об.

³¹⁶ Там же. Л. 31.

³¹⁷ Там же. Л. 32.

Наступление продолжилось и на второй день. Тогда у Зборова особенно отличились чехословаки во главе с полковником В. П. Трояновым, которые заняли три линии австрийских окопов, а финляндские стрелки атаковали с развернутыми красными знаменами и к 14 часам овладели высотой Могила. Наблюдавший за боем начальник штаба 11-й армии генерал Геруа вспоминал: «Мы хорошо видели... как стрелки штурмовали гору “Могила” и радостно слышали донесенное ветром отдаленное “ура” штыковой атаки на вершину, носившую такое мрачное название»³¹⁸. В журнале боевых действий корпуса отмечалось, что Селивачев заявлял генералу Геруа: «Мне бы дивизию резерва, и я был бы за р. Золотой Липой»³¹⁹. Однако такой дивизии не было. Пока же бои шли на Стрыпе. Потери и трофеи корпуса за время двухдневного наступления были следующими (см. табл. 2).

Таблица 2

**Потери и трофеи XLIX армейского корпуса в ходе наступления
18–19 июня 1917 г.**³²⁰

	82-я пехотная дивизия	Чехословацкая стрелковая бригада	4-я Финляндская стрелковая дивизия	6-я Финляндская стрелковая дивизия
Потери				
Офицеров убито	3	7	16	52
Офицеров ранено	7	21	52	41
Офицеров контужено	–	–	14	4
Нижних чинов убито	40	179	279	650
Нижних чинов ранено	930	653	1662	2016
Нижних чинов контужено	–	–	287	–
Нижних чинов пропало без вести	317	26	604	–
Трофеи				
Пленных	762	5533 солдата, 34 офицера	1652 солдата, 101 (?) офицер	1810 солдат, 42 офицера
Орудий	1, вывезено 11, взятых вместе с чехословаками	15, 4 вывезены	10	–
Пулеметов	17	29	21	27
Траншейных орудий	1	2	1	–
Огнетомов	–	–	1	–
Бомбометов	–	–	7	5
Минометов	–	5	4	–
Прожекторов	–	3	–	–
Телеграфных аппаратов	–	4	–	–

³¹⁸ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. С. 194.

³¹⁹ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 38.

³²⁰ Там же. Л. 39об.–41.

В соответствии с поставленной задачей корпус 18–19 июня на участке высота Могила — деревня Конюхи прорвал укрепленную позицию противника и начал его преследование, нанеся поражение IX австрийскому корпусу у Зборова. В сражении в составе Чехословацкой бригады участвовали знаменитый писатель Ярослав Гашек, будущий генерал Радола Гайда, будущий президент Чехословакии Людовик Свобода (причем с австрийской стороны в битве участвовал другой будущий президент Чехословакии Клемент Готвальд).

Как отмечалось в журнале военных действий корпуса, «вся операция протекла удачно и с исключительным успехом, благодаря искусно проведенной артиллерийской подготовке и всестороннем[у] руководству комкор[а] 49 генерала Селивачева»³²¹. А. А. Керсновский впоследствии писал: «Зборовская победа 19 июня 1917 года была крещением молодой чехословацкой армии и лебединой песней финляндских стрелков... Блестящий успех не мог быть развит — тому препятствовало отсутствие конницы и развал пехоты. Вместо того, чтобы поддержать истекавших кровью братьев, резервы митинговали...»³²²

Многочисленные жертвы оказались напрасными. Очень скоро результаты наступления были сведены на нет из-за нежелания солдат воевать и развала армии. 6 июля 1917 г. обер-офицер для поручений штаба корпуса капитан Г. И. Теодори, ведший журнал военных действий корпуса, отметил: «Я должен остановиться на том разложении армии, которое с каждым днем все более и более увеличивается. Уже нет боевых частей, нет начальников, нет и бойцов. Остались — лишь за начальниками ответственность и никакой власти, а вместо солдат — шкурники и наглецы.

Не было ни одного распоряжения, которое бы не рассматривалось на митингах комитетами и лицами, явно заинтересованными в производстве беспорядков. Например, переход полка или части его на отдых из одной деревни в другую вызывал заявление полка (14 Финл[яндский] стр[елковый] полк), что они пойдут, но не в дер. Нестеровце, а в дер. Гнез-

³²¹ Там же. Л. 41.

³²² Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М., 1994. С. 284–285.

лично, т.е. верст на 16–18 в тыл, солдаты 24 Финл[яндского] стр[елкового] полка, а также часть 22 Финл[яндского] стр[елкового] полка, узнав о том, что шта[б] кор[пуса] намерен подтвердить требование о производстве занятий при нахождении в резерве, заявили, что надо “буржуев забросать бомбами”. Пришедшие на укомплектование частей 4 Финл[яндской] стр[елковой] дивизии 7 прапорщиков и часть солдат, дабы поугатать штаб дивизии, открыли огонь из револьверов. Распоряжение о переходе в резерв в новый район, но ближе к противнику, вызвало резкий протест и обсуждение на митингах. Все это свелось в конце концов к настолько медленно катастрофическому исполнению, что прорыв разросся и ничтожные по количеству штыков и даже с неважной подготовкой австрийские и немецкие полки погнались в 7 раз большие по составу и много лучше технически оборудованные наши корпуса. Низость, предательство, трусость, соединенная [с] наглостью, — вот точная характеристика вожаков разложения и лиц, вокруг них сгруппировавшихся. Колоссальное, ничем не поправимое зло внесли представители полковых, дивизионных, армейских и даже фронтовых комитетов, незаконно врывавшихся в сферу деятельности войсковых начальников, не только мешавших им работать, но даже указывавших, какими путями и способами надо вести подготовку и операции, требовавших смещения тех или других офицеров только потому, что офицеры эти свято, неуклонно и твердо выполняли возложенные на них поручения. Наконец, исключительное зло было в тех речах, словах и тоне, коим эти слова и речи произносились, в которых ясно и определенно сквозило непререкаемо огульное обвинение офицерства в контрреволюционных замыслах. Результат — уже сопротивление одних сторожевых частей противника 23 июня свело прорыв 18 июня к нулю, ибо, невзирая на колоссальную убыль офицеров (85–90%), солдаты не только их не слушались, но и осыпали грубой площадной бранью»³²³.

В разгар наступления Селивачев получил новое назначение. 21 июня в корпус приехал военный и морской министр Временного правительства А. Ф. Керенский, личным приказом которого Селивачев, видимо, в качестве поощрения

³²³ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 58–61.

за успех «наступления Керенского», был назначен командующим 7-й армией. В ходе визита Керенский беседовал с делегациями частей, участвовавших в наступлении, и поздравил Селивачева с высоким назначением³²⁴. Интересно, что Селивачев тогда оказал небольшую услугу Керенскому. Сведения об этом сохранились в неопубликованном дневнике Генштаба генерал-майора А. Е. Снесарева. 26 июня 1917 г. Снесарев записал: «А.Ф. Керенского оплевали в гвар[дейском] гренадерском полку (полк от всего отказывается... попробовал уговоривать); а в 6 Финл[яндской] дивизии вступили с ним в пререкания, грубо и нагло... Селивачев еле увел...»³²⁵

Новым командиром корпуса стал Генштаба генерал-майор В. З. Май-Маевский — будущий командующий Добровольческой армией и противник Селивачева по операциям лета 1919 г. 22 июня в 6 утра Селивачев отправился к новому месту службы в деревню Козова³²⁶ и в тот же день принял пост командующего армией.

По свидетельству генерала В.Н. фон Дрейера, «генерал Селивачев, мало представительный, небольшого роста, с длинной бородой и плешивой головой в форме бухарской дыни, оказался более на месте, и с тактом и осторожностью, без всяких митингов, привел распущенные революционные войска к некоторому повиновению»³²⁷.

Председатель стародружинников Чехословацкой стрелковой бригады полковник Й. Ваврох вспоминал: «Командующий армейским корпусом — генерал Владимир Иванович Селивачев. Он знал наш 1-й полк еще с[о] времен Чешской дружины и был рад, что его корпусу была придана Чехословацкая бригада.

Это был симпатичный генерал, 55 лет³²⁸, энергичный, мужественный, но при этом добродушный человек. Он ненавидел людей трусливых, коварных и ленивых.

³²⁴ Там же. Л. 44.

³²⁵ Дневник А. Е. Снесарева за 1917 г. // Архив семьи Снесаревых (Москва). В настоящее время дневник готовится к публикации. Выражаю глубокую благодарность внучке А. Е. Снесарева А. А. Комиссаровой за предоставленные сведения.

³²⁶ РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 46об.

³²⁷ Дрейер В. Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 206.

³²⁸ На самом деле Селивачеву было тогда 49 лет, но, судя по фотографиям, он выглядел гораздо старше своего возраста.

У него была голова особенной формы. Мы ее называли “шишастая”, а русские говорили — “двухэтажная голова”, а самого Селивачева называли “генерал — двухэтажная голова”. В этом прозвище не было насмешки, наоборот, из-за его быстрого ума и наблюдательности верилось, что у него мозг есть как на первом, так и на втором этаже.

В понимании генерала, больше всего Чехословацкая бригада нуждалась в оружии и медицинской помощи, что он и старался обеспечить по мере сил.

Генерал был человеком дела, а посему ненавидел митинги, предшествовавшие наступлению. Еще больше ненавидел трусливых (малодушных) ораторов, которые только говорили, а во время наступления дипломатично отходили на задний план.

Результат Зборовской битвы был неожиданно великолепным, в том числе и для Чехословацкой бригады. Пришло много поздравлений, и в газетах много писали о Зборовском бое. Хочу только привести малоизвестное заключение генерала Селивачева, сказавшего: “За сегодняшний успех благодарю Чехословацкую бригаду”.

В долине Цецове возбужденный до слез этот храбрый генерал благодарил дружных чехословацких воинов и офицеров.

В штабе не только он, но и все остальные офицеры не находили слов, чтобы высказать свое удивление и восхищение боем»³²⁹.

С 22 июня по 9 сентября Селивачев командовал 7-й армией, сменив на этом посту Генштаба генерал-лейтенанта Л. Н. Бельковича. Армия вплоть до 6 июля держала оборону позиции против города Бржезаны. Именно Селивачеву удалось спасти войска от возможного окружения противником. Возглавив армию, он сделал все возможное, чтобы уберечь ее от разложения (вплоть до применения артиллерии в отношении бунтовщиков).

Комиссары 7-й армии даже жаловались на невозможность работать из-за того, что в армейском руководстве оказались противники революции³³⁰. Сам Селивачев не стеснялся высказывать комиссарам свое мнение по принципиальным

³²⁹ Сведения предоставлены О. Н. Хлестовым.

³³⁰ Из дневника ген. В. И. Селивачева. С. 106.

вопросам управления армией и, как говорили, «усиленно воевал» со своим армейским комиссаром³³¹.

С 7 по 13 июля армия отступала в районе рек Серет, Стрыпа и Збруч, а с 14 июля стала закрепляться на позиции по линии местечко Гржималув — река Гнила — река Збруч по старой русской границе. На этих позициях, несмотря на попытки противника атаковать (например, у Гусятина), армия находилась вплоть до ухода из нее самого Селивачева в сентябре 1917 г.

Селивачев был одним из передовых по своим взглядам представителей высшего командного состава русской армии. Он уделял большое внимание подготовке войск, хотя в условиях развала фронта это было непросто. Еще 12 июля в письме к жене он откровенно отметил: «Командовать подобными бандами невозможно»³³². 14 августа 1917 г. в дневнике он записал, что армию «надо учить, учить и учить, т.к. она совершенно не боеспособна, а прибывающие пополнения только ухудшают ее во всех отношениях...»³³³

На встрече с авиаторами в августе 1917 г. Селивачев рассказывал о том, как уговаривал солдат продолжать воевать: «Расскажу, как ездил я сегодня в одну дивизию, вызвали меня туда. Отказывались там полки в наступление идти. Ставят какие-то условия... Приезжаю, строятся... Здороваюсь. В чем дело, друзья мои. Какие такие вы ставите условия, чтобы воевать.

— А желаем, чтобы впереди полков шли командиры, рядом попы с крестами, опосля офицеры, за ними доктора и сестры — а позади мы.

— Очень хорошо, говорю. Долго жил. Много всего видел. Только не видел, чтобы ездил извозчик задом наперед. Этого, признаюсь, не видел. Как же он управлять будет. Кто же вами, друзья, управлять будет. Помолчали, подумали. Засмеялись... Дело уладилось... на сегодня. А завтра — один Бог знает, что еще изобретут. До чего заморочили им головы... До слез мне жаль нашего мужика-солдата»³³⁴.

³³¹ Верцинский Э. А. Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 38.

³³² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 6а.

³³³ Там же. Л. 5об.

³³⁴ Е. Д. и В. Б. Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. 31.12. № 46. С. 10.

Генерал внимательно следил за развитием военной науки и техники. Немногие из командующих армиями эпохи Первой мировой войны могли похвастаться, к примеру, полетами на аэропланах в боевой обстановке. Селивачев, наряду с другим выдающимся русским генералом того периода П. А. Лечицким, придавал большое значение таким вещам и действительно совершил два полета в августе 1917 г. Он искренне говорил сопровождавшим его летчикам: «Вот, где должен находиться командующий армией во время боев... Разве можно сравнить то, что видишь на наблюдательном пункте, с тем, что разворачивается перед глазами с самолета»³³⁵. Совершив 12 августа второй полет в сопровождении семи истребителей, Селивачев записал в дневнике: «Картина в воздухе была великолепная»³³⁶.

Генерал планировал продолжить полеты и даже облететь весь фронт своей армии, причем совершенно пренебрегал личной опасностью. Так, когда один из устаревших аппаратов «Вуазен», на котором он поднялся в воздух, оказался неисправен, Селивачева это не смутило, и он продолжил полет на другой машине. У летчиков остались исключительно благожелательные воспоминания о генерале. По их воспоминаниям, Селивачев — «невысокий, худощавый генерал с большой седеющей бородой... с видимым сожалением расстался командующий армией со своими хозяевами. С таким же сожалением расставались с ген. Селивачевым и летчики. За эти короткие часы они сумели увидеть болезненно стыдливую, замкнутую обычно, но прекрасную, чистую и пламенную душу своего начальника, раскрывшуюся в дружной офицерской семье в те смутные тяжкие дни»³³⁷. После этих полетов недоброжелатели Селивачева стали распускать слухи, что генерал летал на аэроплане, чтобы сигнализировать немцам и указать места для прорыва русских позиций³³⁸.

В день своего второго полета, 12 августа, Селивачев записал в дневнике: «С минуты на минуту ожидаются крупные события и вызов корниловцев не позднее 15¹² авг[уста].

³³⁵ Там же. С. 9.

³³⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4об.

³³⁷ *Е.Д. и В.Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 9–10.

³³⁸ *Верцинский Э.А.* Год революции. С. 34.

Дай Бог Корнилову остаться на месте и справиться с этой разрухой — гидрой!!»³³⁹ При этом сам Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов советовал Селивачеву избегать конфликтов с комиссарами, так как вскоре ожидалась серьезные перемены³⁴⁰. Эти свидетельства указывают на осведомленность Селивачева о планах сторонников Корнилова. После совещания командующих армиями 15 августа Селивачев записал: «Общая наша (командующих армиями. — А.Г.) песенка одна — армии больны, необходима власть начальникам, сокращение работы разного рода комитетов и комиссаров, т.к. толку в них никакого. До исцеления армии думать о наступлении трудно — слава Богу еще, что в армиях идут боевые поиски»³⁴¹. Характеристика министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского Селивачевым на фоне происходящего вполне ожидаема: «Общее впечатление от него — как от человека истерического, которому место в больнице душевнобольных»³⁴². Неудивительно, что во время корниловского выступления Селивачев поддержал генерала Л. Г. Корнилова, после чего был отстранен от должности и арестован комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским³⁴³.

28 августа Селивачев присоединился к датированной предыдущим днем телеграмме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. И. Деникина, адресованной Керенскому, Корнилову и главнокомандующим фронтами: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту Главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требова-

³³⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4об.

³⁴⁰ Там же. Л. 4а.

³⁴¹ Там же. Л. 6–6об.

³⁴² Там же. Л. 13об.

³⁴³ Из дневника ген. В. И. Селивачева. С. 106; Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 554–556.

ния, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути с ним не пойду. 27 августа № 145. Генерал Деникин»³⁴⁴.

Оказавшийся в те дни в штабе 7-й армии генштабист К. З. Ахаткин вспоминал: «Приехав туда, мы застали там странное возбуждение. В оперативной сами офицеры печатали какие-то воззвания на шапирографе. Оказалось, произошло столкновение Корнилова и Керенского. Вернее, Керенский совершил еще одну подлость, цепляясь за власть. Командный состав как в первые дни революции легко отрекся от Государя, так теперь отрекались от Корнилова... Как не понял наш генералитет настроения минуты. А минута была такова, что стань командный состав на сторону Корнилова, и армия пошла бы за ними. Я помню эти минуты и тот страх беспомощности, что объял солдатские массы при одном слухе, что весь командный состав пошел за Корниловым. Этого не случилось, и Корнилов погиб, а с ним вместе погибла и надежда на скорое возрождение Родины»³⁴⁵.

Еще в разгар войны Селивачев принял решение уйти из армии после прекращения боевых действий, теперь же это решение стало бесповоротным. Он решил уволиться по состоянию здоровья, истинная же причина заключалась в невыносимости условий службы и в полнейшем разочаровании.

28 августа находившийся при Селивачеве комиссар Временного правительства перевел в свое подчинение комендантскую команду штаба армии и броневика³⁴⁶. 31 августа Селивачев записал в дневнике, подводя итог состоянию войск: «Великое дело спасения армии попадает в руки полнейших невежд. Бедная, бедная родная армия — из этой — из этой могучей, страшной врагам силы ты превратилась в толпу разнузданных хулиганов, шкурников... Лично я не вижу просвета и глубоко убежден в полном развале армии»³⁴⁷.

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13–13об.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 43об.—44.

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 18об.

³⁴⁷ Там же. Л. 22.

2 сентября генерал был арестован, но освобожден уже 11 сентября. По одному из свидетельств, «озверелая солдатня арестовала его и гнала сорок верст по грязи до станции железной дороги»³⁴⁸. Под арестом Селивачев находился в бердичевской тюрьме³⁴⁹. Допрашивал его полковник Р.Р. фон Раупах. Вполне понятно, что в дальнейшем на фронт генерал не вернулся. В послужном списке об аресте не говорилось, но отмечалось, что 2 сентября 1917 г. Селивачев был отправлен в штаб армий Юго-Западного фронта для освидетельствования состояния здоровья на предмет эвакуации внутрь России. 11 сентября он был освидетельствован к эвакуации через Киевский эвакуационный пункт, а 13 сентября поступил на учет Петроградского тылового распределительно-эвакуационного пункта. С 20 сентября по 20 ноября Селивачев числился уволенным в отпуск по болезни. 20 ноября он вернулся на учет и был вновь уволен в двухмесячный отпуск с 24 ноября 1917 г. по 24 января 1918 г. Следующий двухмесячный отпуск он получил с 25 января по 25 марта 1918 г., причем на основании приказа народного комиссара по военным делам от 29 января 1918 г. № 113 согласно личному желанию был уволен вовсе от военной службы.

Интересную характеристику генерала оставил его подчиненный в годы Первой мировой войны будущий гетман Украины П. П. Скоропадский. Селивачев, по его словам, не сочувствовал украинскому вопросу, но к Скоропадскому лично относился очень хорошо. «Хороший генерал, это тоже один из честных русских генералов. Вообще, как и во всем в России, вечно самые яркие контрасты, также и в среде генералов. Чуть ли не ходячее мнение, что наш высший командный состав плох. Это, по-моему, неверно; среди нашего генералитета были действительно светлые личности, и к таким, между прочим, я причисляю Селивачева. Но при существующей у нас вечной анархии и справа, и слева честным людям приходится преодолевать несравненно больше препятствий для проявления своей воли и инициативы в полез-

³⁴⁸ *Е.Д. и В.Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 10.

³⁴⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: В 3 кн. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 2003. С. 564.

ную сторону, чем где бы то ни было в другой стране... Вообще, это был редко честный человек»³⁵⁰.

Похожую характеристику оставил и Генштаба генерал-майор Б. В. Геруа: «Не помню, кто командовал 6-м корпусом, но командира 49-го забыть трудно. Это был генерал Селивачев, составивший себе вообще, а в те смутные дни в особенности славу ловкого, толкового и энергичного начальника. Небольшого роста, худой, с необыкновенно длинным лицом, в усах и бороде, точно из-под кисти El Гресо, и с еще более длинным лысым черепом, возвышавшимся в форме цилиндра Селивачев обращал на себя внимание. Голова эта сослужила плохую службу Селивачеву в академии Генерального штаба: учился он очень хорошо, а в Генеральный штаб его не выпустили. Сказали: “Нельзя с таким природным цилиндром, над которым будут шутить!”

Но под цилиндром были отличные мозги, а на войне Селивачев доказал и свою волю»³⁵¹.

По оценке генерала А. И. Деникина, Селивачев — «прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов»³⁵². По другим оценкам, Селивачев был довольно наивным и доверчивым человеком³⁵³.

Итак, перед нами храбрый офицер, военный профессионал с блестящей подготовкой и огромным боевым и командным опытом на всех уровнях военного управления до уровня армии включительно. Человек, глубоко и несправедливо

³⁵⁰ *Скоропадский П.* Спогади. К.; Філадельфія, 1995. С. 64–65, 66. Любопытно, что сам Селивачев в дневниковой записи от 22 августа 1917 г. дал совершенно противоположную характеристику Скоропадскому: «Вечером приехал генерал Скоропадский, все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу Украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т.к. он стал доказывать, что в этой разруге не он виноват, а те, кто согласился на Украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то «самостийных» идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно» (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12об.).

³⁵¹ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 2. С. 186–187.

³⁵² *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Кн. 1. Т. 1. С. 540.

³⁵³ *Раунах Р. Р., фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 147.

обиженный при старом режиме, разочаровавшийся в нем, но не принимавший революционную анархию и считавший, что армия должна быть вне политики. То, что генерал многие годы изо дня в день вел подробнейший дневник, говорит об определенных чертах его характера — усидчивости, упорстве, силе воли.

Монархистом по состоянию на 1917 г. Селивачев уже, скорее всего, не был. В дневниковой записи от 20 марта он отмечал: «Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шел впереди толпы с красным знаменем. — Вот наши бывшие приверженцы монархического строя, заживавшие своими речами за царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг царского трона!!!»³⁵⁴

Разумеется, многое Селивачев для себя не формулировал, что-то воспринимал на подсознательном уровне. Однако поводов критически воспринимать старый режим было немало. Селивачев обращал внимание на неспособность прежней власти осуществить отбор грамотного командного состава на высшие посты. Система подготовки и организации русской армии вызывала у генерала постоянное раздражение, в результате чего по окончании мировой войны он собирался оставить военную службу, полностью в ней разочаровавшись. Ответственность за многочисленные провалы во внутриполитических вопросах и неудачи на Восточном фронте генерал возлагал на последнего императора и его пронемецкое, по мнению Селивачева, окружение. Более того, Селивачев, судя по его дневнику, был склонен верить слухам о шпионаже императрицы Александры Федоровны в пользу немцев³⁵⁵. Доверчивое отношение генерала к подобным нелепостям вызывало удивление современников и непонимание, как во главе армии может стоять такой наивный человек³⁵⁶. Однако те, кто считают генерала наивным, не анализируют дневниковые записи Селивачева, в которых тот показал себя и с совершенно другой стороны. Например, запись от 2 февраля 1917 г. о неизбежности грядущей революции³⁵⁷

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 72об.

³⁵⁵ Из дневника ген. В. И. Селивачева. С. 110–111.

³⁵⁶ *Рауш П. Р., фон. Facies Hippocratica...* С. 147.

³⁵⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 15об.

или запись от 11 марта, в которой он прогнозировал выдвижение генерала А. А. Брусилова на пост Верховного главнокомандующего, действительно произошедшее два с лишним месяца спустя³⁵⁸.

Селивачев тяжело переживал развал армии и падение дисциплины³⁵⁹, но прекрасно понимал недостатки системы военного управления и отмечал 28 января 1917 г.: «Неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни»³⁶⁰. По всей видимости, он был готов поддержать любые политические силы, которые были способны навести порядок в стране и в армии: «Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение», — записал Селивачев 13 июля 1917 г.³⁶¹ Вполне возможно, что по этой причине он в дальнейшем поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова, а позднее оказался в рядах Красной армии, в отношении которой существовала надежда на обновление заржавевшего военного механизма страны. Уже в силу этого представляется маловероятным, чтобы в Гражданскую войну генерал стал работать на традиционалистов-белых.

³⁵⁸ Там же. Л. 57об.

³⁵⁹ *Апухтин С.* На фронте после революции // Военная быль (Париж). 1968. Июль. № 92. С. 34; также опубл. в: *Зарождение Добровольческой армии.* М., 2001. С. 43.

³⁶⁰ Из дневника ген. В. И. Селивачева. С. 105.

³⁶¹ Из дневника ген. В. И. Селивачева (окончание) / Публ. Н. Какурина // *Красный архив (М. – Л.).* 1925. Т. 3 (10). С. 149.

Глава 3. Безвременье

19 марта 1918 г. Селивачев был уволен со службы по собственному желанию с правом свободного проживания в городах Финляндии. Соответствующий документ был ему выдан в финском городе Тавастгус³⁶². Уже через несколько месяцев ему пришлось вновь заняться оформлением отставки в целях получения пенсии и вернуться в Советскую Россию, хотя Селивачев вполне мог этого не делать, а, например, остаться за границей или пойти на службу в одну из антибольшевистских армий.

26 июня 1918 г. Селивачев подал прошение об увольнении в отставку по болезни: «Будучи эвакуирован по болезни из действующей армии, я был зачислен на учет при Петроградском тыловом распределительном эвакуационном пункте, от коего и был уволен в отпуск по болезни в Финляндию. Ввиду окончания срока пребывания моего в эвакуации (6 месяцев) и невозможности, вследствие прекращения всякого сообщения с Петроградом, возвратиться из отпуска, я просил тавастгусского окружного воинского начальника об увольнении меня вовсе от службы, в чем и получил удостоверение за № 673.

По возвращении в Петроград я был освидетельствован в состоянии моего здоровья в комиссии при Николаевском военном госпитале, которая и признала меня подлежащим увольнению от службы по болезни с правом на получение пенсии»³⁶³. В это время Селивачев проживал в Петрограде по адресу: Надеждинская улица, д. 52, кв. 4.

³⁶² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 2.

³⁶³ Там же. Л. 1.

В тот же день Селивачев написал письмо своему другу Николаю Николаевичу, скорее всего, бывшему Генштаба генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову, ставшему крупной фигурой в РККА — начальником Всероссийского главного штаба: «Дорогой и милый Николай Николаевич!... Оставшись теперь без всяких средств и не имея никакой службы и никакого дела, я подал прошение в Главный штаб об увольнении меня в отставку с пенсией. Это единственный теперь источник моего существования; поэтому получить эту пенсию возможно скорее составляет для меня большой вопрос... Да хранит Вас Господь, родной мой! Целую Вас крепко-крепко. Искренно Вас любящий и глубоко уважающий В. Селивачев»³⁶⁴. Из документа следовало, что это уже не первое обращение Селивачева к Стогову за содействием. Письмо с просьбой о помощи в решении пенсионного вопроса Селивачев направил и бывшему генералу П. М. Гурскому.

По всей видимости, Стогов смог выручить Селивачева, так как в одном из последующих документов отмечалось, что Всероглавштаб снесся с Наркоматом по финансам и пенсия Селивачеву была обеспечена³⁶⁵. Селивачеву полагалась пенсия в 3600 руб. в год из казны и 859 руб. из эмеритальной кассы³⁶⁶. Определенную помощь в получении пенсии оказал Селивачеву его сын Михаил, но из-за бюрократических сложностей и отсутствия дубликатов некоторых служебных документов Селивачеву пришлось утрясать пенсионный вопрос вплоть до осени 1918 г.

Материальное положение Селивачевых в 1917–1918 гг. было незавидным — семья влачила нищенское существование. После ухода с военной службы бывший генерал был вынужден трудиться в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц³⁶⁷. В поисках заработка Селивачев хватался за любую черную работу — занимался перетаскиванием досок и бочек, работал поденщиком на заводе³⁶⁸. Необходимо было содержать большую

³⁶⁴ Там же. Л. 4.

³⁶⁵ Там же. Л. 9.

³⁶⁶ Там же. Л. 10–11.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

³⁶⁸ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 76; *Автократов В. Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 70.

семью (жена и шестеро детей), в которой помимо несовершеннолетних детей была и неработоспособная дочь. Но по каким-то причинам возвращаться на военную службу и служить в РККА в этот период он не стремился. Теперь Селивачев жил на Фурштатской улице, д. 18, кв. 5. По всей видимости, семье пришлось переезжать с квартиры на квартиру.

В конце концов, Селивачеву удалось найти соответствующую его квалификации, вполне спокойную и лучше оплачиваемую работу. 25 августа 1918 г. датировано письмо старшего архивариуса, бывшего полковника артиллерии Г. Г. Елчанинова известному военному историку Г. С. Габаеву, руководившему тогда военными архивами в Петрограде:

«Глубокоуважаемый Георгий Соломонович!

Беру на себя смелость направить к Вам Владимира Ивановича Селивачева, бывшего ком[анди]ра 49^{го} корп[уса] и ком[андую]щего VII армией, моего старого друга и человека с выдающимся военным именем, — который теперь принужден работать в качестве поденщика, в страшно тяжелых условиях, на химическом заводе. Если не теперь, то, б[ы]ть м[ожет,] в недалеком будущем, представится возможность пристроить его к нашему делу, где он, благодаря своей эрудиции, высшему образованию, огромному опыту, замечательной памяти — принесет бесконечную пользу.

Искренно уважающий Вас

Г. Елчанинов»³⁶⁹.

Бывший генерал уже обладал определенным опытом архивной работы. Еще в 1897 г. он занимался приведением в порядок архива штаба I армейского корпуса, позднее участвовал в качестве сотрудника в архивных работах по написанию генералом А. М. Зайончковским истории Крымской войны 1853–1856 гг. (для Селивачева это могло быть данью памяти своему отцу — герою той войны), разрабатывал и лично редактировал «Историю 179-го пехотного Усть-Двинского полка» к его столетнему юбилею, принимал участие в архивно-исторических работах по написанию «Истории 85-го пехотного Выборгского полка»³⁷⁰. Считалось, что Селивачев

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

³⁷⁰ Там же. Л. 74.

может принести незаменимую пользу в деле изучения материалов Первой мировой войны, живым свидетелем и участником многих событий которой он был. К тому же он владел французским и немецким языками.

С конца августа 1918 г. Селивачев работал в первом петроградском отделении третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда (с 1 сентября 1918 г. был там заведующим отделом³⁷¹) под руководством Г. С. Габаева, здесь же трудился будущий зять Селивачева Д. Д. Зуев³⁷². Вместе с ним Селивачев занимался в канцелярии (улица Кирочная, д. 78) и в справочно-регистрационном отделе. Архивные учреждения секции были разбросаны по всему Петрограду, размещались в Кронверке и в самой Петропавловской крепости, а также в других местах³⁷³. Оклады Селивачева и Зуева как заведующих отделами составляли 750 руб., пригласивший Селивачева Елчанинов получал 650 руб., а управляющий отделением Габаев — 800 руб.³⁷⁴

Д. Д. Зуев в своих показаниях по делу «Весна» так характеризовал этот период жизни Селивачева: «На империалистическую войну он вышел начальником 4-й Финляндской стр[елковой] бригады и к концу был командармом. По демобилизации уехал в место квартирования бригады, гор[од] Таммерфорс, где с семьей пережил пассивно финскую Гражданскую войну, а затем, видимо под влиянием национальных побуждений — со всей семьей (жена, три сына, три дочери), с незначительным багажом, с большими трудностями весной 1918 года приехал в Петроград. В Красную армию не шел, а работал где придется и летом 1918 года с роли каталы на Калашниковской набережной был включен Габаевым в число работников военной секции Главархива. Зав[едующий] Главархивом Д. Б. Рязанов сразу его выделил и перевел в Москву на должность зав[едующего] военной секцией всех архивов РСФСР»³⁷⁵.

³⁷¹ Коротков А. В. Военные архивы в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.) // Советские архивы. 1990. № 4. С. 66.

³⁷² Автократов В. Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева. С. 70.

³⁷³ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

³⁷⁴ Там же. Л. 98.

³⁷⁵ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

Причина карьерного взлета Селивачева на архивном поприще, по всей видимости, заключалась в том, что осенью 1918 г. Зуев и Габаев стремились остаться в Петрограде, а Селивачев не имел ничего против того, чтобы перебраться в Москву³⁷⁶. По оценке военного историка Н. Л. Кладо, Селивачев — «прекрасный полководец, Генерального штаба (значит, подготовленный к историческим работам) и умный и работающий человек»³⁷⁷.

Перебравшись в Москву, Селивачев поселился на Маросейке, д. 9, кв. 4, где для него и его семьи было реквизировано полквартиры Беловых³⁷⁸, а 1 ноября 1918 г. был принят на службу в Главное управление архивным делом (ГУАД) в должности заведующего первым московским отделением третьей секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.³⁷⁹ Таким образом, Селивачев оказался на должности, равной той, что занимал в Петрограде принявший его на службу Габаев. Помощником Селивачева стал бывший артиллерийский поручик А. А. Трояновский. До ноября 1918 г. секция существовала лишь номинально, поэтому работы было много³⁸⁰.

Новая должность давала Селивачеву в условиях революционного беспорядка «бывших людей» ряд серьезных преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относится ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

³⁷⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150.

³⁷⁷ Цит. по: *Автократов В. Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева. С. 76.

³⁷⁸ Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 362. Сын Селивачева Борис проживал по этому же адресу на момент своего ареста 29 августа 1937 г. (Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007). Члены семьи проживали там и после Великой Отечественной войны.

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1; РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 167. Отдельные документы Селивачева за этот период опубликованы: Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797–2007. М., 2011. С. 369–370.

³⁸⁰ *Коротков А. В.* Военные архивы в первые годы Советской власти. С. 60.

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно — необходимыми. — А.Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»³⁸¹.

Кроме того, Селивачев был отнесен ко второй категории «классового пайка»³⁸².

Селивачев был человеком благодарным и заботливым. Устроившись в ГУАД, он помог в трудоустройстве туда же недавно выручившего его с пенсией бывшего генерала Стогова, который только освободился из-под ареста. Последний поступил к Селивачеву в отделение с 25 ноября 1918 г. сначала как секретарь канцелярии с окладом 940 руб., а затем как помощник управляющего, управляющий первым московским отделением третьей секции Единого государственного архивного фонда и помощник заведующего секцией Селивачева с окладом 1200 руб.³⁸³ Так на практике осуществлялась взаимовыручка бывших офицеров в непростых советских условиях.

Архивное ведомство в то время было идеальным пристанищем для десятков бывших офицеров, не желавших участвовать в братоубийственной войне или содействовать большевистскому режиму. На архивной службе в 1918–1920 гг. оказались даже многие бывшие офицеры

³⁸¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 3.

³⁸² Там же. Л. 4.

³⁸³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3; РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 285. Л. 3; Д. 1415. Л. 109.

Генерального штаба³⁸⁴, столь необходимые большевикам на командно-штабной работе. Сюда же они трудоустроили своих ближайших родственников. Но Селивачев не просто пережил Гражданскую войну, он вел активную работу по сохранению уникальных архивов по истории русской армии, составлял различные доклады, настаивал на упорядочении архивов, заботился о положении архивистов³⁸⁵.

В начале декабря 1918 г. произошла реорганизация секции, в которой работал бывший генерал. Первое и второе петроградские и первое московское отделения третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда были подчинены заведующему третьей секцией³⁸⁶, которым с 15 декабря 1918 г. стал Селивачев, пошедший, таким образом, на повышение. Его новый оклад достигал 1300 руб. Помимо этого, Селивачев был членом коллегии Главного управления архивным делом. Управляющим первым петроградским отделением был утвержден Габаев, а Зуев значился его помощником.

В анкете комиссариата по народному образованию Селивачев указал, что его могли аттестовать руководитель ГУАД видный большевик Д. Б. Рязанов, военспец Г. И. Теодори и главком И. И. Вацетис³⁸⁷. Уже через несколько месяцев все трое будут активно добиваться освобождения Селивачева из-под ареста.

³⁸⁴ Помимо Стогова и Селивачева здесь в разное время в годы Гражданской войны работали А. Н. Апухтин, А. К. Баиов, А. И. Верховский, П. Н. Воронов, П. А. Гейсман, П. Н. Гусаковский, Н. А. Данилов, А. М. Зайончковский, П. И. Измestьев, М. П. Каменский, Д. К. Лебедев, Н. П. Михневич, В. А. Олохов, С. Ф. Розанов, Н. В. Хенриксон.

³⁸⁵ См., напр.: Российский государственный военно-исторический архив... С. 369–370; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны: (История изучения). М., 1980. С. 168.

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 189.

³⁸⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2. Теодори в Первую мировую был подчиненным Селивачева по службе в 4-м Финляндском стрелковом артдивизионе, в котором он служил вместе с сыном Селивачева Борисом. В дневнике генерала есть запись об их встрече в октябре 1915 г., причем Теодори просил Селивачева не придавать значения его конфликту с начальником штаба 4-й Финляндской стрелковой дивизии Генштаба подполковником К. В. Ивановым (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 9). Конфликтность была характерной чертой Теодори с дореволюционных времен. В 1917 г. капитан Теодори занимал должность обер-офицера для поручений штаба XLIX армейского корпуса, которым командовал Селивачев.

Не без протекции отца в ГУАД 27 января 1919 г. смогла устроиться дочь Селивачева Татьяна в качестве секретаря 2-го разряда с окладом 830 руб.³⁸⁸ Здесь же с 1 декабря 1918 г. работала младшим помощником архивариуса и Ксения Селивачева, получавшая 780 руб. в месяц³⁸⁹. Здесь же трудился переплетчиком-машинистом 16-летний Константин Селивачев, окончивший 7 классов мужской гимназии³⁹⁰.

Вполне возможно, Селивачев контактировал с антибольшевистским подпольем в Москве, руководителем военной составляющей которого был его друг Стогов. На этот счет сохранилось чрезвычайно важное свидетельство. Глава московской подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр» кадет Н. Н. Щепкин сообщал своим соратникам в Екатеринодар шифром по системе «Азбука» 25 ноября 1918 г.: «На случай ухода большевиков принимаются меры, дабы в Москве поддержать порядок. Для этого есть военная организация, небольшая, но понемногу растущая. Национальный центр полагает, что нужно всемерно торопить союзников, представляя всю серьезность положения... Пришлите нам призыв Деникина к офицерам и его обстоятельные указания для ближайшего и более отдаленного периодов. Мы заручились содействием генерала Селивачева»³⁹¹.

Были и другие свидетельства причастности Селивачева к подполью. Зять Селивачева Д. Д. Зуев сообщал 5 апреля 1931 г. в своих показаниях по делу «Весна»:

³⁸⁸ Татьяна Владимировна Селивачева окончила Екатерининский институт благородных девиц и счетоводные курсы М. В. Побединского, работала во 2-м петроградском военном строительстве конторщицей (15.10.1918–15.01.1919) с окладом 800 руб., откуда ушла по обстоятельствам личного характера. По другим документам, также работала и д. помощника бухгалтера в 4-м военном строительстве в Вятке (до 18.01.1919). 13 августа 1919 уволилась по прошению с должности секретаря 2-го разряда и делопроизводителя Главного управления архивным делом. Счетовод отдела медицинского снабжения Наркомата здравоохранения РСФСР с окладом 2020 руб. (с 05.12.1919). Проживала в Москве по адресу: Маросейка, д. 9, кв. 29 (ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 40. Д. 1835. Л. 2, 4–4об.; Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 228. Л. 1, 2; Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1732. Л. 1, 2, 4, 6).

³⁸⁹ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 2. Л. 81; Д. 18. Л. 1об.; Д. 19. Л. 4об., 57.

³⁹⁰ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 102об.; ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 20. Л. 53.

³⁹¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 531.

«Вскоре он (Селивачев. — А.Г.) по совместительству был привлечен в качестве руководителя Военной академии РККА³⁹². Дважды был арестован ВЧК, причем первый раз довольно быстро освобожден хлопотами Рязанова. Ему инкриминировалось участие в к[онтр]р[еволюционном] заговоре, в котором он будто бы фигурировал в качестве будущего диктатора Москвы под буквами В.И.С. Было ли что-то в действительности или нет — не знаю, но что были какие-то бумаги, которые были скрыты в момент обыска, об этом впоследствии говорил кто-то из семьи. Второй арест был гораздо продолжительнее и закончился принятием должности помощника командующего Южным фронтом (командующий тов. Егорьев)... Со слов Д. И. Нечкина (помощник Д. Б. Рязанова по Институту КМ и ФЭ³⁹³ по музею), в бытность его зав[едующим] Центр[альным] упр[авлением] архивов Турк[естанской] республики, где я с ним работал, Рязанов был недоволен, что Селивачев во время своего второго ареста “на что-то согласился”, “в чем-то признался”, так как ему — Рязанову — будто бы уже совершенно удалось добиться освобождения Селивачева и сохранения его в архиве»³⁹⁴.

Один из руководящих работников ВЧК, М. Я. Лацис, указывал на Селивачева как на руководителя подпольной объединенной офицерской организации, однако с этим трудно согласиться. Помощником Селивачева, по версии Лациса, был бывший Генштаба генерал-лейтенант В. И. Соколов. Инициалы последнего, между прочим, совпадали с инициалами потенциального диктатора Москвы, зашифрованного буквами В.И.С. (согласно протоколам допроса Зуева), так что речь могла идти и о нем. Офицером для поручений в организации значился бывший Генштаба полковник Б. М. Иванов, начальником разведки — бывший Генштаба генерал-майор Б. А. Левицкий³⁹⁵. Кроме них в организации состоял Н. Н. Стогов. Все эти лица были арестованы, причем Левиц-

³⁹² Очевидно, имеется в виду должность военного руководителя по предметам.

³⁹³ Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

³⁹⁴ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

³⁹⁵ *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920. С. 35.

кий и Соколов расстреляны, Стогов сумел бежать к белым, а Иванов находился под арестом в 1920–1921 гг. Указанные лица действительно играли руководящую роль в московском антибольшевистском подполье. Что касается самого Селивачева, других данных о его подпольной работе пока не обнаружено.

Только в декабре 1918 г., сравнительно поздно, Селивачев оказался на службе в Красной армии. К сожалению, пока не удалось обнаружить документов о том, при каких обстоятельствах состоялся переход бывшего генерала на военную службу. Первоначально он работал сотрудником-составителем в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при Всероссийском главном штабе. Некоторое время он совмещал эту работу с архивной службой, что удавалось с трудом, причем Селивачев даже просил освободить его от работы в комиссии³⁹⁶. Военно-научную стезю, как и родственную ей работу в архивном ведомстве, нередко выбирали те военспецы, которые не желали участвовать в Гражданской войне. Комиссия была создана при военно-историческом отделе организационного управления Всероглавштаба приказом РВСР № 355 в ноябре 1918 г. Временно исполняющим должность ее председателя стал известный военный специалист и ученый бывший Генштаба генерал-майор А. А. Свечин, хорошо известный Селивачеву по мировой войне. Ответственными редакторами были В. Н. Клембовский, К. И. Рыльский, Д. П. Парский, Я. К. Цихович, Д. К. Лебедев. В состав комиссии также вошли сотрудники-составители: В. Е. Борисов, В. И. Соколов, А. Н. Суворов, А. С. Гришинский, К. К. Баиов, Л. А. Радус-Зенкович, Д. А. Долгов, А. А. Незнамов, А. Д. Окунев, В. И. Селивачев, Н. Г. Корсун³⁹⁷. Селивачев должен был заниматься периодом Первой мировой войны с сентября 1916 по начало Февральской революции, а также действиями на Румынском фронте³⁹⁸. Одновременно бывший генерал преподавал в академии Генштаба РККА и на курсах разведки и военного контроля. После того как совместительство было ограничено,

³⁹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 405.

³⁹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 173.

³⁹⁸ Там же. Л. 174об.

он был вынужден оставить работу в комиссии³⁹⁹, тем более что не имел возможности определить точные часы, в которые мог там работать⁴⁰⁰.

Оснований любить большевиков у Селивачева не было. В 1919 г. он долгое время провел под арестом в Бутырской тюрьме по обвинению в принадлежности к подпольной объединенной офицерской организации⁴⁰¹. В советской литературе, за исключением краткого упоминания в труднодоступной тогда «Красной книге ВЧК», факт длительного пребывания Селивачева в заключении не только не афишировался, но даже, скорее, наоборот, намеренно замалчивался. Например, П. Г. Софинов в «Очерках истории ВЧК», выпущенных в 1960 г. Государственным издательством политической литературы, прямо указал: «Во главе военных заговорщиков вначале стоял бывший царский генерал Селивачев, сотрудник исторической комиссии при Всероглавштабе. Вскоре Троцкий “выдвинул” генерала Селивачева на должность помощника командующего Южным фронтом. Уезжая на фронт, Селивачев передал руководство контрреволюционной организацией полковнику (так в тексте, правильно — бывшему генералу.— А.Г.) Стогову, начальнику Всероглавштаба. Находясь в действующей армии, Селивачев не прерывал связи с московскими заговорщиками. Из Москвы он получал шпионские материалы и переправлял их Деникину»⁴⁰². Далее Софинов утверждал, что к маю 1919 г. ВЧК якобы располагала данными о шпионской деятельности Стогова и Селивачева, но их аресту воспротивился Троцкий. По этой версии,

³⁹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 130об.

⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 405. На рубеже 1918–1919 гг. Селивачев также работал в комиссии Высшей военной инспекции, инспектировавшей Всероссийский главный штаб. Селивачев занимался инспектированием академии Генштаба и военно-учебных заведений (РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 374). 28 января 1919 г. он обратился к руководству инспекции с просьбой освободить его от этой деятельности в связи с архивной работой и ведением практических занятий в академии, требовавших ежедневной подготовки. Работать «кое-как считаю и вредным для дела и неприличным», — резюмировал Селивачев (Там же. Л. 405).

⁴⁰¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326; Красная книга ВЧК: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 414.

⁴⁰² Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 169.

позднее Стогов был арестован за хозяйственные преступления, а Селивачев так и остался на свободе⁴⁰³.

Изложение Софинова следует считать намеренным искажением фактов, призванным, вероятно, скрыть какие-то неудобные для чекистов стороны их ранней истории. Вкратце смысл этого пассажа заключался в том, чтобы показать сложную работу бдительных чекистов и вредительство Троцкого. Однако Софинов не считал необходимым вдаваться в детали, которые говорят о том, что на самом деле Стогов был под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. На май 1919 г. он не был ни полковником, ни главой Всероглавштаба. Арестованный почти на полгода Селивачев не мог ему передать эстафету, тем более что никаких определенных данных о причастности Селивачева к московскому военному подполью нет. Нет данных и о том, что на фронте Селивачев поддерживал связь с московским подпольем и Деникиным. Технически это было невыполнимо. Наконец, неверно, что Селивачев так и не был арестован, поскольку история с его арестом отчетливо прослеживается по архивным документам.

Первый арест Селивачева произошел 9 февраля 1919 г., однако неожиданно у арестованного нашлись заступники. Причем переписка об освобождении бывшего генерала раскрывает некоторые ранее неизвестные факты, касающиеся взаимоотношений военспецов и чекистского руководства.

Консультант Регистрационного управления (Региструпра) Полевого штаба РВСР Г. И. Теодори телеграфировал начальнику Региструпра С. И. Аралову секретно в собственные руки: «Контакта между нами (военспецами. — А.Г.) и Особым отделом не получится до тех пор, пока с нами не прекратят неприлично держаться. Достаточно заявления тов. Эйдук⁴⁰⁴, сделанного мне 13 февраля, чтобы вопрос о взаимодействии отпал. Тот характер и тон отношений, который взят по отношению к выпуску, не только не допустим, но такой тон за 15 месяцев работы допустил лишь

⁴⁰³ Там же. С. 170.

⁴⁰⁴ Эйдук Александр Владимирович (1886–28.08.1938) — заместитель председателя особого отдела ВЧК (01–06.1919).

тов. Чикколини⁴⁰⁵, да и то один только раз. Являясь ответственным и доверенным лицом, как и многие из нас: [В.Ф.] Тарасов, [Н.Н.] Доможиров, [И.Н.] Полозов, [П.М.] Майгур, [С.И.] Петров, [Е.И.] Исаев, [Г.Я.] Кутырев, [В.А.] Срывалин⁴⁰⁶ и т.д., я не могу допустить такого отношения к нам. Мы будем не только протестовать, но отвечать тем же, ибо никто не имеет права нас порочить, а особенно лица, кои зарекомендовали себя по совместной с нами работе отрицательно. Случай с Селивачевым, за которого ручались Вы, Рязанов, Павулан⁴⁰⁷ и 15 лиц выпуска 1917 года, показывает, что нам надо уходить, ибо на 15 месяце службы еще есть лица, кои имеют смелость и дерзость быть с нами неприличными, говоря громко о недоверии. Ваше пожелание надо направить в сторону тех, кто нас трогает. Москва. 14 февраля № 999/ру. Теодори»⁴⁰⁸.

Фактически Теодори, опираясь на поддержку выпускников ускоренных курсов академии Генштаба, объявил вой-

⁴⁰⁵ Чикколини Сергей Владимирович (ок. 1892–?) — революционер итальянского происхождения. Внук участника движения Дж. Гарибальди. Участник январской демонстрации 1905 г. Участник Ленской демонстрации. Накануне Первой мировой войны находился в заключении. Добровольцем пошел на фронт Первой мировой войны, якобы для пораженческой пропаганды. Получил шесть контузий и ранений. Произведен в офицеры. Разжалован. Служил братом милосердия на Северном фронте. Член РКП(б). Участвовал в усмирении и расстрелах хитровцев в Москве (10.1917). Член фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам (1918). Начальник отделения военного контроля оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Заместитель заведующего оперативным отделом Наркомата по военным делам (до 08.08.1918). В распоряжении Л. Д. Троцкого (1918). Начальник поезда Л. Д. Троцкого на Восточном фронте (1918). По приказу Троцкого под Казанью расстрелял 27 человек. Председатель реввоен трибунала Южного фронта (с 10.1918). Отличался грубостью, жестокостью и произволом, обвинялся в домогательствах к подчиненным сотрудникам и насилии. Арестован за самоуправство (15.11.1918). Находился под наблюдением в Московской окружной психиатрической лечебнице в связи с расстройством нервной системы (с 06.12.1918). Отстранен от ответственной работы в советских учреждениях за незаконный расстрел железнодорожников Хомутникова (Хомутинникова) и Ольховицкого (31.01.1919). Зачислен на параллельный курс академии Генерального штаба РККА (1919). Академию не окончил. Награды: Георгиевский крест 4-й (?) степени. Подробнее о нем см.: РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 24.

⁴⁰⁶ Речь идет об однокашниках Теодори — выпускниках ускоренных курсов 2-й очереди академии Генерального штаба.

⁴⁰⁷ Павулан Валентин Петрович — заместитель начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВСР.

⁴⁰⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 220–221.

ну высшему чекистскому руководству, ставя вопрос — либо мы, либо они⁴⁰⁹. Разумеется, Теодори проиграл в этой войне, оказавшись в длительном тюремном заключении, но это произошло чуть позже. Пока же на конфронтацию накладывала свой отпечаток предшествовавшая этим событиям передача ВЧК военной контрразведки — детища Теодори. За первой телеграммой последовала вторая, еще более резкая, копия которой была направлена председателю РВСР Л. Д. Троцкому в надежде на его весомую поддержку и, возможно, по согласованию с Араловым, так как последний по итогам предыдущего документа уже знал об аресте Селивачева.

15 февраля 1919 г. Теодори телеграфировал Аралову с копией Троцкому: «9-го февраля арестован В. И. Селивачев. [В] тот же день Кедров⁴¹⁰ обещал Вам, если не будет новых данных, освободить его. 13-го февраля, невзирая на ручательство Ваше, Рязанова, Павулана и 15 лиц выпуска 1917 года, Селивачева Кедров, вернее Эйдук, не освободили. 13-го февраля я лично поехал к Кедрову под давлением телеграммы, полученной от представителей всего выпуска с фронта с просьбой освободить Селивачева. Кедров обещал, [в]виду неполучения новых данных, к вечеру Селивачева освободить. В это время зашел Эйдук и [в] резком недопустимом тоне заявил мне, что он поступит так, как знает. Селивачев невинен, пользуется исключительным доверием Рязанова, Павулана и всего выпуска. Вы лично его знаете. Селивачев ведет практические занятия в академии и на наших курсах⁴¹¹. Держат его только потому, что Эйдук помнит о моем отрицательном отношении к его работе в Вологде и несправедливой и вредной, ибо вносит раздражение среди работников выпуска 1917 года, уже 15 месяцев в подавляющем числе работающих даже идейно. В числе ходатайствующих из выпуска 1917 года — Теодори, на[чальник] шта[ба] Сев[ерного фронта] [Н.Н.] Доможиров, на[чальник] шта[ба]

⁴⁰⁹ Подробнее об этом см.: *Ганин А. В.* Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

⁴¹⁰ Кедров Михаил Сергеевич (12.02.1878–01.11.1941) — председатель Особого отдела ВЧК (01.01–18.08.1919).

⁴¹¹ Речь шла о созданных Теодори курсах разведки и военного контроля.

Юж[ного фронта] [В.Ф.] Тарасов, [начальник] опер[ативно-го] о[т]д[ела] Вост[очного фронта] [И.Н.] Полозов, [начальник] опер[ативного] о[т]д[ела] Зап[адного фронта] [В.Л.] Баранович, на[чальник] шт[аба] арм[ии] Латвии [П.М.] Майгур, [Г.О.] Маттис, [В.Ю.] Стульба, [Е.И.] Исаев, [Г.Я.] Кутырев, [И.Д.] Моденов, [Б.И.] Кузнецов, [А.К.] Малышев, [С.И.] Петров, [Н.В.] Яковский, [Я.К.] Ивасиов, [М.А.] Поликарпов, [А.И.] Кук, [А.Н.] Виноградов, [В.В.] Трофимов, [В.Г.] Зиверт, [В.А.] Срывагин, [И.Д.] Чинтулов, [Ю.И.] Григорьев, [Б.П.] Лапшин, [Б.Ф.] Черниговский-Сокол, [С.В.] Пирог. Я прошу принять меры к разумному использованию т. Эйдук своих неограниченных полномочий. Я знал, что передача контрразведки лицам, отрицательно зарекомендовавшим себя в Вологде, приведет к отрицательным результатам. События и жизнь подтверждают мои выводы. Поэтому очень прошу Вас беречь совесть выпуска от таких экспериментов и “личных счетов” тов. Эйдук. Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 года, спаял его за лето и теперь, когда после занятия выпуском ответственных мест на фронтах, у нас всюду успех, когда оправдались мои слова, что нас сознательно убрали из главных управлений, когда сомнения проникли даже в ряды политических работников, а мы стойки, именно теперь надо поддерживать нас, а не позволять Эйдукам издеваться над нами из-за “личных” усмотрений и счетов. Москва. 15 февраля № 1005/ру. Консультант Региструп[ра], заведывающий курсами разведки и военного контроля. Член коллегии выпуска 1917 года Генерального штаба Теодори»⁴¹².

Таким образом, за историей с последовавшим арестом Теодори скрывалась личная неприязнь к нему со стороны Кедрова и Эйдук. Возможно, то же касалось и Селивачева. Получив неограниченную власть, руководители недавно созданного Особого отдела ВЧК Кедров и Эйдук, которых современники обвиняли ни много ни мало в садизме и психопатии⁴¹³, занялись банальным сведением личных счетов

⁴¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 217–219.

⁴¹³ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 86; *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 240–243; *Борман А.А.* Москва — 1918 (из записок секретного аген-

с неугодными им военспецами. Позднее наиболее активные представители выпуска ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба были арестованы.

Если же отвести версию о личных счетах чекистов в отношении Селивачева, то нужно признать, что он оказался под подозрением, наряду с бывшим генералом Н. Н. Стоговым, как контрреволюционер уже в начале 1919 г. Контакты с Селивачевым осуждались и, по мнению чекистов, могли свидетельствовать о принадлежности к объединенной офицерской организации — заступнику Селивачева и его прежнему подчиненному Теодори при аресте были инкриминированы, помимо прочего, именно связи с бывшим генералом⁴¹⁴. Селивачев находился под арестом вместе со Стоговым. По свидетельству еще одного арестанта, бывшего генерала В. И. Соколова, он не мог отвергать причастности генералов к антибольшевистскому подполью⁴¹⁵. Арестованного в апреле 1919 г. Стогова спрашивали о Селивачеве на допросах⁴¹⁶.

К сожалению, с продолжительностью ареста Селивачева полной ясности нет. Как уже отмечалось, его будущий зять Д. Д. Зуев свидетельствовал о том, что бывшего генерала арестовывали дважды. То, что какое-то время он находился на свободе, доказывает обнаружение нами его резолюции от 14 марта 1919 г. на одном из документов архивного ведомства⁴¹⁷. Доказывает это и заявление Селивачева от 4 марта председателю комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.: «Не имея возможности

та в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 1. С. 141; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 18, 31, 460; *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 175–176. Авторству Эйдука Мельгунов приписывал следующее стихотворение (совокупность известных к настоящему времени свидетельств о деятельности Эйдука позволяет считать, что он действительно мог быть автором таких строк):

Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинает буйно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

⁴¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

⁴¹⁵ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 414.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 252. Л. 79об.

⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 19. Л. 251.

регулярно посещать заседания коллегии, а равно и совмещать должности по комиссии и по архивному управлению, прошу об отчислении меня от должности сотрудника-составителя»⁴¹⁸. В тот же день его просьба была удовлетворена⁴¹⁹, а с 6 марта он официально считался отчисленным от должности сотрудника-составителя комиссии⁴²⁰. По всей видимости, в марте–апреле 1919 г. Селивачев действительно некоторое время провел на свободе.

Однако этот период был кратковременным. 15 апреля 1919 г. одна из дочерей Селивачева (вероятно, Татьяна) обратилась к главкому И. И. Вацетису по телеграфу с просьбой помочь в освобождении отца из тюрьмы: «Отец Владимир Селивачев арестован [в] Бутырской тюрьме, горячо прошу содействия. Дочь»⁴²¹. Дата его второго ареста неизвестна, но, по всей видимости, она относится к середине апреля 1919 г. Главком Вацетис даже упомянул о Селивачеве в своем докладе председателю Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленину от 18 апреля. Вацетис писал: «На днях арестован также товарищ Селивачев, который намечался командующим Восточным фронтом. Селивачев мне известен был еще до войны и никогда не был монархистом, наоборот, при монархии он был в числе гонимых.

Оба эти ареста (речь шла и об аресте Теодори.— А.Г.), вместе взятые, создают такое впечатление, что в центре расстрельности и что там, не надеясь на генеральный штаб Красной армии, забирают заблаговременно заложников, как-товыми, по-видимому, являются Теодори и Селивачев»⁴²².

Тогда освободить генерала не удалось. Поскольку имя Селивачева не значилось в списке «лиц Генштаба» РККА

⁴¹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 135.

⁴¹⁹ Там же. Л. 137.

⁴²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 34об. Интересно, что с комиссией с 14 марта 1919 г. по 3 июня 1920 г. сотрудничал и сын Селивачева Константин, убивший 20 августа 1919 г. в двухнедельный отпуск по болезни и возвратившийся на службу 5 сентября (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 213об., 267, 268, 269, 306, 596об.). Отпуск Константина совпал по времени с активными действиями его отца на Южном фронте. Впоследствии, в июне 1920 г. Константин поступил на курсы командного состава флота (Там же. Л. 582).

⁴²¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 233.

⁴²² Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 87.

на 15 июля 1919 г., составленном Полевым штабом РВСР, можно предположить, что в это время он все еще оставался в тюрьме (впрочем, он мог быть не указан в документе и как не причисленный к Генштабу). Таким образом, в 1919 г. бывший генерал провел в заключении три или четыре месяца.

19 июня 1919 г. главком И. И. Вацетис писал Л. Д. Троцкому: «Прилагая копию письма т. Селивачева, прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к назначению его на какую-либо должность на фронт и на какую именно»⁴²³. К сожалению, обнаружить письмо самого Селивачева не удалось. Между тем, по данным на 21 июня 1919 г., следствие по его делу еще продолжалось⁴²⁴.

Зять Селивачева сотрудник ГУАД, бывший полковник Д. Д. Зуев сообщал на совещании управляющих петроградскими отделениями секций Единого государственного архивного фонда 10 июля 1919 г. об итогах своей поездки в Москву, что «только благодаря исключительной заботливости Д. Б. Рязанова избежал опасности быть расстрелянным В. И. Селивачев. Теперь он будет переведен из одиночного заключения в концентрационный лагерь и затем получит назначение по военному ведомству. Согласно распоряжению Д. Б. Рязанова, Селивачев включен в требовательную ведомость»⁴²⁵. Вскоре Селивачев был освобожден и практически сразу, несмотря на отсутствие надлежащего стажа службы в РККА, получил ответственное назначение.

⁴²³ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 587.

⁴²⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326.

⁴²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 65. Л. 178; «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.) / Публ. О. Н. Копыловой, Т. И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 94–95.

Глава 4. Южный фронт

Примерно с середины лета 1919 г. определяющее значение для исхода Гражданской войны приобрели события на Южном фронте, где развернулась ожесточенная борьба между частями Красной армии и наступавшими на советский центр формированиями Вооруженных сил на Юге России под общим командованием Генштаба генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Как известно, 20 июня (3 июля) 1919 г. Деникин в только что освобожденном от красных Царицыне издал приказ № 08878, более известный как «Московская директива». Согласно этому приказу конечной целью наступления армий было овладение Москвой. Части Добровольческой армии под командованием Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского наступали в направлении Курск — Орел — Тула, для обеспечения с запада войска должны были выдвинуться на линию Днепра и Десны, занять Киев и другие переправы от Екатеринослава до Брянска. Наступавшая восточнее Донская армия Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина должна была действовать на направлениях Воронеж — Козлов — Рязань и Новый Оскол — Елец — Кашира. Еще восточнее наступала Кавказская армия Генштаба генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, задачей которой был выход на линию Саратов — Ртищево — Балашов, смена донских частей на этих направлениях и последующее движение на Пензу — Рузавку — Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву⁴²⁶. «Поход на Москву», как позднее мемуаристы и исследователи стали называть это наступление, перво-

⁴²⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5: Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 487.

начально развивался крайне успешно для белых. Части ВСЮР овладели Харьковом, Белгородом, Полтавой, Екатеринославом, продолжая безостановочно рваться к самому сердцу большевистской России.

Против частей ВСЮР красные к началу августа 1919 г. имели на Южном фронте 14-ю, 13-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю армии. Советское руководство лихорадочно пыталось организовать отпор Деникину. Сменивший Вацетиса в июле 1919 г. новый главком, в прошлом Генштаба полковник С. С. Каменев, очевидно, стремясь проявить себя на новой должности, разработал план разгрома войск Деникина (директива от 23 июля), наметив операцию на начало и середину августа⁴²⁷. Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были нанести располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии, которые сводились в Особую группу. Общее руководство ударной группой возлагалось на В. И. Шорина — бывшего командующего 2-й армией и Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте (до июля 1919 г. Каменев был командующим этим фронтом). Кроме того, на начало августа Каменевым было намечено нанесение силами 8-й армии «более короткого удара» на воронежском направлении. Командующий фронтом В. Н. Егорьев в докладной записке от 25 июля был настроен более осторожно, считая, что фронт еще не вполне готов к активным действиям⁴²⁸, но Каменев, отличавшийся большим упорством⁴²⁹,

⁴²⁷ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 438–439. Прежний главком И. И. Вацетис 22 июня 1919 г. планировал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины (Там же. С. 433).

⁴²⁸ Там же. С. 440.

⁴²⁹ Недоброжелатели отзывались о Каменеве как о «человеке с большими усами и маленькими способностями» (Галич Ю. Красный главком // Красный хоровод: Повести; Рассказы. М., 2008. С. 237). Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления.

27 июля продолжал настаивать на ранее предложенном им плане⁴³⁰.

Возникшие разногласия между главкомом и командующим фронтом не остались без внимания со стороны большевистского военно-политического руководства. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий решил, что эту ситуацию можно использовать для кадровых перестановок в руководстве фронта. Очень кстати оказалось и то, что к этому времени уже практически неделю на самом высоком уровне обсуждалось возможное назначение на какой-либо руководящий пост бывшего генерала Селивачева⁴³¹. О Селивачеве неожиданно вспомнили, в результате чего в его жизни открылась последняя и, пожалуй, наиболее загадочная страница.

Зондирование возможного высокого назначения освобожденного из тюрьмы бывшего генерала началось в двадцатых числах июля 1919 г. 21 июля вопрос о его назначении на пост командующего 13-й армией обсуждался на заседании РВСР. Кандидатура Селивачева была предложена главкомом С. С. Каменевым и членом РВСР С. И. Гусевым в связи с болезнью командовавшего армией А. И. Геккера.

Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным советом (РВСР.— А.Г.) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетиса и Каменева.— А.Г.) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... С. С. Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»» (*Троцкий Л. Сталин: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 104–107*).

⁴³⁰ Директивы главного командования Красной армии... С. 441–442.

⁴³¹ Вопрос о его деле был внесен в повестку дня пленума ЦК РКП(б) 3–4 июля 1919 г. и обсуждался 4 июля (Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) 1 июля – 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 140). И. Т. Смилге было поручено ознакомиться с делом, встретиться с Селивачевым и подготовить доклад РВСР (Там же. С. 145).

Было принято решение назначить Селивачева, если не последует возражений со стороны Троцкого, однако это назначение не состоялось⁴³².

27 июля 1919 г. Троцкий телеграфировал Ленину, что командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев не верит в успех намеченного главкомом Каменевым контрнаступления. «Единственный выход — немедленная (до начала операции) смена командюжа⁴³³ лицом, которое признает оперативный авторитет Главкома и разделяет его план. Может быть, Селивачев сойдется с Каменевым, тогда он должен быть немедленно назначен пом[ощником] командюж с тем, чтобы через неделю-две быть назначенным командюж. Жду указаний. Троцкий»⁴³⁴. Таким образом, Троцкий сразу прочил Селивачева, не имевшего еще никакого командно-штабного опыта в РККА и к тому же долгое время находившегося под подозрением и в тюремном заключении, ни много ни мало на пост командующего советским Южным фронтом. Документального объяснения этому беспрецедентному лоббированию пока нет. В тот же день Троцкий потребовал немедленно командировать Селивачева в распоряжение РВС Южного фронта⁴³⁵.

Ленин в своей ответной телеграмме от 28 июля проигнорировал предложение Троцкого относительно Селивачева⁴³⁶. По всей видимости, он просто не придавал значения этому предложению, а быть может, сознательно не хотел выдвижения на высокий пост кандидата Троцкого. Последний был возмущен и резко ответил 29 июля: «Отправку помощником Селивачева после предварительной беседы с ним Главкома считаю крайне желательной. На это единственное предложение не отвечено, а рекомендовано внушать правила дисциплины»⁴³⁷. В результате настойчивого продвижения Троцким

⁴³² Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 268, 271.

⁴³³ Командюж — телеграфное сокращение должности командующего Южным фронтом.

⁴³⁴ Рукописный оригинал (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 258об.); опубл. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 204.

⁴³⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 209.

⁴³⁶ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 191.

⁴³⁷ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. С. 205.

кандидатуры Селивачева назначение бывшего генерала все-таки состоялось.

Уже 30 июля⁴³⁸ он получил крупную должность помощника командующего советским Южным фронтом (официально проведено приказом РВСР по личному составу армии № 131 от 25 августа 1919 г.⁴³⁹) и 1 августа 1919 г. отправился к месту назначения⁴⁴⁰. Стремительное назначение, возможно, объясняется спешной подготовкой наступления фронта и острой потребностью в опытных специалистах, к числу которых, безусловно, относился Селивачев. Куда делись былые подозрения — непонятно. На новом посту Селивачев находился вплоть до своей неожиданной смерти в сентябре 1919 г.

3 августа Троцкий решил обосновать свое недавнее продавливание кандидатуры Селивачева перед ЦК РКП(б) при помощи пространных философских рассуждений:

«Назначение Селивачева по существу. Конечно, политбюро, надеюсь, никому не собирается гипнотически внушать доверия к оперативному авторитету. Тут нужны некоторые более серьезные гарантии. Назначение Селивачева и является в моих глазах такого рода относительной гарантией не только по отношению к Козлову⁴⁴¹, но и по отношению к Москве, т.е. если там будут делаться серьезные промахи, то Селивачев своевременно тактичным советом (если захочет) поправит без конфликта. Видимость будет соблюдена, и план будет проводиться как нужно. Селивачев во всяком случае всеми признается умным, способным и знающим человеком. Весь вопрос в том, в какой мере он захочет быть добросовестным и активным. Но если он останется чисто пассивным исполнителем, вреда и тогда не будет, а небольшая польза будет, так как в повседневной работе он не сможет не вносить те или другие поправки в работу Козловского командования.

Отсюда небольшой вывод. При всей полноте веры в оперативный авторитет нет основания отказываться от кое-каких дополнительных практических гарантий, ко-

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

⁴³⁹ Реввоенсовет Республики. С. 271.

⁴⁴⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 216.

⁴⁴¹ Штаб Южного фронта.

торые в дальнейшем ходе событий могут оказаться надежнее веры и надежнее самого авторитета, а в настоящее время обеспечивают только наилучшее (т.е. наиболее свободное от грубых промахов) проведение намеченного плана... Р. С. Назначение Селивачева состоялось. Полагаю, что демонстративное укомплектование Реввоенсовоуж⁴⁴² отпало. Стало быть, инцидент исчерпан. Л. Т.»⁴⁴³.

В этом послании Троцкий охарактеризовал Селивачева как «авторитетного и опытного в оперативном смысле человека, через которого можно будет иметь некоторую проверку как сомнений, колебаний, так и фактических ошибок... дело будет поставлено с достаточной основательностью, вполне обеспечивающей проведение плана»⁴⁴⁴. Для придания большего веса своим словам Троцкий отметил, что в такой оценке с ним солидарен член РВС Южного фронта Г. Я. Сокольников.

Этот документ свидетельствует о том, что назначение Селивачева далось Троцкому нелегко. По всей видимости, прежде чем начать борьбу за кандидатуру Селивачева, Троцкий консультировался в отношении его профессиональных качеств с кем-то из военспецов и получил блестящие отзывы. Троцкий не мог хорошо знать Селивачева, почти не служившего ранее в РККА. В то же время необходимость пространных обоснований свидетельствует об острых разногласиях, которые вызывало в советском военно-политическом руководстве ответственное назначение никому не известного и находившегося под подозрением бывшего генерала. Не менее странным выглядит назначение такой фигуры и в контексте еще не улегшихся страстей по поводу июльских арестов ставленников Троцкого в Полевом штабе РВСР.

В том же документе Троцкий подверг резкой критике предложенное Каменевым направление главного удара предстоявшей наступательной операции. Троцкий был против наступления через Донскую область, так как обоснованно считал, что на казачьих территориях красные встретят

⁴⁴² РВС Южного фронта.

⁴⁴³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 272–272об.; опубл. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. С. 208.

⁴⁴⁴ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. С. 206.

наибольшее сопротивление⁴⁴⁵. Идея Троцкого (возможно, до начала наступления еще не полностью оформившаяся) заключалась в том, чтобы разделить две опоры белых — добровольцев и казаков, отделив военную задачу разгрома Добровольческой армии от решения вопроса о казачестве. Такое разделение было возможно при наступлении по более короткому пути на Харьков и Каменноугольный бассейн (Донбасс). Вопрос о казачестве Троцкий считал в большей степени политическим, чем военным⁴⁴⁶. Однако красное командование явно недооценило значение харьковского направления для Деникина. Между тем именно оно для белых по факту являлось основным. Здесь же были сосредоточены лучшие части Добровольческой армии.

Очевидно, что Каменев выстраивал этот план, базируясь на своем прежнем опыте командования Восточным фронтом. Доводы, которыми мог руководствоваться Каменев, не кажутся убедительными. Так, утверждается, что план срывал возможность соединения Деникина и Колчака⁴⁴⁷. Этот довод считал несерьезным еще Троцкий, по мнению которого истоки плана Каменева лежали в стратегической ситуации мая 1919 г., когда действительно существовала угроза соединения Колчака и Деникина. Очевидно, Каменев стал заложником своих прежних опасений. Однако ко второй половине лета 1919 г. эти основания уже потеряли свою актуальность, поскольку в июле–августе 1919 г. основные силы колчаковских армий были отброшены на Урал и в Зауралье, и соединение с Деникиным стало невозможным.

Экономия времени при переброске частей с Восточного фронта на левый фланг Южного фронта и необходимость обороны Средней Волги как района пополнения Красной армии также едва ли могут быть признаны решающими аргументами. Думается, вопрос расстояния для переброски частей был соображением второстепенного характера и давал лишь кратковременную выгоду, но отнюдь не должен был становиться определяющим при выборе направления главного удара, как оказалось у Каменева. Нельзя не при-

⁴⁴⁵ Там же. С. 207.

⁴⁴⁶ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 442.

⁴⁴⁷ *Mawdsley E.* The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 244.

знать и того, что центральные губернии имели не меньшее значение для пополнения РККА, чем Средняя Волга.

Существует точка зрения, что план Каменева оставлял стратегическую инициативу за красными и предусматривал полный разгром противника путем овладения базой Деникина на Северном Кавказе⁴⁴⁸. Но план Каменева отнюдь не означал, что красные будут лишены стратегической инициативы при ином выборе направления главного удара. Что касается Северного Кавказа, то он как база для антибольшевистских сил к середине 1919 г. был уже истощен неоднократными мобилизациями⁴⁴⁹. В это время белое командование возлагало большие надежды на новые районы пополнения живой силы. Именно таким районом для Деникина была Украина, угроза потери которой крайне беспокоила Ленина (удивительно, что он при этом не требовал изменений в плане Каменева в сторону более активных действий в направлении Харькова, а не Царицына, и не поддержал Троцкого).

Еще одним аргументом сторонников оправдания Каменева является утверждение, что красным нужно было сковать крупные силы Донской армии, которые превышали даже численность Добровольческой армии⁴⁵⁰. Но, во-первых, Добровольческая армия была стержнем ВСЮР и их главной ударной силой, отличавшейся не столько своей численностью, сколько качеством, стойкостью и высочайшим боевым духом личного состава из офицеров и добровольцев. По этим показателям Донская армия ей значительно уступала. Во-вторых, думается, пассивные сковывающие задачи в отношении Донской армии не требовали нанесения на ее участке главного удара. Более того, Каменев совершенно не учел психологию казачества, которое абсолютно не хотело воевать за крестьянские интересы за пределами войсковой территории, но на своей земле ожесточенно сопротивлялось⁴⁵¹. Наступление на казачьи области лишь способствовало притоку казаков в антибольшевистский

⁴⁴⁸ Ibidem.

⁴⁴⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. С. 498.

⁴⁵⁰ Mawdsley E. The Russian Civil War. P. 244.

⁴⁵¹ Обзор участия казачества в Гражданской войне см.: Ганин А. В. Казачество России в Гражданской войне // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 533–585.

лагерь. В этом отношении был всецело прав Троцкий, учитывавший при решении стратегических вопросов социальную природу Гражданской войны. В итоге ошибочный план оказался провальным, причем под угрозой оказалось само существование Советской России. Но, возвращаясь к событиям начала августа, все это было еще впереди.

Главком Каменев считал тогда Селивачева проводником своей политики в штабе Южного фронта, как и задумывал Троцкий⁴⁵². Критикуя директивы командующего Южным фронтом Егорьева, Каменев 4 августа 1919 г. рекомендовал тому обсудить вопрос с Селивачевым, чтобы устранить разногласия, однако Селивачев сообщил Егорьеву, что Каменев все же одобрил план командующего фронтом⁴⁵³, в результате Егорьев не знал, как ему поступать.

Сознательно или неосознанно Селивачев запутывал Егорьева — мы не знаем, однако уже 4 августа Каменев и Егорьев смогли согласовать план действий, предусматривавший нанесение сильного удара на Валуйки и Купянск. Причем этот удар вопреки первоначальному плану Каменева было решено наносить одновременно с главным ударом Особой группы В. И. Шорина⁴⁵⁴.

⁴⁵² Директивы главного командования Красной армии... С. 443.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же. С. 444.

Глава 5. Группа Селивачева

Наряду с назначением помощником командующего Южным фронтом, Селивачев возглавил еще одну (помимо группы Шорина) ударную группу войск Южного фронта, созданную по распоряжению командующего Южным фронтом В. Н. Егорьева в начале августа 1919 г. для нанесения вспомогательного удара по войскам Деникина на харьковском направлении. В качестве командующего группой Селивачев упоминался в директиве армиям Южного фронта № 8815/оп от 13 августа 1919 г.⁴⁵⁵ Как уже отмечалось, основной удар в соответствии с первоначальным планом Каменева наносила группа Шорина, на которую возлагались задачи овладения Царицыным и Новочеркасском. Кандидатура Селивачева как командующего группой многим генштабистам из Полевого штаба РВСР казалась очень удачной⁴⁵⁶.

Членами РВС группы Селивачева стали В. А. Барышников и В. Х. Ауссем, одновременно являвшиеся и членами РВС 8-й армии — основы только что созданной группы. В состав группы вошли 8-я армия А. И. Ратайского (12-я, 15-я, 16-я, 33-я, 40-я стрелковые дивизии, бригада 31-й стрелковой дивизии), часть 13-й армии А. И. Геккера (3-я, 42-я стрелковые дивизии, 13-я отдельная кавалерийская бригада), Воронежский укрепрайон (в оперативном подчинении с 22 августа 1919 г.⁴⁵⁷), резерв группы (13-я стрелковая дивизия и бригада 31-й стрелковой дивизии).

⁴⁵⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. Т. 2. М., 1972. С. 305.

⁴⁵⁶ Панов А. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

⁴⁵⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 37. По данным к 23 августа 1919 г. в укрепрайоне числилось 9065 красноармейцев, в т.ч. 5339 бойцов, 388 инструкторов, 37 пулеметов, 10 тяжелых и 8 легких орудий (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 12. Л. 38об.).

К сожалению, в литературе нередко используются произвольные подсчеты численности групп Селивачева и Шорина. Масштаб искажений не может не вызывать удивления, поскольку достигает 10 000 штыков и сабель по группе Селивачева и почти 27 000 по группе Шорина. Характерно, что искажения носят односторонний характер — в сторону приуменьшения численности группы Шорина и преувеличения численности группы Селивачева. Думается, эти искажения не случайны, так как вопрос группировки войск Южного фронта теснейшим образом связан с крайне политизированным в советское время вопросом о плане разгрома Деникина и ролью в его разработке большевистских вождей В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина.

Бывший командующий советским Южным фронтом А. И. Егоров в своем исследовании «Разгром Деникина», впервые изданном в 1931 г., указал, что в группе Селивачева насчитывалось 43 000 штыков, 4660 сабель при 1600 пулеметах и 310 орудиях⁴⁵⁸. По данным энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», у Селивачева было 49 700 штыков и 4700 сабель, 268 орудий, 1381 пулемет⁴⁵⁹. Однако перерасчет по данным о боевом составе дивизий и бригад группы на 15 августа 1919 г. дает гораздо меньшую численность — 40 066 штыков, 4153 сабли, 235 орудий и 1236 пулеметов⁴⁶⁰ на фронте в 410 км.

Для сравнения, ударная группа Шорина, сведения о численности которой тоже сильно варьируются (57 000 штыков и сабель по данным А. И. Егорова и 67 000 штыков и сабель по данным энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»), по наиболее достоверным подсчетам имела порядка 69 000 штыков, 14 900 сабель, 340 орудий и 1316 пулеметов⁴⁶¹ на фронте в 350 км.

⁴⁵⁸ Егоров А. И. Разгром Деникина... 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина... М., 2003. С. 188.

⁴⁵⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 17.

⁴⁶⁰ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. Т. 4: Материалы, указатели. М., 1978. С. 73–74.

⁴⁶¹ Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2: Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М., 1986. С. 159.

По документам о численности 8-й и 13-й армий к 15 августа 1919 г., в 13-й армии насчитывалось 2816 инструкторов, 26 672 бойца, 1633 сабли, 490 пулеметов, 94 орудия, 12 593 лошади и 58 628 человек. В 8-й армии на ту же дату было 4404 инструктора, 25 359 штыков, 2796 сабель, 1024 пулемета, 174 орудия, 4 бронепоезда, 2 бронепоезда, 30 самолетов, 25 634 лошади и 72 457 человек⁴⁶². Эти данные включают не только боевой состав и не дают полного представления о численности группы Селивачева, в состав которой 13-я армия входила лишь частично.

Как бы то ни было, неверно считать, как делалось прежде на основе неточных данных, что обе группы были примерно равными по численности, а идея главного удара «не нашла своего выражения ни в группировке сил, ни в численном соотношении, ни в обеспечении наиболее благоприятных для наступления условий»⁴⁶³. При более тщательных подсчетах разница между главной и вспомогательной группами достигает ощутимых показателей примерно в 29 000 штыков, более 10 000 сабель, 105 орудий и 80 пулеметов. При таком разрыве, очевидно, что идея главного удара на предложенном Каменевым направлении была выжата им в группировке войск вполне отчетливо.

Силы Добровольческой и Донской армий белых, действовавшие на воронежском и курском направлениях против группы Селивачева, оценивались советским командованием на 1 августа 1919 г. в 18 100 штыков, 12 300 сабель при 116 орудиях и 404 пулеметах⁴⁶⁴. Таким образом, Селивачев обладал лишь полуторным превосходством в численности над противником, но в то же время белые обладали трехкратным превосходством над ним в коннице. По орудиям у Селивачева было двукратное превосходство, по пулеметам — трехкратное.

Начальником штаба подчиненной Селивачеву 13-й армии был не кто иной, как бывший Генштаба генерал от инфантерии А. М. Зайончковский, который высоко ценил Селивачева еще в годы Первой мировой войны, а знаком

⁴⁶² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 12. Л. 24, 41об.

⁴⁶³ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 188.

⁴⁶⁴ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 4. С. 483.

был еще с Русско-японской войны⁴⁶⁵. Уместно отметить, что Зайончковский в это время не был полностью лоялен большевикам и вел свою собственную игру⁴⁶⁶. Не исключено, что в этом они с Селивачевым были похожи. Начальниками штаба 8-й армии были бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов (до 10 августа 1919 г.) и позднее бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов.

14 августа Троцкий с гордостью сообщал своему заместителю Э. М. Склянскому по прямому проводу для передачи в ЦК: «Снова посетил 13-ю и 8-ю армии. Выполнена огромная работа. Готовый ударный кулак обеих армий составляет тридцать тысяч штыков, две тысячи сабель, прекрасно оборудованных артиллерией, бронепоездами, бронепоездами. Настроение частей вполне наступательное. По всем обстоятельствам успех на этом направлении обеспечен. Успех скажется немедленно на укр[аинском] фронте приоста-

⁴⁶⁵ Двух бывших генералов связывали дружеские отношения, совместная служба в старой армии и единство взглядов по ряду вопросов. Селивачев совместно с Зайончковским еще в мирное время участвовал в подготовке истории Крымской войны. См., напр., фразу Зайончковского из предисловия ко второму тому его труда «Восточная война, 1853–1856», написанного в Санкт-Петербурге 26 ноября 1912 г.: «Автор приносит искреннюю благодарность своим старым сотрудникам... и *новому* — В. И. Селивачеву» (*Зайончковский А. М. Восточная война, 1853–1856: В 2 т. Т. II, ч. I. СПб., 2002. С. 3*). Еще одно свидетельство взаимоотношений двух генералов — в разговоре с Селивачевым около 19 августа 1919 г. Зайончковский так отзывался о коменданте Курского укрепрайона генштабисте М. С. Свечникове: «Мне трудно было поверить, что я говорю с генштабистом, а как будто бы имею дело с одним из тех батальонных командиров, которых мы с тобой осмеивали много лет тому назад» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 150об.). 4 сентября 1919 г. Селивачев телеграфировал Зайончковскому: «Всего лучшего, обнимаю взаимно, храни тебя Бог» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 140об.). О дружбе Селивачева и Зайончковского свидетельствовал в своих показаниях по делу «Весна» зять Селивачева Д. Д. Зуев: «Зайончковский и Селивачев оказываются вместе в Военной академии (на самом деле они учились в разное время. — А. Г.); может быть, одновременно сидят. Факт — что их семьи дружатся, особенно жены: Мария Михайловна (Маришенька) и Мария Федотовна. Живут неподалеку: Солянка и Маросейка. После смерти Селивачева (1919 г., сентябрь) — Селивачевы, естественно, ищут у Зайончковского совета, поддержки и т. п. Взаимоотношения [с]охраняются и углубляются и после 1924 года, когда Борис Владимирович Селивачев, старший сын, возвращается из провинции к матери и селится с ней — он гость и дружится с Ольгой (дочерью Зайончковского. — А. Г.)... (Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва)).

⁴⁶⁶ *Ганин А. В.* Сакваж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

новкой деникинского наступления, что даст возможность 14-й армии использовать все данные ей материальные, организационные элементы для превращения в боеспособную армию. Выезжаю на левый фланг для ознакомления с главной ударной группой»⁴⁶⁷. Вождь РККА, таким образом, лично приехал благословить своего протеже Селивачева на проведение операции. Но, как оказалось, оптимизм Троцкого был преждевременным.

10 августа, практически накануне советского наступления, белые прорвали фронт на стыке 8-й и 9-й советских армий, и в прорыв устремились конные массы IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова (Мамонтова) (до 9000 шашек и штыков при 12 орудиях, 7 бронепоездах и 3 бронеемобилиях), положив начало знаменитому рейду по красным тылам. Разумеется, фактор наличия конницы противника в тылу серьезно осложнял обстановку на фронте для красного командования и отрывал войска от участия в наступлении (из 8-й армии для ликвидации Мамантова была выделена 31-я дивизия, из 9-й — 36-я). Активные наступательные действия предпринимались белыми и на фронтах Добровольческой и Кавказской армий. Тем не менее советское командование не отказалось от решения предпринять в этих условиях общее наступление.

Наступление Южного фронта, к которому так тщательно готовились красные, должно было начаться 14 августа на участке группы Шорина. Наступление группы Селивачева намечалось с утра 15 августа⁴⁶⁸. Задержка на сутки на его участке была обусловлена необходимостью подтянуть тылы и осмотреться⁴⁶⁹. В то же время председатель Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленин был крайне обеспокоен тем, что операция не началась еще в начале августа, и требовал от главнокома и фронтового командования решительных действий без какого-либо промедления⁴⁷⁰. Изначально группы Шорина и Селивачева должны были действовать в расходящихся направлениях, что сделало невозможным

⁴⁶⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 319.

⁴⁶⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 2. С. 305.

⁴⁶⁹ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 2. С. 306.

⁴⁷⁰ Директивы главного командования Красной армии... С. 449, 450.

взаимодействие между ними. Главкомом Каменевым группе Селивачева было приказано разгромить войска противника на сумском и курском направлениях ударом на Бирюч — Валуйки — Купянск⁴⁷¹, причем свой главный удар 15 августа ударная группировка (3-я и 42-я стрелковые дивизии, кавалерийская бригада 13-й армии, 12-я, 13-я, 15-я и 16-я стрелковые дивизии) наносила в стык Донской и Добровольческой армий белых. Обеспечение правого фланга группы Селивачева возлагалось на 14-ю армию.

Удар Селивачева пришелся по фронту III Донского отдельного корпуса (1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 8-я Донские дивизии, около 8000 штыков и шашек на фронте в 200 верст, штаб — станция Кантемировка). Казачьи историки-эмигранты отмечали, что «Штаб Донской армии или совсем не имел сведений о долго подготовляемом красным командованием генеральном ударе по 3-му Донскому корпусу, или же не придавал должного значения мероприятиям красного командования»⁴⁷². Во всяком случае, в начале наступления Селивачева корпус также получил наступательную задачу в направлении на Коротояк и Острогжск. Однако, разумеется, это наступление не удалось, поскольку донцы не имели сил для активных действий на обширном фронте, 1-я и 3-я дивизии были откровенно слабыми, а, кроме того, в корпусе ощущалась нехватка опытных генштабистов⁴⁷³. Штаб корпуса, судя по оперативным переговорам со штабом Донской армии, просто не знал, что противопоставить советскому наступлению в те дни⁴⁷⁴. Начальник штаба корпуса Генштаба полковник А. В. Говоров просил у штаба армии танки и бронев автомобили, так как корпус не получал техники, а потом командование выдвигало упреки в бездействии⁴⁷⁵. Донское командование, вместо этого, собиралось усилить корпус Донской стрелковой бригадой из Новочеркасска, правда, без артиллерийских и обозных лошадей⁴⁷⁶. Армейское командование

⁴⁷¹ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 159.

⁴⁷² Трагедия казачества: (Очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III: (Июнь — декабрь 1919 г.). Париж, 1936. С. 224.

⁴⁷³ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 179об., 220об.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 190об.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 192.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 191.

просило при отступлении не взрывать, а демонтировать железнодорожные стрелки из-за их нехватки⁴⁷⁷.

За первый день наступления Селивачев, несмотря на упорное сопротивление, отеснил 5-ю Донскую конную дивизию на Юдин — Станкевичи — Прилепы — Владимировка, 3-ю Донскую конную дивизию — на Алексеевку и Бирюч, а 2-ю и 8-ю дивизии на Марьевку — Глинное — Погромец.

Уже 16 августа командующий Южным фронтом выразил недовольство медленным развитием операции. Селивачев отвечал, что наступать приходится в боевых, а не в походных условиях, а дороги из-за непрерывных дождей труднопроходимы⁴⁷⁸. 17 августа в связи с недовольством Егорьева Селивачев издал приказ: «Наступление согласно директивы Командюж № 8400 вести с полной энергией, на какую способны войска, имея в виду малочисленность противостоящего противника и помня, что решительность и энергия в ведении операции ведет не только к уничтожению противника, но и к отвлечению сил его с других участков фронта, что необходимо для окончательного разгрома пр[отивни]ка»⁴⁷⁹. Кстати, для укрепления обороны железнодорожных узлов Касторное и Мармыжи от казаков Мамантова Селивачев предлагал опираться на местных коммунистов⁴⁸⁰, что свидетельствует в пользу добросовестности его службы красным.

За первые три дня наступления красных донцы на участке Новый Оскол — Острогожск отступили на 35 верст. Основной удар Селивачева пришелся на участок между городами Новый Оскол и Бирюч, где располагались 2-я и 8-я Донские дивизии общей численностью 4100 штыков и шашек. У казаков не хватало технических средств, чтобы противостоять сильной артиллерии и бронепоездам красных, были проблемы с качеством артиллерийских снарядов, 80% которых, по оценке командования корпуса, не разрывалось, пехота из мобилизованных крестьян отличалась неустойчивостью и разбегалась, захватывая оружие⁴⁸¹.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 206об.

⁴⁷⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 102–103.

⁴⁷⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 22.

⁴⁸¹ Трагедия казачества. С. 226; РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 220об.

Белые считали, что целью наступления Селивачева было взятие Харькова⁴⁸². Между тем 19 августа датирован приказ Егорьева армиям фронта, в котором от войск Селивачева требовалось немедленно овладеть Белгородом силами правого фланга группы, на остальном фронте наступать в направлении на Волчанск — Валуйки⁴⁸³. 20 августа в разговоре с начальником штаба фронта Н. В. Пневским Селивачев сообщал по поводу новой директивы штаба фронта: «Я в недоумении относительно направления, которое дано по директиве, и просил разъяснения, полагая, что там ошибка, Вы мне ответили, что это не ошибка. Не откажите еще раз взглянуть на карту и выслушать меня. Общее направление, если я его понимаю правильно, остается к линии Белгород — Купянск через Волчанск, а далее, опять-таки если я это понимаю верно, на Харьков. Таким образом, если первая половина моей ударной группы, т.е. 13 армия, направится на Белгород — Волчанск, то вторая половина должна направиться на Волчанск — Купянск»⁴⁸⁴. Далее Селивачев просил Пневского еще раз проверить намеченное по карте.

К 20 августа Селивачев овладел Валуйками (первая задача, поставленная группе), далее по директиве Егорьева правый фланг группы должен был начиная с 21 августа наступать на Белгород и овладеть им в кратчайший срок, остальная часть группы должна была развивать наступление на Волчанск — Купянск⁴⁸⁵. 13-я армия должна была овладеть железнодорожной линией Белгород — Волчанск включительно (на 20 августа она была в 50 верстах от Белгорода и 75 — от Волчанска), 8-я армия — выйти на линию Волчанск — Купянск — Богучар.

Донские части отступали под ударами красных. 8-я Донская дивизия спешно отходила по железной дороге Валуйки — Купянск и даже потеряла связь со своим корпусом⁴⁸⁶. Безостановочным был отход 7-й Донской пластунской бригады. Боевой состав этой бригады был ничтожным.

⁴⁸² РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1. Л. 81.

⁴⁸³ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 2. С. 314–315.

⁴⁸⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 162.

⁴⁸⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴⁸⁶ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 242.

К 1 августа в ней числилось лишь 654 штыка, а к 28 августа осталось только 280 штыков⁴⁸⁷. Видимо, вследствие безысходности командный состав бригады, по данным на 24 августа, пьянствовал⁴⁸⁸. В итоге город Купянск от красных прикрывали одни только бронепоезда. В 8-й Донской пластунской бригаде были свои проблемы — командир бригады генерал-майор В. И. Тапилин был снят со своей должности (затем назначен командиром 2-й бригады 3-й Донской конной дивизии) вследствие недоразумений с начальником 5-й Донской дивизии, которому была подчинена бригада⁴⁸⁹.

21 августа Селивачев получил из штаба 13-й армии секретную телеграмму, одна из копий которой была отправлена и в Полевой штаб РВСР через штаб Южного фронта, с неприкрытыми обвинениями в свой адрес: «По всем данным неприятель на фронте 13 армии намного уступает нам в силе. Энергичные действия нашей армии должны перевернуть ход событий и дать полную победу всему Южному фронту. А между тем мы несколько дней топчемся на одном месте. Первая бригада 7 дивизии и 3 бриг[ада] 9 дивизии, нацеленные с фронта и фланга на отряд противника, который должен быть совершенно уничтожен, не только останавливаются при первом с ним столкновении, но имеют тяготение отходить назад. Первая бригада 9 дивизии, по донесению которой враг перед ней уходит назад, двигается вперед очень медленно, а отход обходной колонны от дер. Уколово в Архангельск при занятии 74 полком Троицкое является совершенно необъяснимым. Действия 3 дивизии не имеют характера нанесения решительных ударов, а легкого щекотания пр[отивни]ка как бы с целью указать ему опасные для него пункты. Войска в ней вводятся в бой мелкими пакетами и напрасно несут тяжелые потери. И только действия 42-й дивизии не вызывают замечания»⁴⁹⁰. Телеграмму подписали вр.и.д. командарма В. К. Гондель и член РВС Г. Л. Пятаков. Можно ли отнести эти замечания на счет сознательных попыток Селивачева сорвать операцию, сказать

⁴⁸⁷ Там же. Л. 261, 280.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 257.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 294.

⁴⁹⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–44об.

сложно. Все же речь шла о частных событиях на одном из участков. Отметим, что удостоившейся положительной оценки 42-й дивизией командовал легендарный Г. Д. Гай — опытный и одаренный военачальник.

Сам Селивачев в это время был в большей степени недоволен тем, что намеченных рубежей не смогли достичь части 8-й армии, что срывало выполнение директив командующего фронтом⁴⁹¹. В тот же день Селивачев, руководивший операцией из Воронежа, провел переговоры по прямому проводу с начальником штаба 13-й армии А. М. Зайончковским. Селивачев поинтересовался здоровьем Зайончковского и тем, не возникло ли вопросов и недоумения в связи с новой директивой. Два генштабиста общались между собой по-дружески и на «ты». Зайончковский в ответ сообщил: «Здоровье неважно, стал стар, пора на печь. Вопросов к тебе нет, недоразумений тоже. Вся беда в том, что войска дерутся плохо, а начдивы не хотят или не догадываются принять более деятельное участие в вождении войск, а только управляют ими наподобие штарма. Всем им послано надраание (так в документе. — А.Г.), копия которого послана и тебе»⁴⁹². Зайончковский считал важным взятие города Корочи, жаловался на топтание войск на месте. Селивачев же похвалил своего подчиненного, отметив, что спокоен за работу штаба 13-й армии⁴⁹³. В это время разрыв между группами Селивачева и Шорина (или, как выражался сам Селивачев, — «ворота») уже достиг 40 верст⁴⁹⁴.

22 августа 13-я армия получила приказ Селивачева № 9 во что бы то ни стало взять город Короча, оборонявшийся 1-й пехотной дивизией белых. Приказ № 10 от 23 августа свидетельствовал о намерении Селивачева наступать ударной группой на Купьянск⁴⁹⁵. К 25 августа обе эти задачи были решены. Корочу заняли части 42-й дивизии Гая, после чего предполагалось развитие успеха на Белгород, но сделать это не удалось. Тогда же 12-й дивизией 8-й армии был взят Волчанск, а Сводной кавалерийской брига-

⁴⁹¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

⁴⁹² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

⁴⁹³ Там же. Л. 26.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 29.

⁴⁹⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

дой — Купянск⁴⁹⁶. Но уже в этот день стало известно о сосредоточении крупных сил противника в районе Бутурлиновки⁴⁹⁷ и угрозе флангового удара со стороны Донской области.

Не будем забывать, что Селивачеву угрожали такие крупные узловы́е центры, как Харьков и Белгород, через которые белые могли перебрасывать войска против его группы. Части ВСЮР на этом направлении продолжали наступление на Курск, грозя выйти Селивачеву во фланг и тыл. Как уже говорилось, угрозы имелись и в отношении левого фланга группы со стороны донцов. В переговорах с Селивачевым по прямому проводу проблема нежелательности растягивания линии фронта была предметом особого обсуждения уже 20 августа⁴⁹⁸. Сам Селивачев тогда опасался, что фронт его группы может растянуться от Белгорода до Купянска на 150 верст и от Купянска до Новохоперска — еще на 400⁴⁹⁹. На Купянск Селивачеву было рекомендовано наступать только силами конницы. Опасения Селивачева, как показали дальнейшие события, оказались небеспочвенными. К тому же группа начинала испытывать патронный и снарядный голод. 22 августа Селивачев запросил у главнокомандующего по 5 миллионов патронов для каждой из подчиненных ему армий⁵⁰⁰. Очевидно, получить запрошенное было непросто, приходилось идти на значительное сокращение заказа. 24 августа он просил прислать уже хотя бы по 2 миллиона с досылкой остального по мере возможности⁵⁰¹.

Задачу по овладению Белгородом Селивачев поставил группе только 25 августа в приказе № 11, причем город планировалось занять к 27 августа. Группа должна была занять Купянск (что и произошло 25 августа) и далее продвигаться на Харьков⁵⁰². Планы поворота ударной группы на Харьков, «не оставляя щелканья зубами на Купянск» (выражение самого Селивачева в переговорах от 19 августа), Селивачев

⁴⁹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 286.

⁴⁹⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 1.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 4.

⁵⁰⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 58об., 79; Д. 10. Л. 26.

⁵⁰¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

⁵⁰² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

обсуждал и согласовывал со штабом фронта⁵⁰³. Таким образом, нет никаких оснований считать, что уклонение группы на юго-запад, о котором писали в советское время как о негативном явлении, не позволившем взаимодействовать с группой Шорина⁵⁰⁴, было самовольным решением Селивачева. Эти действия были согласованы со штабом фронта и имели целью взятие Харькова.

Ученик В. О. Ключевского историк Ю. В. Готье 28 августа 1919 г. записал в связи с событиями на Южном фронте в дневнике: «Красные хвалятся, что они заняли Волчанск в 80 верстах от Харькова. Говорят, что в этом месте начальником является генерал В. И. Селивачев, выпущенный из тюрьмы под условием командования армией. Я его встречал зимой, когда он управлял Лефортовским архивом, и он мне казался порядочным человеком. Неужели шкурность столь велика среди русских генералов, что они действительно честно будут драться за большевиков?»⁵⁰⁵

Думается, неверно утверждать, как это делалось в белой печати осенью 1919 г., что наступление на Волчанск и Белгород противоречило идее наступления на Харьков⁵⁰⁶. На самом деле достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в обратном. Овладение Волчанском и Белгородом в той обстановке было необходимым условием взятия Харькова.

26 августа Селивачев получил приказ фронтового командования силами 8-й армии овладеть Харьковом⁵⁰⁷. Таким образом, Селивачев одновременно наступал по нескольким расходящимся направлениям, что можно было делать либо при полной уверенности в своем превосходстве над противником, либо с тайной целью срыва советского наступления. По некоторым данным, после овладения Купьянском резервы Селивачева оказались израсходованы⁵⁰⁸,

⁵⁰³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 155.

⁵⁰⁴ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160.

⁵⁰⁵ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 305–306.

⁵⁰⁶ Подробнее см.: Кручинин А. С. «Нужно писать правду...» (Военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 71.

⁵⁰⁷ Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. док. и мат. Т. 2: Март 1919 – февраль 1920. М., 1961. С. 516.

⁵⁰⁸ Егоров А. И. Разгром Деникина... С. 216.

а сам он прекратил какие-либо наступательные действия, заняв селение Кисловка примерно в 15 верстах к юго-востоку от Купянска, причем, по свидетельству противника, «красные держались пассивно, так что донской бронепоезд мог обстреливать самый г. Купянск»⁵⁰⁹. Однако в действительности наступление было здесь остановлено Селивачевым не из-за отсутствия резервов, а потому, что он просто не ставил задач по продвижению к югу от Купянска. Его главный удар был направлен на Харьков и Белгород, а Купянск был не более чем точкой на крайнем левом фланге юго-западного крыла группы.

Дроздовец-артиллерист капитан Г. А. Орлов записал в своем дневнике 12 (25) августа 1919 г.: «У Купянска и Волчанска у нас довольно серьезный прорыв, меры к ликвидации которого уже приняты. Прорвав наш фронт, красные сначала погибали крайний левый фланг донцов, а теперь всей силой своего удара обрушились на нас. Поговаривают о том, что эта невыгодная комбинация будет ликвидирована дня за 4»⁵¹⁰. При этом мемуарист отмечал существенное усиление частей Красной армии.

В соответствии с директивой Каменева к 27 августа войска группы продвинулись на 60–150 км, заняв Новый Оскол, Бирюч, Валуйки, Купянск и подойдя к Белгороду и Харькову (на 40 км). Действия войск в районе 27 августа Селивачев и, видимо, командующий советским Южным фронтом характеризовали как «решительный поворотный момент сражения»⁵¹¹. Выход красных на ближние подступы к Харькову создавал угрозу тылу I армейского корпуса Добровольческой армии, штабам I армейского корпуса и Добровольческой армии, находившимся в городе. По некоторым данным, начальник штаба корпуса Генштаба генерал-майор Е. И. Достовалов считал, что Харьков белые не удержат, и даже отдал распоряжение об эвакуации штаба⁵¹².

⁵⁰⁹ Трагедия казачества. С. 229.

⁵¹⁰ Честь офицеров: Записки и дневник участников Белого движения / Сост. М. И. Першин. М., 2010. С. 401.

⁵¹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 155. Л. 5об.

⁵¹² Пятьдесят лет верности России. 1917–1967 / Изд. марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 194.

Белое командование было вынуждено спешно собирать ударный кулак для ликвидации прорыва красных. Уже 17 августа по директиве А. И. Деникина в резерве на курском направлении в районе узловой станции Ржава (к северу от Белгорода) должен был сосредоточиться III конный корпус знаменитого белого генерала А. Г. Шкуро. Корпус планировалось бросить в наступление на Старый Оскол и Воронеж. Части корпуса перебрасывались в район сосредоточения по железной дороге с Украины — погрузка велась на станции Басы южнее города Сумы, в Черкассах и на станции Знаменка, переброска планировалась на станции Гостищево и Прохоровка севернее Белгорода⁵¹³. Перебрасывался также Сводно-стрелковый полк, задействованный в борьбе с махновцами⁵¹⁴. В связи с прорывом красных белые временно приостановили свои операции против 14-й советской армии на Украине⁵¹⁵.

В приказе по группе Селивачева № 12 от 27 августа прямым текстом сказано о наступлении на Белгород и Харьков, а также о том, что белые концентрируют свои силы в районе Корочи. 13-й армии по-прежнему ставилась задача занятия Белгорода, а 8-я армия продолжала выдвижение на линию Волчанск — Купянск — Евстратовка. Занятие Белгорода считалось первостепенной задачей, а взятие Харькова — задачей второй очереди⁵¹⁶. Сам Селивачев в разговоре с Егорьевым 27 августа тоже отметил, что не следует гнаться за двумя зайцами одновременно⁵¹⁷. Тем более что белая конница осуществила прорыв в районе Корочи и двигалась к Новому Осколу. А. М. Зайончковский 28 августа забил тревогу и предложил свернуть фронтную операцию, отойдя севернее Нового Оскола, так как «по-видимому, противник задался целью завязать узелок на высоте Новый Оскол — Бирюч»⁵¹⁸. Речь шла о возможности окружения наступавших сил красных.

⁵¹³ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 189, 224, 242об.

⁵¹⁴ Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2: 1919–1920 гг. Париж, 1964. С. 60.

⁵¹⁵ Какурин Н. Е. Как сражалась революция: В 2 т. Т. 2: 1919–1920 гг. М., 1990. С. 263.

⁵¹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

⁵¹⁷ Там же. Л. 128.

⁵¹⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 317.

Расположение группы Селивачева напоминало клин высотой более 100 км с вершиной в Купянске и основанием протяженностью свыше 200 км в районе Короча — Бирюч — Сагуны. Удар его группы был направлен на юго-запад, что привело к нарушению оперативного взаимодействия с Особой группой Шорина и, возможно, преднамеренно, открыло противнику фланги обеих групп⁵¹⁹. Подобные действия вскоре после Гражданской войны официально объяснялись тем, что Селивачев и командующий фронтом слишком увлеклись развитием достигнутых успехов⁵²⁰. По мнению Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса, «успешности контрманевра белых против группы Селивачева много содействовало то обстоятельство, что группа сразу рванулась глубоко вперед, не позаботившись о достаточном расширении основания клина своего вторжения. 8-я армия узким и длинным языком вдавалась вперед, что делало весьма уязвимыми ее фланги. Несомненно, что здесь играло свою роль увлечение погоней за территорией»⁵²¹.

Как и следовало ожидать, белые сосредоточили крупные силы на флангах группы Селивачева и сами перешли в контрнаступление 26 августа, попытавшись создать «Каньны», срезав основание купянского клина ударами в сходящихся направлениях добровольческих, а также кубанских и терских частей генерала Шкуро на Корочу, Новый Оскол и Волчанск и донской конницы генерал-лейтенанта А. К. Гусельщикова на Валуйки и Бирюч. По всей видимости, общий план белого командования предполагал окружение прорвавшейся группировки красных. Не способствовали успехам красных и действия конницы генерала Мамантова, совершавшей рейд по советским тылам.

На московское направление III конный корпус Шкуро был переброшен во второй половине июля 1919 г.⁵²² В приказе по корпусу № 0723 от 25 августа Шкуро изложил свой

⁵¹⁹ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160; *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 194.

⁵²⁰ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 194.

⁵²¹ Гражданская война 1918–1921: В 3 т. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930. С. 257–258.

⁵²² *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро // Белое движение: Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... / Сост. А. С. Кручинин. М., 2003. С. 330.

план разгрома красных, который предусматривал удар по противнику на участке Волчанск — Короча с развитием успеха на Валуйки⁵²³. На Волчанск и Валуйки от Харькова наступала группа Генштаба генерал-майора А. М. Шифнер-Маркевича (Кубанская партизанская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии с двумя батареями, полтора батальона Самурского полка и батарея 3-й артбригады). Со стороны Белгорода в наступление на Корочу и Новый Оскол переходила 1-я Терская казачья дивизия генерал-майора В. К. Агоева. Резерв Шкуро (Хоперская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии, Волчий дивизион, стрелковые полки 1-й Терской и 1-й Кавказской казачьих дивизий) находился в районе Белгорода.

Генерал Шкуро вспоминал: «Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командир 5-го конного корпуса генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты⁵²⁴, но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить ее по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулеметов и до 7000 пленных. Все, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям»⁵²⁵. Шкуро также просил от командования разрешения соединиться с корпусом Мамантова для конного набега на Москву, но такое разрешение ему дано не было.

Относительно прорвавшихся Селивачев заявил главному Каменеву 29 августа: «В нашем деле имя имеет магическое действие: если бы под командой Шкуро находилась

⁵²³ Трагедия казачества. С. 230.

⁵²⁴ Шкуро очевидно путает последовательность событий, т.к. Киев и Курск были взяты белыми позднее.

⁵²⁵ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 225.

одна шкура, то и ее бы боялись»⁵²⁶. Как видим, Селивачева даже в сложной ситуации не покидало чувство юмора. Но, как выяснилось, войска красных не были подготовлены к отражению крупных конных масс противника, а действия белых в тот период получили высокую оценку в переговорах советского командования как систематичные и разумные⁵²⁷.

1-я Терская дивизия в районе Корочи нанесла поражение 3-й и 42-й стрелковым дивизиям красных, вынужденным отойти на Новый Оскол. Между прочим, до 27 августа 3-й стрелковой дивизией командовал бывший Генштаба генерал-майор Н. С. Махров, родной брат которого, также Генштаба генерал-майор, в это время занимал у белых пост начальника военных сообщений Кавказской армии Врангеля, а позднее служил под началом Шкуро, войска которого атаковали дивизию его брата в августе 1919 г.

В этих боях белые понесли серьезные потери, в том числе в командном составе. Так, в конной атаке под Корочей был убит командир 2-го Терского казачьего полка Генштаба полковник Г. Г. Колесников, в ходе боев был контужен начальник дивизии генерал В. К. Агоев, тяжело ранен начальник штаба дивизии Генштаба полковник Н. И. Химич. 30 августа (по другим данным, 31-го) терцы взяли Новый Оскол, перерезав железнодорожный путь от Валук на Старый Оскол и Касторное. Затем они повернули на юго-восток, атакуя советские дивизии, сопротивлявшиеся действиям группы Шифнер-Маркевича. По всей видимости, Новый Оскол был казаками оставлен — важен был разгром живой силы красных, а не захват городов. На этом направлении была разбита упорно оборонявшаяся 12-я стрелковая дивизия красных, остатки которой отходили на Бирюч и в леса к северу от Валук.

Шифнер-Маркевич считался способным офицером Генерального штаба. По свидетельству Генерального штаба генерал-майора В. А. Замбжицкого, «в нем совмещается редкая способность так же быстро ориентироваться в бою, на поле сражения, как и на карте. По замыслу и художественности маневра его можно было бы поставить на одну

⁵²⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

⁵²⁷ Там же. Л. 62.

доску с Бабиевым»⁵²⁸. Не в пример ему Шкуро был «человек неустойчивый, неуравновешенный, человек минуты и данного настроения, очень подверженный давлению со стороны, который сам никогда не мог сказать наперед, как он поступит в том или в другом случае»⁵²⁹.

Шкуро, по воспоминаниям Замбрицкого, «впрочем, никогда и не скрывал, что сам себя он расценивает не высоко. Мне лично приходилось слышать, когда начальник штаба тянул его с оперативным докладом к карте, Шкуро упирался, отбояриваясь словами: “Х-ра ли мне в Вашей карте. Это дело Ваше, господ моментов”⁵³⁰, смотреть в карту и заниматься писаниной, на то вы и офицеры Генерального штаба. Что нужно, то строчите, я подмахну, потому, я в этом деле ни х-ра (он говорил круче) не понимаю. Мое дело какое? Шашки выдергай и марш-марш в атаку. Вот это я умею, а карты?” Он не договаривал, но было ясно, что он питает и к картам и к науке одновременно и уважение, и отвращение, и небрежение...»⁵³¹ С другой стороны, Шкуро, всецело полагавшийся на своего начальника штаба, был весьма удобным начальником для офицеров-генштабистов. Например, служивший с ним Генштаба полковник К. З. Ахаткин оставил прямо противоположную характеристику Шкуро. По мнению Ахаткина, Шкуро критиковали из зависти, тогда как он был, несомненно, талантлив: «Я был н[ачальни]ком штаба у 19 начальников и скажу прямо, только Шкуро имел право быть начальником. У него не хватало знаний, он пользовался знаниями н[ачальни]ка штаба, но у него было сердце, у него была искра Божия, у него было умение влиять на толпу, подчинять ее»⁵³².

Группа Шифнер-Маркевича 26–29 августа вела упорные бои на реке Северский Донец. В итоге красные были отброшены за линию железной дороги Волчанск — Ку-

⁵²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 46. Имелся в виду один из лучших кавалерийских начальников белого Юга кубанский казачий генерал Н. Г. Бабиев.

⁵²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

⁵³⁰ Момент — ироническое прозвание офицеров-генштабистов русской армии.

⁵³¹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

⁵³² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 89.



Старший адъютант штаба I армейского корпуса штабс-капитан
В. И. Селивачев. 1899–1900 гг. Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).
Публикуется впервые

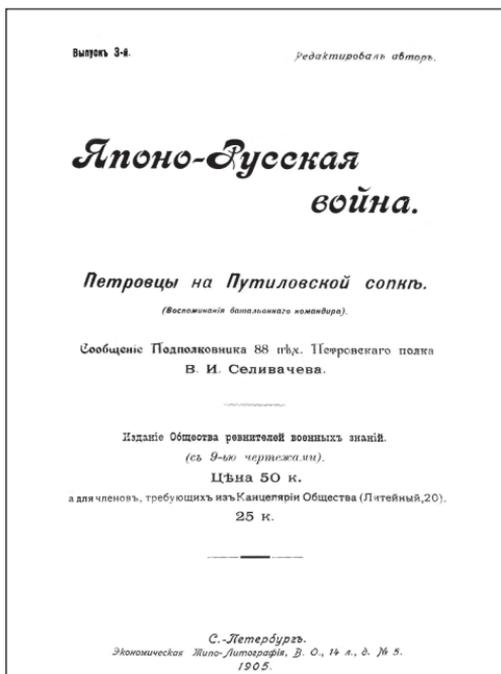


В. И. Селивачев со знаком Павловского военного училища. Надпись на фото: «Драгоценной и ненаглядной дочурке — другу Ксенюручке от обожающего Папы». Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва). Публикуется впервые



Генерал А. М. Зайончковский. Архив автора

Обложка книги
В. И. Селивачева
«Японо-Русская война.
Петровцы на Путиловской
сопке» (СПб., 1905).
Государственная публичная
историческая библиотека
России (Москва)





Генерал В. И. Селивачев в годы Первой мировой войны. 1915–1917 гг.
Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).
Публикуется впервые



Командующий 7-й армией генерал В. И. Селивачев (сидит), командир Чехословацкой стрелковой бригады полковник В. П. Троянов (стоит в центре), командир резерва бригады штабс-капитан И. Ф. Алексеев (сидит справа), прапорщик В. Кашпар (держит руку у подбородка), рядом вольноопределяющийся Макс с чинами 7-й роты 1-го Чехословацкого стрелкового полка.

Фото подпоручика Я. Сырового. 24 июня 1917 г.
Архив А. Гейла (предоставлено О. Н. Хлестовым)



В. И. Селивачев (справа) с летчиком. Август 1917 г.
Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).
В оригинальном качестве публикуется впервые



Д. Д. Зуев.
Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова
(Москва). Публикуется впервые



Г. С. Габаев.
Журнал «Советские архивы»



К. В. Селивачева.
Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова
(Москва). Публикуется впервые



М. В. Селивачев.
Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова
(Москва). Публикуется впервые



Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал А. И. Деникин в черкесске. Архив Гуверовского института (Стенфорд, США). Публикуется впервые



Командование Добровольческой армии на молебне в память павших в 1709 и 1919 г. воинов в период наступления на Москву. В центре генералы Н. Э. Бредов, В. З. Май-Маевский, Н. П. Ефимов, инспектор артиллерии генерал Лактионов. Полтава. 18 (31) июля 1919 г. Архив Гуверовского института (Стенфорд, США). Публикуется впервые



Д. Д. Зуев и К. В. Селивачева. Архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).
Публикуется впервые



Сын Д. Д. Зуева и внук В. И. Селивачева Д. Д. Зуев с автором книги.
Москва. 2011 г.

пянк⁵³³. По некоторым данным, 30 августа казаками был занят Купянск, но, видимо, затем его пришлось оставить. Бои в районе Волчанска также шли с переменным успехом. К 1 сентября белые были вынуждены отойти к Волчанску, несмотря на требования командующего Добровольческой армией Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского разбить красных в кратчайший срок.

На левом фланге селивачевского клина действовала донская казачья конница. 26 августа командир III Донского отдельного корпуса приказал командиру 7-й Донской пластунской бригады генерал-майору А. А. Дукмасову (штаб — Сватово) овладеть Купянском и, соединившись с бронепоездами, действовать на Валуйки, имея разведку на Волчанск и на Белый Колодезь⁵³⁴. Для содействия Дукмасову два бронепоезда из первого бронеполка полковника Петрашкевича перебрасывали на линию Луганск — Сватово — Купянск, остальные прикрывали Харьков на линии Харьков — Купянск⁵³⁵. Конная группа Гусельщикова, выделенная из состава III Донского отдельного корпуса, к 27 августа прорвала фронт и на следующий день вышла к железнодорожной линии Лиски — Валуйки — Купянск на участке Алексеевка — Бирюч⁵³⁶, разрушив железнодорожный путь. С юга вдоль железной дороги здесь наступала 8-я Донская пластунская бригада, однако Селивачев контратаковал и вышел в тыл Гусельщикову, в результате чего казакам пришлось отойти. 28 августа командующий III Донским отдельным корпусом генерал-лейтенант М. М. Иванов уже обвинил в нерешительности, беспричинном отходе и позорном поведении казаков сводно-конного полка и 8-й пластунской бригады (96-й полк). По мнению комкора, их действиями были поставлены под угрозу группа Гусельщикова и даже исход операции⁵³⁷. 31 августа был повторен приказ командиру 7-й Донской пластунской бригады энергичными действиями занять Купянск и вырвать бронепоезда⁵³⁸.

⁵³³ Трагедия казачества. С. 232.

⁵³⁴ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

⁵³⁵ Там же. Л. 128; Д. 13. Л. 178.

⁵³⁶ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

⁵³⁷ Там же. Л. 136.

⁵³⁸ Там же. Л. 144.

1 сентября командующий I армейским корпусом Добровольческой армии генерал-лейтенант А. П. Кутепов разослал свой приказ по корпусу начальникам штабов всех соединений, участвовавших в операции, — III отдельного и III Донского отдельного корпусов, а также не задействованного в ликвидации прорыва V кавалерийского корпуса: «Во исполнение приказа командарма приказываю направлять все силы для окончательного уничтожения разбитого противника в районе Валуйки — Купянск — Волчанск. Переход корпуса в наступление на остальном фронте откладывается до особого распоряжения, частям корпуса активно обороняться на занимаемых ныне позициях»⁵³⁹.

Несмотря на 2–3-кратное превосходство над противником в пехоте, у Селивачева начались сложности⁵⁴⁰. К 29 августа 13-я армия под натиском противника стала проявлять неустойчивость, причем 3-я и 42-я дивизии начали отступать. Непростая ситуация складывалась и на левом фланге в районе захваченного белыми города Бирюч, который Селивачев приказал отбить немедленно за счет резерва 8-й армии⁵⁴¹. 8-я армия оказалась в крайне тяжелом положении, которое лишь ухудшалось вплоть до начала октября 1919 г. Над ударной группой нависла угроза окружения, хотя окружить такую группировку силами конницы было невозможно, а пехоты у белых для окружения явно не хватало. Селивачев сообщал командующим подчиненными ему армиями о необходимости быть готовыми к перерыву связи⁵⁴². В 8-й армии к 1 сентября на исходе было горючее, что могло привести к остановке работы бронемашин⁵⁴³.

На 1 сентября войска группы находились на линии Волчанск — Купянск — Валуйки — Подгорное. Фронт группы к этому времени достиг протяженности 700 верст⁵⁴⁴. По оценке красных, против Селивачева к 1 сентября 1919 г. белые имели на воронежском и курском направлениях 27 200 штыков и 12 600 сабель при 152 орудиях, 502 пуле-

⁵³⁹ Там же. Л. 146.

⁵⁴⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁵⁴¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁵⁴² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

⁵⁴³ Там же. Л. 74.

⁵⁴⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

метах, 19 бронепоездах и 12 танках⁵⁴⁵. В тылу активно действовала белая конница.

Селивачев руководил начавшимся отходом группы на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка и отвечал за операции на обоянском направлении. При этом он пытался контратаковать и даже наступать. 2 сентября он поставил задачу 13-й армии занять город Суджа для оказания помощи 14-й армии, продвигавшейся к Сумам, требовал усилиями флангов 8-й и 13-й армий войти в связь у Нового Оскола⁵⁴⁶. Это свидетельствует о том, что в тылу Селивачева дела обстояли неблагоприятно, и между флангами его армий связь была нарушена. Но Новый Оскол красным удалось отстоять.

Помимо этого на плечи Селивачева легла тяжелая обязанность обороны Воронежа от мамантовской конницы⁵⁴⁷. «Впервые слышим столь приятную новость», — сказал не без иронии Селивачев командующему Южным фронтом 4 сентября, узнав о движении Мамантова на Воронеж⁵⁴⁸. Город Купянск Селивачеву пришлось окончательно оставить 2 сентября под ударами наступавших частей Деникина⁵⁴⁹, однако из-за низкой активности сравнительно слабых донских частей советские дивизии купянского направления сумели вырваться из грозившего им окружения⁵⁵⁰. В районе Волчанска против войск Селивачева действовал Сводный отряд, в который входили кубанские сотни корпуса Шкуро, Сводно-стрелковый полк и элитные «цветные» части Добровольческой армии — марковцы (батальон 2-го офицерского генерала Маркова пехотного полка, взвод 2-й Марковской артиллерийской батареи) и корниловцы (батальон 1-го Корниловского ударного полка), наступавшие на Новый Оскол⁵⁵¹. На Обоянь наступал 2-й Корниловский ударный полк.

2 сентября Селивачев беседовал по прямому проводу с членом РВС Южного фронта Г.Я. Сокольниковым

⁵⁴⁵ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 4. С. 488.

⁵⁴⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 48.

⁵⁴⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 146.

⁵⁴⁹ Директивы командования фронтов Красной армии... Т. 2. С. 326.

⁵⁵⁰ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 217.

⁵⁵¹ *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 283; Пятьдесят лет верности России. С. 183.

и членом РВС 8-й армии В. А. Барышниковым. В разговоре зашла речь о том, что ударная группа 8-й армии требовала непосредственного руководства командарма из Валук или какого-либо другого пункта, а остальная часть армии могла управляться самим Селивачевым из Воронежа⁵⁵². Селивачев потребовал подтверждения такого приказа со стороны командующего Южным фронтом. В это же время на борьбу с Мамантовым требовалось отзывать части (до бригады) с фронта 13-й армии, направив их для защиты станции Касторное. На следующий день переброска бригады 3-й дивизии была санкционирована⁵⁵³. Уже 3 сентября командующий Южным фронтом предъявил Селивачеву претензии в растерянности командования, на что Селивачев ответил, что ни о чем подобном он лично не докладывал и у командующих армиями тоже не замечал⁵⁵⁴. В это время в войсках распространилась паника, видимо, связанная с решительными действиями казачьей конницы Шкуро и Гусельщикова (несмотря на то что в группе Гусельщикова к 4 сентября уже не хватало патронов⁵⁵⁵) в красном тылу. Например, бригада 13-й дивизии считала себя разбитой, потеряв лишь 8 человек убитыми и 45 ранеными⁵⁵⁶.

Фронт 8-й армии белые прорывали в направлении участка железной дороги Острогожск — Лиски. В тылу армии по-прежнему действовала конница Мамантова. 4 сентября Селивачев считал возможным отвести армию на линию Новый Оскол — Бирюч — Евдаково. В крайнем случае, он допускал отход до линии Старый Оскол — Коротояк — Лиски⁵⁵⁷. Штаб фронта, кстати, не представлял малочисленности сил Селивачева и того, что в некоторых бригадах оставалось лишь по 500 человек, несмотря на невысокую интенсивность боев⁵⁵⁸.

5 сентября Селивачев говорил со сдержанным оптимизмом, что «мы хватили пр[отивни]ка своим наступлени-

⁵⁵² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

⁵⁵³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.

⁵⁵⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 129об.

⁵⁵⁵ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 302.

⁵⁵⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 133.

⁵⁵⁷ Там же. Л. 140.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 148об.

ем за самое его живое место, а посему он теперь кусается. Хотя мы мало побили, однако пр[отивни]к [в] своем приказе, нами захваченном, делает укор одному из своих начдивов, а именно Говорову⁵⁵⁹, [в] недостаточном умении маневрировать, указывая на нас, как маневрирующих настолько, что их части принуждены отходить. Вся беда в командном составе — нет военного образования, нет верного взгляда военного, на самые мелочи приходится указывать. Я полагаю, что непосредственная угроза нам в известной степени отклонена, а если продвинется группа Шорина, то положение и совсем будет хорошо»⁵⁶⁰.

Оптимизм Селивачева, однако, не разделял командующий фронтом Егорьев. 5 сентября в разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым он прямо сказал, что «действия Селивачева еще не вышли из стадии подготовительных операций и уже потребовали отвлечения части 9 армии для действий в западном направлении»⁵⁶¹. Иными словами, командующий фронтом считал, что операция группы Селивачева не увенчалась успехом. Более того, неудача Селивачева грозила срывом всего наступления, поскольку командованию фронта приходилось оказывать Селивачеву содействие за счет основной ударной группы Шорина. Лебедев выступил категорически против отвлечения сил группы Шорина от их основной задачи.

Удивительно, что в тот же день Троцкий и члены РВС Южного фронта Л. П. Серебряков и М. М. Лашевич потребовали от главкома Каменева назначить Селивачева командующим Южным фронтом, а на место Селивачева назначить помощника командующего фронтом А. И. Егорова⁵⁶². Каменев против такого назначения Селивачева не возражал, но перемещение Егорова считал нежелательным, так как не был уверен, что тот справится с управлением двумя армиями, входившими в группу Селивачева⁵⁶³. Дальнейшее

⁵⁵⁹ Очевидно, речь идет не о начдиве, а о начальнике штаба III Донского конного корпуса Генштаба полковнике А. В. Говорове.

⁵⁶⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.

⁵⁶¹ Директивы главного командования Красной армии... С. 462.

⁵⁶² Там же. С. 463.

⁵⁶³ Там же. С. 463–464.

катастрофическое для красных развитие событий не позволило осуществить намечавшуюся перестановку.

К этому времени становилось очевидным, что августовское наступление Южного фронта развивается не столь успешно, как предполагалось, а ближе к середине сентября стало понятно, что операция провалилась. Уже 5 сентября 1919 г. Егорьев признал, что операция Селивачева, изначально планировавшаяся как вспомогательная, в процессе ее реализации приобрела самостоятельное значение как харьковская операция⁵⁶⁴.

В телеграмме 5 сентября, копия которой была направлена в ЦК, Троцкий и члены РВС Южного фронта требовали от Каменева смещения центра операции на курско-воронежское направление, однако на следующий день получили недоуменный ответ Ленина с протестом от имени Политбюро против перемены плана. В конечном итоге, план Каменева, поддерживавшийся Лениным до тех пор, пока еще оставалась хотя бы минимальная надежда на успех⁵⁶⁵, провалился. В итоге реализован был план Троцкого (возможно, основанный на замысле прежнего главкома Вацетиса), но красные потеряли несколько месяцев на бесплодные попытки воплотить в жизнь план Каменева.

Сам Каменев с упорством, достойным лучшего применения, на протяжении сентября продолжал считать свой июльский план правильным, полагая, что борьба на курско-воронежском направлении выгоднее для белых, тогда как красным более целесообразно наносить основной удар через Донскую область в направлении на Кубань, чтобы отрезать белых от основных районов пополнения их живой силы⁵⁶⁶.

В результате красные не только не добились овладения Северным Кавказом, но даже не смогли достичь перелома на фронте группы Шорина, наступлению которой ожесточенно сопротивлялись Кавказская и Донская армии белых. На этом участке красным не удалось взять Царицын, не говоря уже о намечавшемся Каменевым проникновении на Кубань. По оценкам военных специалистов, достигнутые

⁵⁶⁴ Там же. С. 461.

⁵⁶⁵ Там же. С. 466.

⁵⁶⁶ Там же. С. 464–465.

успехи имели лишь местное значение⁵⁶⁷. В Донской области белые удержали линию Хопра. В то же время красные упустили развитие успеха противника на харьковском направлении, позволили Деникину создать на Украине плацдарм для дальнейшего наступления и к октябрю 1919 г. столкнулись со вполне реальной угрозой Орлу и Туле, а войска красных оказались измотаны тяжелыми боями. Фактически реализация плана Каменева поставила под вопрос само существование Советской России.

Бывший советский главком И. И. Вацетис в конце 1919 г. писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преемственности в советской стратегии после замены Вацетиса на Каменева в июле 1919 г.: «После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налицо имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождалась неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный

⁵⁶⁷ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. С. 264; *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 361.

где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте Донского казачества. Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»⁵⁶⁸.

Таким образом, если логика Вацетиса верна, а рациональное зерно в ней, безусловно, есть, провал августовского наступления оказался прямым следствием арестов высших военных руководителей РККА по «делу» Полевого штаба РВСР, поскольку новый главком не имел достаточно времени, чтобы войти в курс дела.

20 сентября 1919 г.⁵⁶⁹ Троцкий обратился в ЦК, отмечая важность направления, на котором наступал Селивачев:

«Особенно тяжелое положение создалось, однако, в отношении Южного фронта. Общестратегический план был ложен с самого начала. Мы пустили главные силы на самом отдаленном, самом трудном и самом протяженном направлении. Сейчас совершенно ясно, что те же и даже значительно меньшие силы, своевременно брошенные на направление Купянск — Харьков, дали бы несравненно большие результаты. Украина не была бы к настоящему моменту основным плацдармом Деникина, мы сохранили бы Курск, Туле не грозила бы непосредственная опасность.

Но хуже того: те поправки, какие могли и должны были вноситься ходом событий, хотя бы и с некоторой потерей

⁵⁶⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

⁵⁶⁹ Так этот документ, не приводя ссылки, датируют В. Г. Краснов и В. О. Дайнес (*Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 227). В обнаруженном нами варианте документа дата отсутствует. Сам Троцкий позднее отмечал, что его обращение в Политбюро относится к концу сентября 1919 г. (*Троцкий Л.* Сталин: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 108).

темпа, не вносились даже тогда, когда необходимость их становилась очевидной. Причина тому в том, что оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро Цека (два или [три] товарища) сочло даже возможным связать авторитет Цека партии не только [с] указанным общеоперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных. Таков был последний эпизод с переброской корпуса Буденного на участок группы Шорина, в то время, как вся обстановка, все оперативные данные, все логические соображения ясно требовали сосредоточения сил на Курском направлении. Еще более недопустимым явилась переброска полков 21-й дивизии из Тулы на Новохоперск и окончательное очищение угрожаемой дороги Курск — Тула — Москва.

Необходимые мероприятия:

1. Освобождение главкома от обязанностей по отношению к “царицынскому” плану;
2. Разъяснение главкому в той или другой форме, что его оперативные решения сами по себе не могут иметь поддержки Цека, который лишь ставит ему в известном порядке определенные задания; другими словами, что ответственность за операции не снимается с главкома лично ни при каких условиях»⁵⁷⁰.

Итоги неудачного наступления красных наглядно отражены в полковой истории Корниловского ударного полка: «К концу августа (старого стиля.— А.Г.) прорыв красных на Купянск и Волчанск был окончательно ликвидирован, и части Добровольческой армии получили возможность продолжать прерванное наступление. С другой стороны, неудача красных в широко задуманной ими операции, для которой ими были собраны значительные силы, больно отозвалась на моральном состоянии Красной армии, и без того сильно потрепанной нами на линии рек Сейм и Сеймица.

⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 457—458.

Добровольческая армия не встретила поэтому того сопротивления, которое можно было ожидать при взятии укрепленного района г. Курска»⁵⁷¹. По другому свидетельству, «советские войска, защищавшие Курск, бродили отдельными деморализованными группами и охотно сдавались в плен. Лишь только некоторые части оказали сопротивление»⁵⁷².

Но все это было уже после тех драматических событий середины сентября, которые произошли в группе Селивачева. Сейчас трудно сказать, что именно предопределило неудачу действий войск Селивачева — ошибочный расчет Каменева и неправильное распределение сил, решительные действия белых, промахи самого Селивачева или же злой умысел заговорщиков в руководстве группы. Как бы то ни было, финальная катастрофа группы неумолимо двигалась.

⁵⁷¹ Левитов М. Н. Материалы для истории... С. 287.

⁵⁷² Пятьдесят лет верности России. С. 187.

Глава 6. Крах операции

В ночь на 7 сентября белые вновь взяли Новый Оскол (бои в районе Новый Оскол — Бирюч продолжались вплоть до 12 сентября, причем Бирюч был прочно занят казаками только 15 сентября). 1-я Терская казачья дивизия повела наступление на Старый Оскол, а 1-я Кавказская казачья наступала на северо-восток от города Бирюч вдоль линии железной дороги на Острогожск — Лиски. Здесь совместно действовали группа Гусельщикова и 8-я Донская пластунская бригада.

7 сентября Селивачев приказом № 20 принял на себя временное командование 8-й армией для ликвидации прорыва противника, а непосредственное управление группой из 2-й бригады 31-й дивизии, 12-й, 13-й, 15-й и 16-й дивизий в оперативном отношении передал вр.и.д. командующего 8-й армией А. И. Ратайскому⁵⁷³ при начальнике штаба Г. С. Горчакове, кроме того, Селивачев взял на себя непосредственное руководство 33-й и 40-й дивизиями и 1-й бригадой 31-й дивизии. Отмечу, что донским командованием 31-я и 33-я дивизии красных оценивались очень высоко⁵⁷⁴. В это время Мамантов, занявший 5 сентября Задонск, 6 сентября — Касторное и 7-го — Усмань, с трех направлений угрожал Воронежу, где находился штаб Селивачева. Воронеж был взят Мамантовым уже 11 сентября. Не исключено, что именно с этим был связан переход Селивачева в штаб одной из армий. Точные причины такого решения неизвестны, но в результате дальнейшая судьба Селивачева оказалась целиком связана с событиями в 8-й армии.

⁵⁷³ Подробнее о нем см. в приложениях.

⁵⁷⁴ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 314об.

Селивачев 7 сентября произвел и другие важные кадровые перестановки. Вр.и.д. начальника штаба 8-й армии стал состоявший в распоряжении Селивачева бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов. Вр.и.д. начальника штаба 8-й армии бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов должен был вступить во временное исполнение должности начальника оперативного отдела штаба 8-й армии⁵⁷⁵. Принципиально важно, что все они вскоре загадочным образом исчезли. По одним данным, это произошло 2 октября 1919 г., когда Нечволодов, Тарасов и начальник разведывательного отделения штаба армии бывший Генштаба генерал-майор В. А. Желтышев пропали без вести при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа)⁵⁷⁶. По другим, более достоверным сведениям, Нечволодов исчез отдельно от двух своих сослуживцев и примерно на две недели раньше. Тарасов и Нечволодов вскоре объявились в войсках Деникина, а судьба Желтышева до сих пор неизвестна.

Командир III конного корпуса генерал-лейтенант А. Г. Шкуро оставил важное свидетельство на этот счет. Как он отмечал в воспоминаниях, «штаб красной 13-й армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, Генерального штаба капитан Тарасов дал чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нарочно подставлял под удары отдельные части красной 13-й армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование Конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добрармию»⁵⁷⁷.

Воспоминания Шкуро были записаны с его слов и подвергнуты литературной обработке полковником В. М. Бекком после Гражданской войны — в 1920–1921 гг. в Париже. При этом были возможны различные ошибки и неточности, чем и объясняется явная ошибка в номере армии,

⁵⁷⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

⁵⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47; Д. 69. Л. 38об.—39.

⁵⁷⁷ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 231.

в которой служил Тарасов (в недавнем прошлом начальник штаба советского Южного фронта). Разумеется, Шкуро имел в виду штаб не 13-й, а 8-й армии, недавно умершим командующим которой и был Селивачев.

До сих пор это свидетельство Шкуро исследователи не сопоставляли с реальным ходом событий, видимо, считая его из-за указания на 13-ю армию недостоверным, однако происходившему в 8-й армии оно вполне соответствует. Более того, свидетельство Шкуро содержит прямое указание на наличие в штабе 8-й армии антибольшевистской подпольной организации. Вместе с Тарасовым к белым попали и другие штабные работники, но, к сожалению, их имен Шкуро не назвал.

Любопытное указание содержится и в мемуарах С. М. Буденного, в тот период командовавшего конным корпусом РККА. По его свидетельству, 4 октября красные перехватили белогвардейский аэроплан, направленный для связи с Мамантовым. Летчик принял буденовцев за казаков Мамантова, приземлился и был взят в плен. Мамантову летчик вез приказ командующего Донской армией Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина и письмо от Шкуро, причем Сидорин, если верить Буденному, рекомендовал белым связаться с командующим (у Буденного — заместителем командующего) 8-й армией красных А. И. Ротайским, на которого якобы «можно положиться»⁵⁷⁸. В другом месте Буденный отметил, что «в руководстве армии произошло крупное предательство: заместитель командующего армией, тот самый бывший царский генерал (в действительности — полковник. — А.Г.) Ротайский (так в тексте. — А.Г.), о котором упоминал в своей записке Сидорин, с группой штабных военспецов перешел на сторону белых»⁵⁷⁹. Произошло это в начале октября. Именно в это время в плен к буденовцам попал летевший для связи с Мамантовым 23-летний летчик капитан З. В. Снимщиков. Белое командование было серьезно обеспокоено тем, что вместе с летчиком красным достались важные оперативные документы. И действительно было чего опасаться! Как выяснилось, Снимщикову было выдано для передачи Мамантову несколько директив

⁵⁷⁸ Буденный С. М. *Пройденный путь*. Кн. 1. М., 1958. С. 257.

⁵⁷⁹ Там же. С. 258.

и до 200 телеграмм неизвестного содержания⁵⁸⁰. Возможно, среди этих документов мог находиться и тот, что цитировался Буденным. Нам не удалось подтвердить факт пленения или перехода к противнику вр.и.д. командующего 8-й армией Ратайского, но свидетельство о массовом переходе штабных работников 8-й армии на сторону белых соответствует действительности.

Эти факты дают огромный простор для разного рода предположений. Действительно ли имел место белогвардейский заговор в штабе 8-й армии? Был ли к нему причастен Селивачев? Мог ли он стать его жертвой? К сожалению, известные нам документы пока не позволяют однозначно ответить на эти вопросы.

Наличие подписанного Селивачевым приказа от 7 сентября о кадровых перестановках свидетельствует, что как минимум за десять дней до смерти бывший генерал был вполне здоров и мог управлять вверенной ему группой. В то же время — это самый поздний из обнаруженных нами документов за подписью самого Селивачева. Отметим также, что с 13 сентября Ратайский подписывал распоряжения не как командующий группой, а вновь как вр.и.д. командующего 8-й армией⁵⁸¹, т.е. Селивачев в это время оказался не у дел. Данных о том, возглавлял ли кто-то группу Селивачева с тех пор, в архивных документах обнаружить не удалось. Таким образом, в середине сентября группа Селивачева фактически прекратила свое существование⁵⁸².

Как бы то ни было, войска, входившие в группу, продолжали вести тяжелые бои, в том числе по берегу реки Оскол. 12 сентября белые взяли Обоянь. 1-я и 3-я Донские дивизии 12 сентября получили приказ усилить бдительность, чтобы не пропустить отход красных⁵⁸³. Корпус Шкуро двигался по тылам 8-й армии, причем донское командование просило

⁵⁸⁰ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 14. Л. 228–228об. Благодаря М. А. Хайрулина за указание на этот источник.

⁵⁸¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

⁵⁸² В советской литературе утверждалось, что группа Селивачева якобы была расформирована в конце сентября 1919 г. (Группа В. И. Селивачева // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 160). На основе каких документов сделано такое заявление, нам неизвестно.

⁵⁸³ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

Шкуро помочь группе Гусельщикова в наступлении на Острогожск⁵⁸⁴. Наступление на Острогожск продолжалось еще несколько дней. Белое командование по-прежнему надеялось отсечь и окружить отступавшие части красных, но сделать это не удалось. Командир III Донского отдельного корпуса, видимо, по этим причинам считал, что командный состав корпуса был не всегда на высоте своего положения⁵⁸⁵. Лишь 21 сентября Острогожск был занят силами 6-й и 7-й Донских пластунских бригад, красные отступили на Лиски⁵⁸⁶.

В дальнейшем Шкуро продолжал громить красные тылы. По воспоминаниям самого генерала, «совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боев, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трех недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулеметов и около 35 000 пленных»⁵⁸⁷. Фактически к середине сентября результаты августовского наступления на фронте группы Селивачева были сведены на нет, а войска понесли большие потери и оказались сильнейшим образом переутомлены. Бои теперь шли в районе Лиски — Коротояк⁵⁸⁸.

Еще летом 1919 г. белая разведка сумела добыть план действий группы Селивачева и данные о ее составе, впрочем, едва ли исходившие из штаба самой группы. По этим сведениям, роль Селивачева как командующего группой «не вполне выяснена. По-видимому, находясь под надзором комиссара, он не может явно вредить операции своими распоряжениями, но делает, что может. Сообщают, что благодаря ему у группы нет резервов»⁵⁸⁹. Таким образом, белые агенты считали, что Селивачев являлся их тайным сторонником, что, возможно, было недалеко от действительности. Когда эти материалы оказались в руках чекистов, надо полагать, подозрения в отношении Селивачева многократно усилились. Однако произошло это не ранее конца августа — сентября 1919 г. и роли в судьбе Селивачева, скорее всего, уже не сыграло.

⁵⁸⁴ Там же.

⁵⁸⁵ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

⁵⁸⁶ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.

⁵⁸⁷ Шкуро А. Г. Гражданская война в России. С. 227.

⁵⁸⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

⁵⁸⁹ Красная книга ВЧК: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 250–251.

Между тем в начале сентября Троцкий продолжал выдвигать Селивачева на пост командующего Южным фронтом⁵⁹⁰. По данным на 8 сентября назначение Селивачева было отложено лишь в связи с перерывом с ним связи⁵⁹¹. Именно Троцкий покровительствовал Селивачеву, и бывший генерал в этот период вполне мог считаться его креатурой. Соответственно, любая неудача военспеца бросала тень и на его патрона. Однако деятельность Селивачева и без документов белой разведки стала вызывать подозрения большевистского руководства.

К сожалению, точно не датирована интересная записка Ленина Э. М. Склянскому: «Склянскому только лично и особо секретно (Ленин). Не послать ли *особо надежным шифром* Сокольникову такой телеграммы: Примите лично все меры для ближайшего наблюдения за политической добросовестностью Селивачева. Сообщайте чаще ваши наблюдения и их итоги»⁵⁹². Этот документ из архива Склянского не публиковался в полном собрании сочинений Ленина.

11 сентября на заседании Политбюро ЦК обсуждался доклад главкома о положении на фронтах и вопрос о командировании в штаб Селивачева высокопоставленного чекиста Я. Х. Петерса в качестве члена РВС, причем было решено до получения согласия Троцкого этого решения в исполнение не приводить⁵⁹³. Судя по всему, большевистское руководство больше всего беспокоило перерыв связи с Селивачевым. Все остальные опасения и подозрения в возможной измене пока оставались предположительными.

Разумеется, нам неизвестны все детали, о которых тогда говорилось в Политбюро. По всей видимости, подозрения в отношении нелояльности Селивачева были столь серьезными, что отреагировать на них вскоре должен был уже и сам Троцкий. Удалось обнаружить черновик его шифрованной телеграммы в ЦК от 12 сентября 1919 г.: «Кандида-

⁵⁹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 357.

⁵⁹¹ Там же. Л. 393.

⁵⁹² The Trotsky papers 1917–1922 / Edited and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1: 1917–1919. L.; Hague; P., 1964. P. 670.

⁵⁹³ Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) 1 июля – 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 159.

тура Петерса слишком демонстративна, не давая никаких гарантий военной проверки⁵⁹⁴. Считаю более целесообразным назначение лучших агентов на должности делопроизводителя для поручений и шофера и пр. при Селивачеве. Сейчас наиболее критический момент для Селивачева. Я выезжаю [в] Балашов, чтобы связаться с ним, вызвать его [в] Орел на совещание с Главкомом для назначения командюж. После этого опасность измены крайне уменьшится. Предлагаю во всяком случае назначения не производить до выяснения, где Селивачев, и до вызова его в Орел, так как в случае его колебаний назначение Петерса может побудить его принять крайнее решение. Практического же значения назначения Петерса [в] ближайшие дни все равно иметь не будет. Троцкий. № 380»⁵⁹⁵.

Фактически это первый документ, в котором Троцкий допустил вероятность измены своего протеже. Он согласился с предложениями ЦК окружить Селивачева согладатаями из ВЧК, но предпочитал действовать осторожно и не назначать к Селивачеву такую знаковую фигуру, каким был прославившийся своей беспощадностью к врагам революции Петерс. Удивительно, но Троцкий еще не оставил мысли о возможности назначения Селивачева командующим Южным фронтом и, что уже совсем странно, полагал, что более высокое назначение Селивачева почему-то должно уменьшить вероятность измены с его стороны. Телеграмма свидетельствует и о том, что на 12 сентября связи с Селивачевым по-прежнему не было, что не могло не вызывать озабоченности в советском руководстве.

На протяжении нескольких следующих дней новостей о Селивачеве по-прежнему не было. 16 сентября Ленин с возмущением писал члену РВСР С. И. Гусеву: «Связи с Селивачевым не установили, надзора за ним не установили, вопреки *давнему и прямому* требованию Цека.

В итоге и с Мамонтовым застой, и у Селивачева застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками “побед” со дня в день — помните, эти рисуночки Вы мне показывали? и я сказал: о противнике забыли!!).

⁵⁹⁴ Зачеркнуто: контроля.

⁵⁹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 396–397.

Если Селивачев сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делал. Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь»⁵⁹⁶.

Ситуация с Селивачевым не на шутку встревожила большевистского вождя. В тот же день Ленин написал председателю РВСР Троцкому и членам РВС Южного фронта Л. П. Серебрякову и М. М. Лашевичу: «Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачев остается до сих пор без особого надзора вопреки решению Цека. Настаиваем на установлении связи хотя бы аэропланом и на посылке к нему Серебрякова во что бы то ни стало и немедленно, комиссаром при Селивачеве. Поведение начдивов в районе вторичного прорыва крайне подозрительно. Примите героические меры предотвращения.

Политбюро поручает т. Сталину переговорить с главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачевым и по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва»⁵⁹⁷.

17 сентября датирована телеграмма Троцкого из Тамбова в Орел Серебрякову и Лашевичу, ответ на которую Троцкий рассчитывал получить в Козлове: «Имеете ли связь с штабом 8 и Селивачевым? Мои попытки связаться с Селивачевым из Балашова не дали успеха. Каково положение на внутреннем фронте? Какие последние донесения южфронта?»⁵⁹⁸ Получается, что ни руководство Южного фронта, ни сам Троцкий не могли связаться с Селивачевым весь период с 8 сентября по день его смерти. Возможно, свою роль в перерыве связи сыграл рейд Мамантова, но причины этого требуют дополнительного изучения.

Обнаружение этого документа опровергает ранее высказывавшееся в литературе предположение, что «смерть генерала оказалась как нельзя более кстати для Троцкого и его сотрульников... в условиях непрекращающейся грызни реввоенсоветчики могли опасаться, что раскрытие под-

⁵⁹⁶ Ленин В. И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 203.

⁵⁹⁷ Там же. С. 204.

⁵⁹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 416.

рывной деятельности столь высокопоставленного военачальника будет угрожать их собственному положению, — особенно когда в непосредственной близости к ожидаемой ревизии появилась фигура Сталина — постоянного недруга Председателя РВСР»⁵⁹⁹. Как мы знаем, в действительности Селивачев тогда лишь находился под подозрением, а документальных подтверждений его подрывной деятельности на сегодняшний день не обнаружено. Кроме того, нет данных о том, что И. В. Сталин действительно принимал участие в решении этой проблемы.

На объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 18 сентября 1919 г. было решено командировку Л. П. Серебрякова к уже умершему Селивачеву отменить⁶⁰⁰. Возникает резонный вопрос: как могло случиться, что до смерти Селивачева с ним почти две недели не могли связаться, а информация о его смерти распространилась мгновенно?! 22 сентября Троцкий уже запрашивал Серебрякова о причинах смерти Селивачева⁶⁰¹.

Интересно, что Ленин привлек к решению этого вопроса такого непримиримого антагониста Троцкого, как Сталин. Как справедливо отметил московский историк А. С. Кручинин, содержание ленинских писем дает основание считать, что советский вождь не был в курсе болезни Селивачева, которая, скорее всего, могла быть внезапной. Однако далее исследователь предполагает, что руководству советского Южного фронта и даже РВСР было выгоднее ликвидировать Селивачева, чем оправдываться за неудачи на фронте и за назначение вероятного белого агента на руководящую должность⁶⁰². Последнее представляется спорным. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что не только Ленин и Троцкий, но и командование советского Южного фронта не знало о состоянии Селивачева, прежде всего, вследствие длительного перерыва связи со штабом 8-й армии, где тот находился. Важно и то, что документальных подтверждений версии об убийстве Селивачева пока не обнаружено.

⁵⁹⁹ Кручинин А. С. «Нужно писать правду...». С. 74.

⁶⁰⁰ Ленин В. И. Военная переписка. С. 355.

⁶⁰¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 425.

⁶⁰² Кручинин А. С. «Нужно писать правду...». С. 73–74.

Глава 7. Загадка смерти Селивачева

По официальной версии Селивачев умер от тифа 17 сентября 1919 г. в возрасте 51 года⁶⁰³. Белая печать незамедлительно отреагировала на это событие. Видный деятель Белого движения Генштаба полковник А.А. фон Лампе под псевдонимом «Л.Г. Семеновский» (в честь Лейб-гвардии Семеновского полка, в котором он служил в русской армии) 23 сентября (6 октября) написал в Новороссийске и 9 (22) октября опубликовал в газете «Великая Россия» резкую статью «Смерть Селивачева», в которой высоко оценил квалификацию Селивачева, но обвинял бывшего генерала в предательстве и даже припечатал его фразой из стихотворения А. Толстого «Сон Попова»: «Начнут как Бог, а кончат как свинья».

Фон Лампе писал: «По слухам в Совдепии умер от острого воспаления кишок бывший генерал русской службы Селивачев, недавно еще руководивший операцией красных на Валуйки и Купянск, операцией, инициатору которой нельзя отказать в способности правильно разбираться в вопросах стратегии и умении организовать наступление в армейском масштабе.

Все это дает основание предполагать, что неудавшаяся красным операция обхода Харькова была задумана лицами, получившими высшее военное образование, а таким-то именно и был Селивачев, на которого красные вожаки возложили ее проведение в жизнь. Таким образом, естественно, возникает пред[по]ложение, что исполнитель операции мог быть и ее автором.

⁶⁰³ Селивачев В. И. // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 539.

Ход операции, ее выполнение под руководством Селивачева, дает полное основание предполагать, что неудача ее произошла не вследствие саботажа со стороны ее руководителя, а лишь вследствие искусного контрманевра командования ю[жных] а[рмий] и, таким образом, за Селивачевым остается желание расколоть надвое силы ю[жных] а[рмий], и привести свое предприятие к желательному для Троцкого и губительному для генерала Деникина концу!

А между тем, будучи командующим VII армией на внешнем фронте, Селивачев в сентябре 1917 г. был арестован комиссаром армии Сургучевым за “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и за то, что он не только высказал свою солидарность с генералом Деникиным, телеграммой заявившим свой протест против смещения генерала Корнилова с поста Верховного главнокомандующего, но и всеми мерами способствовал распространению известного воззвания генерала Корнилова к войскам, воззвания, квалифицированного политическим комедиантом Керенским как измена и мятеж против верховной власти.

Солидарность генерала Селивачева с “ныне привлеченным к дознанию по делу о восстании против Временного правительства” генералом Деникиным и с “изменником и мятежником” Корниловым заставила расторопного комиссара устранить генерала Селивачева от командования армией.

В сентябре 1917 года генерал Селивачев теряет пост командующего русской армией за поддержку генералов Корнилова и Деникина, а менее чем через два года после этого товарищ Селивачев забывает свое “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и, став во главе разбойничьей организации комитета интернациональных мошенников — выступает с оружием в руках против бывшей армии генерала Корнилова, руководимой генералом Деникиным.

“Как люди в страхе гадки. Начнут как Бог, а кончат как свинья!”⁶⁰⁴

Есть основания думать, что Селивачев пошел на службу к большевикам и принял пост красного командарма под

⁶⁰⁴ «Гр[аф] А. Толстой. “Сон Попова”» (примеч. фон Лампе).

угрозой смерти, но ведь и генералу Радко-Дмитриеву его убийцы предлагали такой же ценой купить право на жизнь, однако доблестный генерал предпочел ужасную смерть под шашками обезумевших негодяев — службе красному хаму!

Не всякому дано быть героем, но как неумолима жестокая судьба — совершив свое предательство с целью спастись от смерти, Селивачев умирает от эпидемического заболевания!

Умри он от той же болезни раньше своей измены — он отошел бы в вечность несчастным, измученным, но русским человеком; откажись он от предлагаемой ему, заведомыми для него разбойниками, сделки с жизнью и честью и презренной роли большевистского наемника — он умер бы героем — он умер после своего перехода на службу интернационалистам, врагам своей родины, и имя его останется навсегда в ряду имен тех, кто замарал себя изменой родному делу!

Надо думать, что многие из тех, кто готов для сохранения своей жизни пойти на сделку с совестью, невольно задумаются над жестокой насмешкой судьбы, сыгравшей злую шутку с умершим! Более яркого примера бесцельной измены ждать трудно!»⁶⁰⁵

К сожалению для них, белые тогда еще не поняли, что на одном только страхе армию создать невозможно, а основания службы многих бывших офицеров в Красной армии были совсем иными. К тому же говорить об измене в условиях раскола общества и отсутствия каких-либо критериев для определения, что есть в подобной ситуации измена, не приходится.

Несколько лет спустя после этих событий, уже по окончании Гражданской войны, вышли «Очерки русской смуты» генерала А. И. Деникина, в которых Деникин привел следующее свидетельство: «Московские Центры»⁶⁰⁶ поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о мораль-

⁶⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

⁶⁰⁶ Т. е. «Правый центр» и «Национальный центр».

ной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя»⁶⁰⁷.

По предположению А. С. Кручинина, генерал Деникин имел в виду Селивачева⁶⁰⁸. Кручинин исходил из того, что формулировка Деникина «мои армии» должна относиться к событиям 1919 г., а оговорка из «Очерков русской смуты» «генерал Селивачев», при том что рядом без всякого прежнего звания указан бывший полковник Шорин, — не случайна.

Это предположение полностью подтвердилось в результате обнаружения нами важного свидетельства в неопубликованном дневнике Генштаба генерал-майора А.А. фон Лампе. 24 декабря 1922 г. фон Лампе теперь уже с любопытством и сожалением записал следующее: «Все хочу записать рассказ Деникина, который меня очень поразило — относительно генерала Селивачева. По мнению Деникина, Селивачев, который когда-то был арестован за противодействие большевистским комиссарам, таковым и остался до самого конца и в операции против Добровольческой армии, на Купянск, ведя ее совершенно правильно в таком направлении, которое заставило весьма беспокоиться самого Деникина, вдруг, без всякого смысла, свернул на Харьков, об который разбились советские части, до того резавшие нашу армию пополам. По предположению Деникина, “холера”, от которой умер Селивачев — могла быть и просто отравлением его большевиками за проигранную намеренно операцию...

⁶⁰⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 548.

⁶⁰⁸ Кручинин А. С. «Нужно писать правду...» (военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 69–74.

Если это так, то я очень виноват перед доблестно погибшим Селивачевым, которого я квалифицировал в моей статье в “России” “начнет как Бог, а кончит как свинья”, базируясь именно на правильности выбранного им направления для удара на Купянск...

Но как же установить, как это было на самом деле...»⁶⁰⁹

В другом месте фон Лампе отметил: «Был момент, когда стоявший на стороне большевиков бывший генерал Селивачев, прорвав наш фронт у Купянска, был обязан развивать прорыв на юг, чем привел бы нас к катастрофе — он этого не провел в жизнь... правда, о последнем случае говорят, что Селивачев сделал это намеренно и был за это отравлен, но это еще требует подтверждения»⁶¹⁰.

По мнению Кручинина, срыв операции был бы невозможен без эффективного взаимодействия белой агентуры и деникинской ставки, следовательно, у Деникина должна была быть точная информация на этот счет⁶¹¹. Однако документы свидетельствуют о том, что белые исчерпывающей информацией о группе Селивачева не обладали, хотя отдельные документы (план действий группы и сведения о составе), предназначенные для передачи белому командованию, были найдены у руководителя московского антибольшевистского подполья Н. Н. Щепкина, арестованного в ночь на 29 августа 1919 г.⁶¹²

Из записи фон Лампе также следует, что Деникин отнюдь не был уверен в правильности своих предположений, причем эта неуверенность передалась и самому фон Лампе. Соответственно, достоверных данных на этот счет Деникин не имел. Что же касается поворота на Харьков, то, как уже говорилось выше, на самом деле его не было, так как Харьков и был одной из основных целей наступления Селивачева, а Купянск — лишь крайним пунктом на левом фланге юго-западного крыла группы. Другое дело, что для Дени-

⁶⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

⁶¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 290.

⁶¹¹ Кручинин А. С. «Нужно писать правду...». С. 74.

⁶¹² Красная книга ВЧК: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 277. Здесь стоит упомянуть, что Щепкина лично знал и встречался с ним в Москве зимой 1918–19 г. будущий зять Селивачева Д. Д. Зув (Тиченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 362).

кина именно Купянск как вершина селивачевского клина выглядел в качестве основной цели наступления. Наступать к югу от Купянска, оставив на фланге такие крупные центры, как Белгород и Харьков с располагавшимися в их районе главными силами Добровольческой армии, для Селивачева было бы самоубийственно. По всем этим причинам его движение на Харьков выглядит вполне обоснованным. В то же время совершенно достоверно, без допусков и предположений, установить истину в этом вопросе вряд ли удастся.

Существуют и другие аргументы против того, что Селивачев действовал умышленно во вред красным. Мощным контрдоводом является то, что уже изначально обе группы советского Южного фронта действовали по расходящимся направлениям. План Каменева не предусматривал нанесения главного удара группой Селивачева, тогда как белые фактически наносили свой главный удар как раз на фронте его группы, что объективно ставило Селивачева в тяжелые условия. Свободе действий Селивачева мешал и рейд Мамантова по красным тылам.

Еще одним аргументом против того, что бывший генерал вел подрывную работу, на наш взгляд, является отказ Селивачева 14 августа от предложенного ему подчинения группы войск, наступавшей на узловую станцию Готня (западнее Белгорода)⁶¹³. Думается, настоящий белый агент и саботажник не отказывался бы от подчинения себе этой группы, а постарался бы взять под свой контроль максимум войск, чтобы затем нанести и максимальный вред. Наконец, едва ли способствовало желанию рисковать наличие у Селивачева большой семьи, которая в случае его ареста и расстрела могла остаться без средств к существованию. Селивачев не был безответственным, заботился о близких и вряд ли стал бы рисковать их будущим.

Конечно, Селивачев как опытный человек мог попытаться замаскировать свою возможную подрывную работу, однако сделать это тоже было непросто. Нельзя забывать о том, что контроль над его действиями был достаточно серьезным и многоуровневым. Копии всех приказов

⁶¹³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

Селивачева отсылались в штаб фронта. Последний, как видно из оперативной переписки, внимательно следил за подчиненными ему формированиями вплоть до дивизионного уровня. Непосредственный начальник Селивачева командующий советским Южным фронтом В. Н. Егорьев имел большой опыт штабной работы и мог разоблачить вредительство Селивачева. Однокашником по академии и, видимо, единомышленником Егорьева был другой опытный генштабист — начальник штаба фронта Н. В. Пневский. Приказы Селивачева также отправлялись в Полевой штаб РВСР, где их изучали главком Каменев и начальник Полевого штаба Лебедев. Наконец, соответствие приказов Селивачева обстановке контролировали штабы и РВС подчиненных ему армий, которые также отправляли копии своих телеграмм в штаб фронта и в Полевой штаб РВСР. Ежедневно, пока существовала связь, Селивачев беседовал по прямому проводу с командующим Южным фронтом, а иногда и непосредственно с главкомом.

Фактически, если у Селивачева и была возможность отдать какие-то вредительские приказы, то произойти это могло с наибольшей вероятностью лишь во время перерыва связи его группы с центром в сентябре 1919 г., когда операция уже и так была провалена. И в этом смысле переход Селивачева из штаба группы в штаб одной из вверенных ему армий может восприниматься либо как попытка лично спасти положение на месте, поскольку нет надежды на подчиненных, либо же как стремление оказаться ближе к линии фронта, уйти из-под контроля вышестоящего начальства, отдать соответствующие вредительские приказы и перейти к противнику, что, конечно, представляется менее вероятным.

Этот эпизод в художественной форме был изложен генералом Деникиным в его рассказе «Исповедь» из сборника «Офицеры», вышедшего в 1928 г. в Париже. Герой этого рассказа — бывший генерал и советский командарм — был отправлен по косвенному приказу Троцкого из-за того, что подвел вверенную ему армию под поражение с целью помочь белым.

Деникин писал: «Еще недавно, не более недели тому назад, операция прорыва белого фронта началась так блестя-

ще, и острый, точно режущий клин, прочерченный на большой стратегической карте, висевшей в оперативном отделении, впивался все глубже и глубже к югу, в расположение белых. Только полсотни верст отделяло победоносные красные полки от важного южного центра, когда командарм неожиданно для своего штаба свернул армию на запад... прошло еще дня два-три, и в ходе операции наступил неожиданный перелом: армия, производя перемену направления, сама открыла белым свои сообщения и тыл, по которому ударили “белые” бронепоезда и кубанская конница. Роли переменялись, будто по сигналу: N-ая красная армия повернула на север и в паническом бегстве искала спасения. Несколько дней штаб не имел даже сведений о своих войсках... Командарм сидел в салоне своего вагона, задумчиво глядя на разложенную карту. Толстая цветная линия общего советского фронта — на участке его армии — обращалась в пунктир неопределенного очертания: нельзя было установить точно расположение дивизии; а синие стрелки, изображавшие направления колонн белых, — прямые, острые — словно разрывали паутину фронта, выпрямляли опустившийся было к югу клин и вонзались глубоко в расположение красных. Одна стрелка, прочерченная сбоку, с востока, наперерез железнодорожной линии, все время опережала движение штабного эшелона. Вот-вот захватят...

Операция окончательно и безнадежно погублена.

Командарм сложил карту, откинулся на спинку кресла, задумался. На этот раз, пожалуй, не удастся выйти благополучно...⁶¹⁴».

Рассказ Деникина завершался тем, что на исповеди умиравший командарм сказал священнику, что служил красным только для вреда. Однако история с отравлением — лишь предположение Деникина, обусловленное его неприятием большевиков и стереотипами в отношении красного террора. Подлинных обстоятельств произошедшего знать он, скорее всего, не мог. Об этом свидетельствует и дневник фон Лампе, в котором отмечено, что версия со срывом операции и отравлением — только предположение Деникина. По всей видимости, Деникин верил в то, что Селивачева действительно

⁶¹⁴ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 415, 417, 418–419.

отравили, подозревая в сочувствии белым и в измене⁶¹⁵. Иностранные авторы также высказывают предположения, что внезапная смерть Селивачева каким-то образом могла быть связана с неудачей его группы⁶¹⁶. Из рассказа «Исповедь» следует и то, что у командарма в штабе был сообщник⁶¹⁷, что может перекликаться с подлинными историческими событиями, связанными с гибелью Селивачева.

В ходе поисков в фондах РГВА автору этих строк повезло обнаружить документы, проливающие свет на судьбу Селивачева. Они отыскивались в двух малоприметных полевых книжках штаба 8-й армии, многие из которых заполнялись ближайшим сотрудником Селивачева генштабистом Нечволодовым. До сих пор эти документы не привлекали внимания исследователей.

Из этих документов следует, что на 12 сентября штаб 8-й армии находился в селе Костомаровка, где располагалась переправа через Дон. К 14–15 сентября штаб армии планировал добраться до Острогожска⁶¹⁸, однако этого не случилось. Именно в Костомаровке и скончался В. И. Селивачев. При этом штаб Селивачева находился в непосредственной близости от линии фронта. Уже 13 сентября в 10 верстах к северо-востоку от переправ появились разъезды белых⁶¹⁹. На Костомаровку вела наступление 3-я Донская дивизия⁶²⁰.

В тот же день начальнику охраны обоза штаба 8-й армии Черноусову была отправлена телеграмма с приказанием начальника штаба армии Нечволодова о высылке к Селивачеву врачей штабного околотка и фельдшеров: «Положение командарма очень плохое» — сообщалось в телеграмме⁶²¹. Нечволодов в эти дни отдавал распоряжения об обороне Костомаровки и переправ и ни в чем подозрительном заподозрен быть не мог. Правда, по мнению Троцкого, высказанному 1 августа 1919 г., он был малопригоден на своей

⁶¹⁵ Рутыч Н. Биографический справочник // Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 251.

⁶¹⁶ Mawdsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 243.

⁶¹⁷ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 421.

⁶¹⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 466. Л. 228.

⁶¹⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 12.

⁶²⁰ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 122.

⁶²¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 13.

должности⁶²². Однако это не свидетельствует ни о его возможной работе на противника, ни о его причастности к смерти Селивачева.

Среди обнаруженных документов имеется описание состояния здоровья Селивачева 15 сентября, которое уместно здесь опустить по этическим соображениям. Отметим, что налицо были признаки желудочного заболевания, хотя врач констатировал некоторое улучшение, отмечал, что у больного прошли судороги и он находится в сознании, но очень слаб⁶²³. Для организации посменного дежурства у Селивачева требовалась присылка еще одного врача, однако в 33-й дивизии, в которую было адресовано это приказание, оно по неизвестным причинам исполнено не было. Составитель следующего послания, помощник начальника санитарной части 8-й армии, не скрывал своего возмущения: «Удивляюсь неисполнению приказа моего о немедленной высылке врача к командарму. Предлагаю без задержки исполнять эти предписания. Пришлите также шприц Record'a»⁶²⁴.

К 16 сентября штаб 8-й армии не имел связи со штабом Южного фронта уже вторую неделю⁶²⁵. Сообщения отправлялись через штаб 9-й армии. 8-я армия действовала в отрыве от главных сил и почти полностью лишилась боеприпасов.

16 сентября состоящий при помощнике командующего Южным фронтом генштабист Нечволодов отправил командующему Южным фронтом через штаб 33-й дивизии весьма срочную телеграмму: «Помощник командующего Южным фронтом командующий группой 8 и 13 армий (в документе — армиями. — А.Г.) Владимир Иванович Селивачев при переезде со штабом 8 из Боброва в Острогжск заболел в д. Костомаровке 13^{го} сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере. Состояние здоровья внушает опасения. Командование 8^{ой} армией вновь передано тов. Ратайскому»⁶²⁶.

На следующий день телеграмма Нечволодова уже сообщила печальное известие:

⁶²² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267.

⁶²³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 30–30об.

⁶²⁴ Там же. Л. 30об.

⁶²⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 357. Л. 184.

⁶²⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 31–31об.

«Оперативная вне всякой очереди

1) Командюжу

2) Главкому

1919 г. 17 сент[ября] 23 час.

№ 27

Место отправления Костомаровка

Карта 10 [верст] в дюйме

Помкомандюж⁶²⁷ Владимир Иванович Селивачев, заболел в селе Костомаровке на Дону 13 сентября острожелудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере, скончался 17 сентября в 23 часа.

Предан земле будет в селе Костомаровка.

Состоящий при помкомандюже Генштаба Нечволодов»⁶²⁸.

Таким образом, смерть генерала, скорее всего, носила естественный характер, но вопреки официальной версии не была вызвана тифом. При этом выявленные документы не противоречат и версии отравления, приведшего к летальному исходу.

Телеграмма Нечволодова также оставляет некоторые вопросы без ответа. Означает ли наличие этой телеграммы, что не существовавшая две недели связь со штабом фронта после смерти Селивачева в одночасье наладилась? Это еще одна загадка, связанная со смертью бывшего генерала.

Переписка со знатоками прошлого и настоящего Костомаровки дает основание считать, что могила Селивачева там не сохранилась. В противном случае место и обстоятельства его смерти не оставались бы до сих пор исторической загадкой. Скорее всего, могила генерала затерялась еще тогда. Не исключено, что ее уничтожили белые, занявшие Костомаровку с отходом красных, тем более что в районе Костомаровки шли ожесточенные бои⁶²⁹, а донесение Нечволодова на протяжении девяти лет хранилось в архиве невосстановленным.

В следующей телеграмме № 28, адресованной РВС 8-й армии, дополнительно сообщалось, что болезнь Селивачева

⁶²⁷ Помкомандюж — помощник командующего Южным фронтом

⁶²⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

⁶²⁹ См., напр.: Богучарцы: К истории 40-й Богучарской дивизии / В обработке М. Борисова; под общ. ред. В. Н. Алексева. Воронеж, 1933. С. 132.

протекала «при наличии порока сердца»⁶³⁰. Телеграммой № 29, адресованной начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, Нечволодов продублировал информацию о смерти Селивачева и добавил: «просьба сына: подготовить семью к этому несчастью»⁶³¹. Таким образом, сын Селивачева находился вместе с отцом на фронте⁶³². Тот факт, что Селивачева похоронят в Костомаровке, Нечволодов объяснял военными обстоятельствами. Телеграммы передавались через штаб 33-й дивизии. Отдельная телеграмма была отправлена начальнику санитарной части 8-й армии.

На другой день часть сотрудников штаба армии выезжала из Костомаровки в Острогжск. При отъезде штаба армии выяснилось, что Нечволодов с женой бесследно исчезли. По всей видимости, это произошло в ночь с 18 на 19 сентября.

10 часами утра 19 сентября датирована телеграмма председателю исполкома села Костомаровка, подписанная помощником начальника санитарной части 8-й армии товарищем Биберганом: «Сообщаем, что начал[ьник] штаба VIII арм[ии] тов. Нечволодов Ал[ександр] Сем[енович] и жена его Екатер[ина] Карловна сегодня утром в 9th час. в квартире у себя не обнаружены. Вещи в раскрытом виде, как портплед и др. находились в комнате. Из разговоров выяснилось, что они будто бы на квартире не ночевали.

Предлагаем принять меры к выяснению их местопребывания и сообщить немедленно в штаб 8 арм[ии].

Вещи, какие обнаружены в квартире, взяты нами в штаб 8 арм[ии]»⁶³³.

В Особый отдел 33-й дивизии было отправлено донесение похожего содержания и две фотокарточки Нечволодова.

Нечволодов с женой бросили все и бежали. Все говорило о поспешности их исчезновения. Нечволодов оставил верховую лошадь (что странно при побеге, но может объясняться, например, попыткой скрытно переправиться через

⁶³⁰ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 5.

⁶³¹ Там же. Л. 4.

⁶³² По свидетельству Д. Д. Зуева, при Селивачеве тогда находился сын Михаил. Интересно, что в годы Первой мировой войны в дивизии Селивачева служил другой его сын, Борис.

⁶³³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 12–12об.

Дон на лодке), 3 тюка вещей, коробку и небольшой чемодан⁶³⁴. Верховую лошадь Нечволодова забрал себе начальник штаба армии Тарасов, вскоре бежавший к белым.

Был ли Нечволодов причастен к смерти Селивачева? По какой причине он решил бежать? Не был ли он связан с антибольшевистским подпольем? Все эти вопросы до сих пор остаются без ответа.

Исчезновение четы Нечволодовых лишь добавляет загадочности в поистине детективные события вокруг смерти Селивачева и, разумеется, не может не быть связано с гибелью героя нашего очерка. Вероятнее всего, Нечволодов опасался ответственности за неудачный исход операции на фронте группы Селивачева. Однако нельзя исключать и любых других версий, в том числе и версии о том, что именно он руководил предполагаемой антибольшевистской организацией в штабе 8-й армии.

При этом в документах учета кадров Генштаба и в оперативной переписке Нечволодов значится исчезнувшим лишь 2 октября, к тому же именно в этот день вр.и.д. начальника штаба армии вместо Нечволодова был назначен бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г. С. Горчаков, ранее служивший в должности начальника оперативного отдела⁶³⁵. Почему возникла эта нестыковка в датах — опять-таки непонятно.

В журнале военных действий штаба Донской армии за 10 (23) сентября 1919 г. указано, что «перешедший к нам наштарм 8 советской Генштаба полковник Нечволодов доложил, что противник в достаточной мере ознакомлен с нашими действиями из радио 3 конного корпуса ген. Шкура... Опросом бежавшего наштарма Нечволодова выясняется, что части 8 армии, вероятнее всего, должны отходить на север. В тылу 8 армии были: бр[ига]да коммунаров около 4000 штук[ов], бр[ига]да Воронежского укр[епленного] района около 3500 штучков и кадр запасной бригады 1200 штучк[ов], которые и могут быть использованы для заполнения прорыва. Около 11 сентября н[ового]/ст[илия] 40 див[и]з[ия] была подчинена командарму 9. Селивачев умер. Боевой состав

⁶³⁴ Там же. Л. 22, 23.

⁶³⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5.

дивизий на 12 сентября н[ового]/стиля после отступления очень уменьшился и насчитывал в 12 и 13-й не более 2 тыс. штыков, в 15 — около 3000 штыков, а прочие (16, 33 и 31) не более 3500 штык[ов] каждый.

Пополнение предполагалось производить за счет мобилизаций местного населения, собранного в уездных городах. Орудий в среднем 12–16 на дивизию, при каждой див[и]з[ии] по полку конницы силой 200–400 конных. При 16 див[и]з[ии] были пулеметные броневики, но мало горючего. Имеется 3 бронепоезда и 3 авиаотряда (2, 4 и 23), а при 33 див[и]з[ии] — аэростат.

Сравнительная стойкость частей 8 армии объясняется боеспособностью 12, тридцать первой и 33 див[и]з[ий] и убеждением красноармейцев в неминуемом расстреле при взятии в плен. О подкреплениях Нечволодову известно лишь обещание командюж перебросить 21 дивизию из района Пензы в 8-ю армию, но этому помешал рейд ген. Мамантова.

Последние подкрепления Юж[ный] фронт получал за счет Восточного, с которого через каждые 2 недели выделялось по одной дивизии. Запасы оружия истощены. Шта[б] Юж[ного] фронт[а] из Орла перешел в Рязань.

Выводы

1) Правый фланг группы Шорина, продолжая выполнение прежней задачи, стремится выйти на линию р. Дон.

2) Части 8 армии, отступившие на северо-восток, видимо, имеют задачу удержаться на левом берегу Дона и, возможно, протянут свой левый фланг к Воронежу»⁶³⁶.

К 5 октября Нечволодов объявился у белых в Таганроге, где находился под следствием за службу в Красной армии. В документах он указывал, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но что имелось в виду, неясно. Возможно, речь шла как раз о подпольной организации⁶³⁷.

Как свидетельствовал в своих показаниях 1931 г. зять Селивачева Д. Д. Зуев, «командуя Валуйковской группой, находящейся в чрезвычайно трудных условиях, он (Селивачев.— А.Г.) ее вывел и умер внезапно на фронте же

⁶³⁶ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1. Л. 137об.—138об.

⁶³⁷ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.

от молниеносной холеры 17 августа (так в документе.— А.Г.) 1919 года. Несмотря на то, что при нем был средний сын Михаил (ныне военный летчик), мне эта внезапная смерть сильно представляется неестественной, тем более, что положение на фронте было чрезвычайно тяжелое, а через сутки после его смерти нач[альник] штаба группы перебежал к белым»⁶³⁸.

Исключительно важную оценку деятельности Селивачева дал бывший командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев уже после Гражданской войны, когда решался вопрос о пенсионном обеспечении семьи Селивачева. 3 марта 1922 г. «лицо для особо важных поручений при РВСР» Егорьев писал начальнику административно-хозяйственного отдела Штаба РККА: «Покойный Владимир Иванович Селивачев был назначен моим помощником по должности командюжа, на каковую вступил в конце июля 1919 г. Ввиду полученных мною в это время директив по переходу Южного фронта в энергичное наступление против Деникина я возложил на Селивачева разработку всех подробных соображений по административной части по организации этого наступления и отчасти привлекал его к детализированию оперативных указаний.

Все порученные работы Селивачев выполнил в кратчайший срок и с полным для меня удовлетворением. При самом переходе в наступление я назначил Селивачева Командующим ударной группой в составе 13 и 8-й армий. Наступление было развито им во всем согласно с моими указаниями и с присущим ему талантом, причем в необходимых случаях Селивачев находился при передовых частях.

После прорыва Мамонтова, когда вся база этой группы была отрезана Мамонтовым, Селивачев создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова. Находясь все время при войсках, Селивачев внезапно скончался по одним сведениям от холеры, по другим — от отравления агентами Деникина.

Считаю Селивачева выдающимся красным военачальником, погибшим на передовом фронте при исполнении служебных обязанностей и имеющим право на особо исключительное отношение высшей военной власти к его осиротевшей семье.

⁶³⁸ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

Бывший Командюж, ныне лицо
для особо важных поручений
при РВСР В. Егорьев»⁶³⁹.

Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, он объясняет причины перехода Селивачева к непосредственному руководству 8-й армией необходимостью создания новой базы против Мамантова. Во-вторых, Егорьев допускал вероятность отравления Селивачева, но не агентами красных, как считал Деникин, а агентами белых. Соответственно, слухи об этом распространялись в советской военной элите и, вполне возможно, имели какое-то обоснование в виде реально существовавшей группы антибольшевистски настроенных штабных работников. Во всяком случае, версия с отравлением может иметь какое-то логическое обоснование только в этом случае, так как белым агентам в штабе до их перехода к Деникину нужно было оставаться неразоблаченными. Во всех остальных случаях более надежным, простым и подходящим боевой обстановке способом устранения Селивачева был расстрел. Вдова Селивачева считала, что ее муж умер от холеры⁶⁴⁰.

На основе этой характеристики Егорьева заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский в марте 1922 г. подготовил обращение в Наркомат социального обеспечения, в некоторых местах дословно повторив слова Егорьева (тем не менее приведем и этот документ, поскольку каждое дополнительное свидетельство в этой загадочной истории на вес золота): «Начальник Штаба РККА возбудил ходатайство о назначении усиленной пенсии семье умершего помощника командующего Южным фронтом Генштаба В. И. Селивачева.

Из имеющихся в деле сведений видно, что покойный Селивачев, имея высокий образовательный и служебный боевой стаж в старой армии (командовал армией), вступил на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию, в которой в июле 1919 года занял высшую должность помощника командующего Южным фронтом. При переходе Южного фронта в энергичное наступление против Деникина Селивачев был назначен командующим ударной группой в составе

⁶³⁹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 44–44об.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 38.

8-й и 13-й армий, причем развил это наступление с талантом, находясь в необходимых случаях при передовых частях. После прорыва Мамонтова, Селивачев создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова.

Находясь все время при войсках, Селивачев внезапно скончался при исполнении служебного долга 17-го ноября (так в документе.— А.Г.) 1919 года, оставив вдову Марию Федотовну⁶⁴¹ Селивачеву, 50 лет, и 4-х детей, из которых старший сын 20 л[ет] находится на фронте, остальные же трое детей — на попечении вдовы; второй сын, 19 лет, и дочь, 21 года, не служат вследствие болезненного состояния, причем последняя в настоящее время лежит в больнице, младшая дочь 13 лет.

Принимая во внимание особую самоотверженную преданность покойного Селивачева служебному долгу и важные заслуги, оказанные им республике, руководствуясь п. в) ст. 3 декрета Совнаркома от 5-го декабря 1921 года, я нахожу, что вдове Селивачевой должна быть назначена усиленная пенсия, о чем, с приложением переписки на 19-ти листах, и ходатайствую перед наркомсобесом»⁶⁴².

Совокупность выявленных нами документальных свидетельств указывает на то, что смерть Селивачева, по всей видимости, произошла по естественным причинам от холеры или дизентерии вследствие отсутствия на фронте надлежащего медицинского обслуживания и невозможности эвакуировать командующего в тыл из-за перерыва связи и тяжелого положения его группы.

В то же время нельзя полностью отрицать возможности намеренного его отравления (симптомы заболевания Селивачева этого не исключают). Однако непонятно, кто мог быть заинтересован именно в отравлении командующего группой. Как уже отмечалось, единственным имеющим логическое объяснение мотивом для отравления могло быть стремление убийцы остаться неразоблаченным. В этом могли быть заинтересованы только потенциальные белые агенты в штабе, существование которых остается недоказанным. И все же

⁶⁴¹ В документе ошибочно — Федоровну.

⁶⁴² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 37–37об.

трудно представить, чтобы Селивачев мог быть отравлен такими же, как он, бывшими офицерами — военспецами, перебежавшими затем к противнику. Даже если допустить, что они стремились в силу радикальных антибольшевистских взглядов ликвидировать Селивачева, для этого вряд ли подходил столь изощренный, ненадежный и нехарактерный для офицерской психологии способ уничтожения противника. Тем более что на протяжении нескольких дней смертельный исход болезни Селивачева не был очевиден.

Версия о намеренном отравлении бывшего генерала политработниками группы не выдерживает критики, поскольку они не могли быть заинтересованы в гибели столь важного свидетеля, на которого всегда можно было возложить вину за неудачи. Если бы стало известно, что Селивачев работает на противника, можно было его арестовать или расстрелять. К ответственности за обнаружение и ликвидацию изменника в тяжелой боевой обстановке комиссаров бы никто не привлек. Не мог быть заинтересован в гибели Селивачева и Л. Д. Троцкий.

Намеренное отравление командующего могло быть выгодно тому, кто, например, стремился на какое-то время (до восстановления связи с центром) взять командование в свои руки. В период болезни Селивачева и после его гибели рычаги управления группой находились в руках Ратайского и Нечволодова. Последний предпринимал активные действия по спасению Селивачева, а после бегства к белым не упоминал о своей причастности к гибели командующего, хотя посредством этого мог бы попробовать выслужиться в противоположном лагере. Таким образом, вряд ли на него может быть возложена ответственность за случившееся. Ратайский также едва ли что-то приобретал от гибели Селивачева, поскольку и так находился на руководящем посту до болезни командующего. Таким образом, лиц, заинтересованных в устранении командующего столь необычным способом, как отравление, не выявлено. К тому же для отравления необходимо было достать или изготовить яд, что требовало времени и усилий. Совокупность вышеприведенных рассуждений свидетельствует о том, что смерть Селивачева, с большей вероятностью, наступила в силу естественных причин.

Глава 8. Разгром 8-й армии

Для характеристики обстановки на фронте отметим, что в день исчезновения Нечволодова завершился рейд Мамантова по красным тылам, Мамантов соединился с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж, у села Осадчино юго-западнее Воронежа. В этот же день оперативный штаб 8-й армии прибыл на станцию Лиски⁶⁴³. Уже 19 сентября красные были вынуждены отойти в северную часть Костомаровки, на бугры, причем в донесениях белых отмечалось, что «противник отличается особенной стойкостью, понеся большие потери, атакующие части сходились на 40 шагов»⁶⁴⁴. На следующий день после упорного боя Костомаровка была полностью занята частями 3-й Донской дивизии, также был захвачен паром через Дон⁶⁴⁵. Все это произошло лишь через три дня после того, как здесь скончался Селивачев.

Как уже отмечалось, Нечволодов был не единственным высокопоставленным работником штаба 8-й армии, исчезнувшим в тот период. Потери командно-начальствующего состава и особенно штабных работников 8-й армии в сентябре–октябре 1919 г. составляют внушительный список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части⁶⁴⁶. В тот же день умер временно командовавший армией до своей болезни Селивачев. На следующий день исчез начальник штаба армии Нечволодов. 2 октября сбежали начальник разведывательного отделения Генштаба

⁶⁴³ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

⁶⁴⁴ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 157об.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 158–158об.

⁶⁴⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

В. А. Желтышев и сменивший Нечволодова вр.и.д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасов — очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В. В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник оперативного отдела Б. П. Лапшин⁶⁴⁷, остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А. Н. Коновалов⁶⁴⁸.

Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии Генерального штаба, что составляет около трети от их общего числа в армии даже с учетом слушателей академии Генштаба РККА. При расчете только по выпускникам и слушателям старой академии Генштаба за вычетом «красных генштабистов» погибшие и перебежавшие составляют не менее половины их общего количества. Столь высокие показатели и синхронность исчезновений могут быть неслучайными. Подобные события вполне возможны, например, при наличии в штабе армии антибольшевистской подпольной организации. С другой стороны, военспецы могли бежать, испугавшись ответственности за неудачи.

В итоге большой объем работы был взвален на плечи нового вр.и.д. начальника штаба армии Г. С. Горчакова, который не был к этой роли должным образом подготовлен, поскольку в 1917 г. из-за болезни не окончил даже ускоренные курсы академии Генштаба. Однако на фоне повальных измен штабных работников армейскому начальству особенно выбирать не приходилось, а Горчаков все же имел большой опыт работы именно в штабе 8-й армии. После того как обстановка на фронте несколько нормализовалась, он 17 октября обратился к начальнику штаба Южного фронта со следующей телеграммой: «10 месяцев непрерывно не зная ни дня отдыха с утра до глубокой ночи бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[ачальника] оперативного отделения,

⁶⁴⁷ Там же. Л. 5об.

⁶⁴⁸ Там же. Л. 7.

начальник[а] оперативного отдела и наштарма 8. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [В] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части, и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья (так в документе. — А.Г.) и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями. Вр.и.д. наштарм 8 Горчаков»⁶⁴⁹. Эта телеграмма в полной мере характеризует обстановку в штабе армии в предшествующий период.

В самом конце 1918 г. командование 8-й армии и в целом руководители советского военного строительства в Воронеже даже Л. Д. Троцкому казались вполне надежными в партийном отношении⁶⁵⁰. Троцкий продолжал так считать и в начале августа 1919 г., заявляя, что 8-я армия «является бесспорно сильнейшей и надежнейшей во всех отношениях»⁶⁵¹. По мнению Троцкого, эта армия ничуть не уступала мощнейшей 5-й армии Восточного фронта.

Но уже к лету 1919 г. картина изменилась. Сохранилось описание обстановки в штабе 8-й армии в июле 1919 г., составленное 3 июля присланными в него слушателями красной академии Генштаба. Как и во многих других случаях, молодежь возмущалась старыми генштабистами. По их мнению, «не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при раз-

⁶⁴⁹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311об.

⁶⁵⁰ *Михутина И. В.* Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды: Сб. ст. М., 2009. С. 276.

⁶⁵¹ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 207. Непонятно, однако, как это утверждение сочеталось со скептическим отношением Троцкого к командованию 8-й армии в августе 1919 г. Троцкий считал командарма А. И. Ратайского слабым человеком, а начальника штаба А. С. Нечволодова — малопригодным по своей должности (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267).

работке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны начальника оперативного отдела тов. Голубева и его помощника тов. Лапшина (старых Генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого времени, да наконец громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас красная академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей армии. Подписали: Слушатели красной академии Генерального штаба Морозов, Ягунов, Миронцев, Петрусевиц»⁶⁵².

Один из слушателей, Н. В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в штабе армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой штаба армии (8-й. — А.Г.), который порой, казалось, был штабом не Рабоче-крестьянской Красной армии, а царской старорежимной... в штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и, кроме того, не только начальники штабов бригад, а подчас начальники штабов дивизий не только не Генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др. люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хватает помещения, а еще штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»⁶⁵³. Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов. Работу же комиссаров штаба

⁶⁵² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 36.

⁶⁵³ Там же. Л. 50, 52.

Миронцев считал неэффективной, так как «вопрос, возможен ли вообще контроль в оперативном и другом отношении, весьма спорен, и я даже из своего опыта как комиссара армии скажу невозможен»⁶⁵⁴.

Что собой представляли присланные в 8-ю армию будирующие слушатели академии Генерального штаба РККА, видно из написанного в иронической манере аттестационного отзыва начальника 12-й стрелковой дивизии о слушателе П. А. Ягунове от 10 ноября 1919 г.: «Тов. Ягунов прибыл в дивизию в 1 числа августа с.г., работал при штадиве и его отделах. Проявлял особую любознательность к изучению приказов по армии и флоту, касающихся окладов и льгот комсостава. Имеет огромное тяготение к тыловой службе и распространению разных небылиц. Будучи послан в штадив соседней дивизии, задачу выполнял добросовестно, посылая все застарелые сведения аккуратно. Полученные им знания в академии Генерального штаба особенно не проявил, так что степень его подготовленности как работника штаба установить не удалось»⁶⁵⁵.

Бывший начальник оперативного отдела штаба 8-й армии (с декабря 1918 г.), а позднее и начальник штаба армии (по август 1919 г.) генштабист Б. Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «Условия работы в штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки»⁶⁵⁶.

Похожий путь (вплоть до тех же должностей и аналогичного переутомления) проделал в штабе 8-й армии генштабист С. Н. Голубев, писавший Л. Д. Троцкому: «В конце

⁶⁵⁴ Там же. Л. 51.

⁶⁵⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 46.

⁶⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229–229об.

1918 года я был переведен в 8 армию Южного фронта, где и был назначен начальником штаба 13 дивизии, где и был у Вас с докладом на ст[анции] Тулиново. Затем я был начальником оперативного отдела штаба 8 армии, начальником штаба этой же армии; в этих должностях мне неоднократно приходилось делать Вам доклады, когда Вы летом в 1919 году приезжали к нам в армию. В дальнейшем, благодаря сильнейшему переутомлению, я был уволен в отпуск по болезни»⁶⁵⁷.

Изменам и разного рода неприятным для советского руководства неожиданностям способствовала сложная фронтовая обстановка. Фактически к середине сентября все территории, занятые в ходе наступления группы Селивачева, были красными оставлены. Наступление белых армий Юга России на советский центр успешно развивалось. Фронт между Курском и Воронежем белыми был прорван. 20 сентября 1919 г. части Добровольческой армии взяли Курск, развивая успех в направлении Орла. 30 сентября генерал Шкуро занял Воронеж. Успешными были действия деникинцев и на других участках фронта.

К 15 сентября в группе Селивачева оставалось 30918 штыков, 3432 сабли при 220 орудиях и 681 пулемете⁶⁵⁸. Войска 8-й армии в это время находились в глубоком отступлении. Армия понесла большие потери, была деморализована, осталась без боеприпасов, а 16-я и 31-я дивизии были полностью разбиты белыми⁶⁵⁹. 28 сентября без боя был сдан противнику Землянк. Белые охватывали фланги армии. К 22 сентября 12-я и 13-я дивизии насчитывали только по 500 штыков и были небоеспособны, другие дивизии также понесли серьезные потери⁶⁶⁰. 31-я дивизия частично разбежалась, частично была обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала⁶⁶¹. Армия отошла к линии реки Дон. Как уже отмечалось, к началу октября армия лишилась части комсостава

⁶⁵⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130.

⁶⁵⁸ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. Т. 4: Материалы и указатели. М., 1978. С. 73–74.

⁶⁵⁹ Там же. Т. 2. М., 1972. С. 333.

⁶⁶⁰ Там же. С. 336.

⁶⁶¹ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция: В 2 т. Т. 2: 1919–1920 гг. М., 1990. С. 279–280.

и штабных работников. Общая численность армии к 4 октября составляла лишь 7600 штыков и сабель⁶⁶². Лишь в начале октября появилась возможность заняться приведением армейского тыла в порядок⁶⁶³. Рейд Мамантова также нанес серьезный удар по положению армии. При этом командование требовало от почти разгромленной армии активных наступательных действий.

По свидетельству члена РВС 8-й армии Г. И. Окуловой-Теодорович, «Мамантов прошел по тылам VIII армии и разграбил все базисные склады продовольствия и обмундирования. Армия осталась без снабжения. Наступили холода.

Фронт перемещался. Линия фронта была нарушена. Отправляясь в свои части, мы легко могли попасть в расположение врага, так как конница Мамантова отличалась большой подвижностью»⁶⁶⁴.

Однако после своего знаменитого рейда Мамантов не принимал новые рейдирующие действия по красным тылам. Его казакам удалось захватить даже члена РВС 8-й армии В. А. Барышников и некоторых других ответственных работников. Мамантов планировал отправить их в тыл как заложников, но предложил большевикам сделку: «Если советской власти угодно получить свои звезды обратно, то я могу возратить их за соответствующий выкуп (конечно, не денежный)»⁶⁶⁵. Предполагалось, что состоится обмен на пленных казачьих офицеров, однако организовать такой обмен не удалось, и Барышников белыми был повешен⁶⁶⁶.

Мамантов считал положение 8-й армии совершенно безнадежным. По его мнению, армия была окружена за исключением 1-й и 3-й бригад 40-й дивизии. Мамантов был настолько уверен в своем успехе, что даже предложил красному командованию 20 сентября (3 октября) очистить в трехдневный срок район Воронеж — Коротояк — Бобров — станция

⁶⁶² *Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 292.

⁶⁶³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 242.

⁶⁶⁴ *Окулова-Теодорович Г. И.* Большевистские комиссары // Этих дней не смолкнет слава: Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958. С. 45.

⁶⁶⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 37.

⁶⁶⁶ Подробнее о Барышникове см.: Герои гражданской войны: Книга о москвичах — участниках боевых сражений: Сб. М., 1974. С. 217–222.

Анна, оставив ему всю артиллерию, вооружение и запасы. За это он гарантировал неприкосновенность даже комиссарам и коммунистам, не говоря уже о красноармейцах, и обещал пропустить войска в направлении станции Грязи⁶⁶⁷.

По мнению Окуловой-Теодорович, командарм Ратайский был неподходящей кандидатурой для этой должности. «Он был уже старик, вероятно, очень утомленный. Во время докладов, которые делали ему работники оперативной части, он часто засыпал»⁶⁶⁸.

Столь же безотрадную для красных картину рисует описание подвига начальника 42-й стрелковой дивизии (правофлангового соседа 8-й армии) генштабиста И. Х. Пауки, за который он был награжден орденом Красного Знамени: «В сент[ябре] 1919 г. неудачные действия некоторых соседних частей поставили 42 дивизию в крайне тяжелое положение и потребовали от ее руководителя, т. Паука, высокого напряжения сил и искусного управления, дабы сохранить дивизию и вывести ее из-под фланговых ударов противника. С этой целью части дивизии постепенно отводились на новые позиции в северном направлении, причем отвод частей приходилось совершать все время в непрерывных боях с противником. 27 сент[ября] части дивизии согласно приказу начдива были сосредоточены на рубеже Новоселки — Ниж[нее] Чесночное — ст[анция] Ведуга. Однако, вскоре и эту позицию противник начал обходить с обоих флангов. 3 окт[ября] 3 дивизия оставила г. Ливны, а через несколько дней и ст[анцию] Русский Брод. После разгрома отряда т. Фабрициуса у Нижнедевицка всякое соприкосновение с правым флангом 8 армии прекратилось, и левый фланг 42 дивизии оказался на весу совершенно обнаженным. Сложившаяся обстановка потребовала дальнейшего отхода 42 дивизии на позиции в непосредственной близости от г. Ельца на линию р. Сосна от Есенки до Шаталова и далее до Павловка — Екатериновка. В это же время дивизии было приказано выделить ударную группу на своем правом фланге для оказания содействия 3 дивизии по обратному овладению г. Ливны. С середины октября и до последних чисел

⁶⁶⁷ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 45–46.

⁶⁶⁸ Окулова-Теодорович Г.И. Большевицские комиссары. С. 47.

месяца шли упорные бои за удержание г. Ельца. Противник упорно стремился захватить этот район, все время стараясь наносить фланговые удары частям 42 дивизии»⁶⁶⁹. Из катастрофического положения 8-ю армию вывели только действия конного корпуса С. М. Буденного в октябре 1919 г.⁶⁷⁰

Вполне определенную картину печальных итогов отступления 8-й армии дает свидетельство бывшего Генштаба генерал-майора М. В. Фастыковского, содержащееся в его показаниях на следствии в ноябре 1937 г.: «Вскоре было получено распоряжение о назначении меня помощником командарма 8. Это было примерно в октябре 1919 г.

Не без риска попасть в лапы белых, производивших в это время нажим в районе Борисоглебска, через который лежал мой путь, я добрался до штаба 8, находившегося в небольшом городке (или большом селе), название которого не помню, верстах в 60–80 восточнее Воронежа. Армия состояла из 5 дивизий; причем связь с 3^{мй} правофланговыми дивизиями командарму организовать никак не удавалось, а потому управление армией было до крайности затруднено. Командарм Сокольников предложил мне отправиться в Воронеж и, организовав связь с 3^{мй} правофланг[овыми] дивизиями, взять в свои руки управление ими. Получив в свое распоряжение вагон и порученца, я отправился в Воронеж. Пришлось дневать и ночевать на телеграфе, чтобы заставить его работать, как надо; пришлось самому ходить с ремонтными колоннами и выставлять охрану телеграфных проводов, которые все время находились под угрозой порчи со стороны укрывшихся в окрестностях Воронежа наших врагов. Вскоре все было налажено прочно, и командарм 8 ежедневно получал из моего вагона телеграфную оперативную сводку о 3^х правофланговых дивизиях. Были налажены мною и некоторые другие вопросы. Командарм благодарил меня за работу, разговаривал со мной по телеграф[ному] аппарату, а затем подчеркнуто благодарил во время своего приезда в Воронеж. Вскоре Воронеж связался прочной связью и с 2^{мй} левофланговыми дивиз[иями]. Штаб 8 перешел в Воронеж. Ввиду болезни н[ачальни]ка штаба Сокольников уго-

⁶⁶⁹ Приказ РВСР по личному составу армии № 126 от 13 марта 1920 г.

⁶⁷⁰ *Егоров А. И.* Разгром Деникина... С. 294.

ворил меня принять должность н[ачальни]ка штарма. После победы т. Буденного под Касторной (12^а дивизия 8^й армии была соседкой Конной армии слева) началось наступление 8^й армии»⁶⁷¹. При этом, очевидно, подследственный Фастыковский отнюдь не намеревался сгущать краски. Тем не менее хаос в управлении армией, пусть и осторожным языком, его свидетельство отчетливо передает.

Катастрофа 8-й армии стала результатом двух факторов — серьезных неудач на фронте и действий конницы белых в советском тылу. Ситуация обострялась массовыми изменами штабных работников, что само по себе дезорганизовывало управление войсками, даже если перебежчики и не были белыми агентами. Закончить характеристику этого периода истории 8-й армии можно менее критической оценкой участника событий, призванной уравновесить отрицательные отзывы. По этому свидетельству, «разрезываемая рейдами на части, поворачивая фронт чуть ли не во все стороны, отрезанная от снабжения тыла вследствие перерыва коммуникаций, извиваясь под ударами сильнейшего врага, 8-я армия сдерживала напор белых в то время, как 9-я и 13-я армии далеко откатились к северу»⁶⁷².

⁶⁷¹ *Голдин В. И.* Лихолетье: Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 179–180. Сверено с оригиналом: Архив Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М. В. Л. 19об.—20.

⁶⁷² Богучарцы: К истории 40-й Богучарской дивизии / В обработке М. Борисова; под общ. ред. В. Н. Алексева. Воронеж, 1933. С. 127.

Глава 9. Судьба семьи Селивачева после Гражданской войны

Нельзя не остановиться на положении семьи Селивачева после его гибели. Нам посчастливилось обнаружить уникальное пенсионное дело вдовы бывшего генерала, в котором содержатся ценные свидетельства о службе Селивачева и особенно о трудной жизни его близких в советских условиях.

Как помощник командующего Южным фронтом Селивачев получал месячный оклад в 4000 руб., которым был обеспечен по 1 сентября 1919 г. Уже после смерти Селивачева 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады по 6000 руб. Селивачеву как помощнику командующего фронтом и В. И. Шорину как командующему Особой группой. Кроме того, с 1 сентября 1919 г. по декрету СНК от 11 сентября оклад Селивачева должен был возрасти на 20%⁶⁷³. Троцкий был благодарным человеком и в приказе по Полевому штабу РВСР № 290 от 13 октября 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачева жалование из оклада в 6000 руб.⁶⁷⁴

6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачева усиленное пенсионное обеспечение его вдове. Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В. Н. Егорьев, А. А. Самойло и Э. М. Склянский. До 1 декабря 1924 г. вдова Селивачева Мария Федотовна получала персональную пенсию

⁶⁷³ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 49.

в 93 руб. 14 ноября 1924 г. центральной комиссией по назначению персональных пенсий и пособий была установлена пенсия вдове Селивачева в размере 50 руб. Решением от 9 декабря 1934 г. с 1 января 1935 г. размер пенсии был повышен до 100 руб., с 1 мая 1936 г. пенсия составила 125 руб., а с 1 марта 1937 г. 200 руб. (позднее увеличена с этого же числа до 214 руб.)⁶⁷⁵. Однако даже персональная пенсия республиканского значения не давала возможности свободно существовать вдове бывшего генерала.

Направляя ходатайство о выдаче пенсии в РВС СССР, Мария Федотовна писала не без преувеличений: «Т. Селивачев первый из высшего командного состава старой армии перешел в ряды Красной армии и благодаря своему высокому образовательному цензу и исключительной преданности делу русской революции оказал перед ней огромные заслуги. Т. Селивачев бывш[ий] командующий Южным фронтом»⁶⁷⁶.

По данным на октябрь 1925 г., вдова Селивачева занимала комнату в 3,7 квадратных сажени (16,8 м²) с оплатой 1 руб. 85 коп. в месяц. Мебель имелась только самая необходимая⁶⁷⁷. На иждивении Селивачевой находилась мать — А. И. Гордиевская (1846 года рождения), проживавшая в Ленинграде. Позднее Селивачева усыновила собственного внука — Ивана Дмитриевича Зуева⁶⁷⁸, родившегося

⁶⁷⁵ Там же. Л. 1об., 27.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 2. На самом деле Селивачев не был ни первым представителем высшего комсостава старой армии, перешедшим к красным, ни командующим Южным фронтом.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 29.

⁶⁷⁸ Ксения Владимировна Селивачева окончила училище ордена Св. Екатерины, владела французским, немецким и английским языками, была замужем за Дмитрием Дмитриевичем Зуевым (10.10.1890–26.06.1931). Она вышла за него замуж уже после смерти отца. Зуев был сыном генерала Д. П. Зуева, потомственным дворянином Псковской губернии. Родился в Вене. Окончил Пажеский корпус (1909), КУВНАС (1927). Владел немецким и французским языками. Полковник Лейб-гвардии Преображенского полка. Командовал 1-й («государевой») ротой полка. Заведовал музеем и архивом полка. Ранен в годы Первой мировой войны. В 1917 г. по приказу командира полка полковника А. П. Кутепова спрятал часть полкового знамени. С лета 1918 г. — заведующий отделом первого отделения 3-й секции Единого государственного архивного фонда. В 1919 г. работал в Главном управлении архивным делом помощником управляющего первым отделением 3-й секции Единого государственного архивного фонда. В РККА служил в качестве военспецца (с 09.1919). В Петроградском военном округе (до 1921). В штабе Бухарско-Ферганской группы войск (с 04.1922). Помощник начальника

в 1928 г., в документах 1941 г. было отмечено, что ее внук — круглый сирота⁶⁷⁹.

23 ноября 1934 г. М. Ф. Селивачева обратилась в комиссию СНК РСФСР по назначению персональных пенсий при Наркомсобесе РСФСР с заявлением: «Не имея особо острой нужды, я не считала себя правой возбуждать в последующие годы вопрос об увеличении пенсии и кое-как перебивалась, удовлетворяя небольшие свои потребности. В настоящее время я вынуждена обратиться к Вам с просьбой об увеличении размера пенсии, так как существовать на 50 руб. исключительно тяжело, а реальной, систематической помощи от детей, имеющих свои семьи, я не имею возможности [получать], так как вполне сознаю их положение. Я очень прошу Вас дать мне возможность закончить свое существование, не завися от благотворительности. Мне сейчас 65 лет»⁶⁸⁰.

В документах 1934 г. было упомянуто нахождение на иждивении у М. Ф. Селивачевой 10-месячной внучки⁶⁸¹, причем, в дальнейшем об этом уже не говорилось. Мария Федотовна вместе с внуком занимала одну комнату их прежней квартиры. Помимо пенсии она, по данным на 1940 г., под-

отдела войсковой подготовки штаба Ленинградского военного округа (с 05.1924). Начальник общего отдела инспектората Ленинградского военного округа (с 11.1925). Переведен в Москву. Служил в 1-м оперативном управлении Штаба РККА (с 1926). Командирован в Германию по рекомендации М. Н. Тухачевского (1927). Работал преподавателем курсов усовершенствования высшего начальствующего состава. Преподаватель заочного отделения Военной академии РККА (на 1930). Секретный сотрудник ОГПУ (с 1923), участник операции «Трест». Скрытое имя было обнаружено сотрудниками ОГПУ в начале 1930-х гг., когда Зуев 29.12.1930 был арестован органами ОГПУ по Ленинградскому военному округу по делу «Весна». Решением Коллегии ОГПУ 30.05.1931 приговорен к расстрелу по статьям 58-4, 58-11, 58-13 УК РСФСР. Расстрелян. Реабилитирован военным трибуналом Ленинградского военного округа 19.06.1957. В семье было трое детей: Владимир, Дмитрий и Иван. Ксения Селивачева тяжело болела с 1929 г. (Справка Управления КГБ СССР по Новгородской области от 04.06.1990 № 3-3 // Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва); Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 342; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 149–151; *Автократов В. Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 70).

⁶⁷⁹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 4, 8.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 27–27об.

⁶⁸¹ Там же. Л. 25.

работывала вязанием для артели, что давало еще 30–40 руб. в месяц⁶⁸².

Тяжелая нужда вынудила Марию Федотовну вновь просить об увеличении пенсии весной 1940 г. На простом тетрадном листке она набросала следующее заявление: «После смерти моего мужа, Владимира Ивановича Селивачева, бывшего помощником командующего Южным фронтом и погибшего на фронте [в] 1920 г. (так в документе, правильно — в 1919 г. — А.Г.). В настоящее время я за него получаю 200 руб. пенсии. Будь я одна, я бы не смела беспокоить Вас своей просьбой, но у меня на руках внук, круглый сирота. Мальчик уже большой — 12 лет. Надо его одеть, обуть — покупка книг — тетрадей это уж для меня становится тяжело, тем более, что заработать мне по моему болезненному состоянию и возрасту (70 л[ет]) почти невозможно. Поэтому прошу Вашего содействия не отказать мне, сколько возможно, в прибавке пенсии.

М.Ф. Селивачева
11.IV 40 г.»⁶⁸³

Социальные службы отреагировали быстро. Уже 16 апреля 1940 г. было проведено обследование материально-бытовых условий М. Ф. Селивачевой, по результатам которого был составлен следующий документ: «Акт обследования материально-бытовых условий п[ерсональной]/п[енсионер]ки б[ез]/р[аботной] Селивачевой М. Ф. 71 года, живет с внуком 12 лет, учащимся в средней школе. Пенсия 214 руб., на которые содержатся вдвоем. Слаба, всю зиму не выходит из квартиры; через силу обслуживает мальчика, нанимая помощницу, живущую в той же квартире, платит ей 20 руб. в м[еся]ц. Комната небольшая, плохо освещенная. Обстановка удручающе запущенная. Просьба об увеличении пенсии обоснованна. В. Кугушев. 16/IV — 40 г.»⁶⁸⁴ Если таким было положение персональных пенсионеров республиканского значения, то остается только предполагать в каких условиях существовали семьи репрессированных, не имевшие никаких привилегий.

⁶⁸² Там же. Л. 18.

⁶⁸³ Там же. Л. 21–21об.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 20.

В соседней комнате жила сноха Марии Федотовны — Надежда Львовна Селивачева 1900 года рождения — жена «изъятая» (так в документе) органами НКВД в 1937 г. Бориса Владимировича Селивачева, с дочерью Ириной 1928 года рождения⁶⁸⁵. Надежда Львовна делала цветы для «Всекохудожник» и другого треста, чем зарабатывала 500–600 руб. в месяц. Обследование бытового материального положения Селивачевых 7 июня 1940 г. показало, что домашняя обстановка у обеих простая.

Михаил Владимирович Селивачев с 13 октября 1919 г. был вр.и.д. помощника литографа общего отделения административно-учетного управления Полевого штаба РВСР⁶⁸⁶, затем долгие годы добросовестно служил в советской военной авиации⁶⁸⁷. Будучи летчиком-испытателем Воронежского завода № 18, он трагически погиб 23 августа 1936 г.⁶⁸⁸ До своей гибели он оказывал матери помощь. Мать имела право на получение пенсии и за его заслуги. Младший сын бывшего генерала, Константин Селивачев, на 1941 г. жил недалеко от матери, на Маросейке, д. 7/8, кв. 21. Вдова Селивачева в конце жизни болела — не могла ходить и скончалась за день до начала Великой Отечественной войны — 21 июня 1941 г.⁶⁸⁹

Подробный рассказ о жизни семьи Селивачевых содержится в показаниях по делу «Весна», данных зятем генерала Д. Д. Зуевым⁶⁹⁰. Зуев сообщал, что «вдова М. Ф. Селивачева — <...> типичный обыватель, получает небольшую пенсию, живет со старшим сыном — Борисом, нередко бывает

⁶⁸⁵ Бывший офицер Борис Владимирович Селивачев перед арестом работал заведующим отделом наглядных пособий торгово-производственного сектора Московского зоопарка, был арестован 29.08.1937, приговорен тройкой УНКВД по Московской области 17.10.1937 к расстрелу по обвинению в «формировании вокруг себя лиц из социально чуждой среды и высказывании антисоветских настроений среди окружающих», расстрелян 21.10.1937 и захоронен на Бутовском полигоне НКВД. Реабилитирован в июле 1956 (Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007).

⁶⁸⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 455.

⁶⁸⁷ *Е. Д. и В. Б. Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. 31.12. № 46. С. 9.*

⁶⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 22–23.

⁶⁸⁹ Там же. Л. 9, 14.

⁶⁹⁰ Некоторая часть показаний опубликована в кн.: *Тупченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. С. 342–378.*

у вдовы Зайончковского (Зайончковский о ней заботился после смерти В. И. Селивачева, которого очень ценил).

Старший сын — Борис Владимирович сильно был избалован, сестры и братья его несколько за это недолюбливали. Против воли был кадетом, юнкером и офицером-артиллеристом. В конце 1918 года эгоистически бросил семью и направился в хлебные места, в Самару, где поступил в инспекцию артиллерии Туркфронта и женился на дочери местного врача-гипнотизера — Надежде Львовне Онорэ. С Туркфронтом в 1920 году переехал в Ташкент, демобилизовался и вел богемную жизнь актера. Оказался в Пишпеке, Самаре, Балакове, Самарской губ[ернии], был стенографом, образовал школу стенографии и, наконец, добрался в 1923 или [19]24 г. до Москвы, где и осел сов[етским] служащим, меняя много раз места. В декабре 1930 г. он был зав[едующим] зоомагазинами Зоопарка, где работал уже свыше 3-х лет. Разносторонний, способный и энергичный человек, но увлекающийся и непостоянный, типичный интеллигент “левого толка”. Я постоянно останавливаюсь у них на Маросейке, 9, кв. 4, а в 1927 г., когда был на КУВНС⁶⁹¹, то прожил 2 месяца. Жена Бориса — искусная цветочница, с большим вкусом, сначала работала частно, а с 1929 года сначала в артели, а теперь на объединившейся полуфабрике системы Промсоюза.

Их приятели, сначала в [19]24–27 г.г. больше артистическая богема, приятели их актерствования. Теперь более солидные, ее подруги по цветочной фабрике, его приятели по радиолюбительству. Давнишняя и прочная дружба у Бориса с Ольгой Андреевной Зайончковской, которая несомненно шире, глубже и умнее его жены.

О[льга] А[ндреевна] уже года два как “предупреждала” Бориса против меня. В конце ноября 1930 года Борис вдруг мне говорит, что хочет узнать мое мнение о Казакевиче, так как часто слышит о нем от Ольги. Я ему дал подробную и откровенную характеристику, полностью соответствующую тому, что мною изложено в предыдущих показаниях. Затем, через несколько дней, он, предупредил, что это “твое частное дело, в которое я отнюдь не собираюсь и не имею права вмешиваться”, — он мне сказал, что о моем поведении ходят

⁶⁹¹ Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава.

слухи, что и бываю я в подозрительной компании, что пьянствую со своими сослуживцами и что это может плохо кончиться.

Я был крайне изумлен нелепостью и полным несоответствием этих слухов, спросил, откуда он это слушал. Он указал, что от Ольги Андреевны. Выругав ее основательно и предупредив его в свою очередь не верить ее сплетням, я ему детально рассказал о своем времяпрепровождении, у кого был, с кем имел дело, и закончил, что в новом месте, где и меня еще не знают, я никогда не буду прятаться от людей, которые со мною захотят завести знакомство, что чем раньше меня узнают со всех сторон, тем лучше...

К Селивачевым заходят постоянно, но изредка — третий сын — Константин и третья дочь — Анастасия. Константин в 1917 году был подростком, быстро прошел все перипетии бурной жизни, был служащим архива, работником б[иблиоте]ки п[олитического] отдела морских сил в Ленинграде, спекулянт, полуартистом, жил с женщиной, старше его намного, был комендантом взвода, агентом МУУР и, наконец, прочно сел года на полтора, после чего “остепенился” и стал дельным работником, сначала лаборантом, потом мастером и, наконец, зав[едующим] отделом на химическом заводе в Подольске. Анастасия замужем за Авивом Аросевым, работником ОГИЗ и музыкантом, приятелем Бориса. Он меня недолюбливает, считает “аристократом” и, кроме того, ревнует жену, которую девочкой мы воспитывали с ее старшей сестрой (моей женой) в Ташкенте»⁶⁹².

Нельзя сказать, что семья бывшего генерала оказалась забыта советской властью. Наличие государственной поддержки служит еще одним доказательством того, что Селивачев не был изобличен как белый агент и, вероятно, таковым не являлся. Бытовые условия семьи бывшего генерала, несмотря на персональное пенсионное обеспечение его вдовы, были крайне тяжелыми, но средний уровень жизни основной массы населения СССР в то время был ничуть не лучше.

В Москве живет внук Селивачева Дмитрий Дмитриевич Зуев, с которым мне посчастливилось познакомиться. Четверть века с 1969 по 1993 г. Дмитрий Дмитриевич руково-

⁶⁹² Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

дил одним из крупнейших отечественных издательств — издательством «Просвещение», книги которого лежали на парте у каждого школьника. Следующие поколения потомков генерала многочисленны. Представители этого старинного рода сегодня, как и на протяжении столетий, продолжают достойно служить России.

Заключение

Августовское наступление центральной части советского Южного фронта, которую занимала группа Селивачева, не только провалилось в начале сентября, но затем в результате перехода инициативы к белым и активных действий их конницы в красных тылах (причем не только в ходе рейда Мамантова, но и позднее) превратилось в настоящую катастрофу, в особенности на фронте 8-й армии. Как единое целое группа Селивачева фактически перестала существовать уже 13 сентября 1919 г., когда командующий группой смертельно заболел, не назначив преемника.

Провал наступления привел к кадровым перестановкам. 28 сентября 1919 г. один из членов РВС Южного фронта, Г. Я. Сокольников или Л. П. Серебряков, предлагал Ленину и Троцкому срочно заменить командующего фронтом: «Отозвание командюжа Егорьева необходимо в кратчайший срок. Растерянность и неуверенность Егорьева погубят любую операцию так же, как была загублена харьковская (приказ об отходе, когда наши разъезды были в 10 в[ерстах] от Харькова, путь перед двумя дивизиями на Харьков открыт, Волчанск прочно занят 12 див[изией], и от Белгорода части 42 див[изии] были в 3^х верстах).

Заменить Егорьева предлагаю нынешним командармом 10 — Клюевым⁶⁹³, который политически внушает полное доверие, а в смысле оперативных и административных способностей, несомненно, представляет незаурядную величину»⁶⁹⁴.

Думается, не случайно в начале октября 1919 г. красные сменили командующего Южным фронтом, назначив вместо В. Н. Егорьева А. И. Егорова, а через несколько дней был за-

⁶⁹³ Речь шла о бывшем Генштаба подполковнике Леониде Лаврови-
че Клюеве (04.08.1880–29.01.1943).

⁶⁹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 160.

менен и начальник штаба фронта — вместо Н. В. Пневского им стал Н. Н. Петин. Командующим 8-й армией в целях спасения этой армии стал большевик Г. Я. Сокольников (Бриллиант).

Самое удивительное, что эта катастрофа в сентябре — начале октября 1919 г. так и не позволила белым достичь своей цели в виде захвата советского центра. Уже в октябре 1919 г. на Южном фронте произошел перелом в пользу Красной армии, позднее приведший к разгрому антибольшевистских сил Юга России. Не помогло белым, как гипотетическое, в случае Селивачева, так и вполне реальное в ряде других случаев содействие со стороны бывших офицеров, служивших в РККА в качестве военспецов, в том числе на руководящих постах⁶⁹⁵. Генштаба генерал-майор А. А. фон Лампе в связи с этим впоследствии отмечал в своем дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»⁶⁹⁶.

Фактически белым для успешного осуществления планов «похода на Москву» не хватило сил, причем настолько, что даже связанная с огромным риском и самопожертвованием помощь им со стороны некоторых военачальников и штабистов Красной армии не смогла переломить эту ситуацию. В целом, можно согласиться с бывшим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным, по оценке которого «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры»⁶⁹⁷. Однако надежды так и остались надеждами.

Оценка красного генштабиста Какурина удивительным образом совпадает с дневниковой записью от 3 (16) октября 1919 г., сделанной белым генштабистом А. А. фон Лампе, рассуждавшим о причинах неудачи белых на фронте:

⁶⁹⁵ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Саквож генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143; Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / Публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

⁶⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

⁶⁹⁷ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: В 2 т. Т. 2: 1919–1920 гг. М., 1990. С. 276.

«Я не сомневаюсь, что это результаты нашей авантюрной стратегии — идти как можно быстрее вперед по линии наименьшего сопротивления красных. В результате мы всюду слабее их... У них я все же вижу план — отход в центре и давление на фланги, а у нас решительно ничего — рви вперед и уверяй всех, что Красная армия, дающая контрудары в штыки, развалилась. Я понимаю, что в этом можно уверить массу, но зачем самим-то этому верить — в результате на моих глазах в поезде Селиванова происходит чуть ли не пари, когда овладеют Москвой, и наиболее скептически настроенные говорят, что к 1 декабря, а мое заявление, что никак не ранее весны, встречается недоверием. Ведь Красная армия распалась... Политика наша, а с ней и стратегия хромает — говорю это не под влиянием неудачи и огорчения — я и раньше всегда говорил, что у нас идет наступление стеной, без всякого плана...»⁶⁹⁸

Версия сознательного срыва наступательной операции Селивачевым или его сотрудниками, затем бежавшими из РККА, представляется куда более правдоподобной, чем ее продолжение в виде версии о намеренном убийстве бывшего генерала кем-то из комиссаров. Однако известные нам документы не позволяют утверждать что-то более определенно.

2 октября 1919 г. на заседании РВСР обсуждался вопрос о материальном обеспечении семьи умершего Селивачева, причем постановили до разрешения в ближайшем будущем вопроса о пособии семье сохранить за ней жалованье военспеца⁶⁹⁹. Если бы речь шла о заведомом изменнике, подобный вопрос, скорее всего, даже не ставился бы на обсуждение. Следовательно, высшие советские политические и военные руководители (присутствовали Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Э. М. Склянский, С. И. Гусев, С. С. Каменев, П. П. Лебедев) не считали Селивачева изменником.

В дневнике Селивачева за 1901 г. имеется эпиграф: «Жить сознательно значит отдавать себе отчет во всех явлениях своей жизни»⁷⁰⁰. Эти слова стали жизненным кредо

⁶⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–62.

⁶⁹⁹ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 422.

⁷⁰⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

генерала, что видно из его поступков и из тех мыслей, которые он доверял своему дневнику. Селивачев прожил честную жизнь и добросовестно служил своей стране. Чудовищные недостатки старой армии остались навсегда запечатлены в суровых обличительных строках его дневника. О том, какие невероятные душевные переживания они вызывали у этого честного и прямого человека, можно только догадываться. Вполне возможно, что к большевикам Селивачев пошел в надежде на радикальные перемены в жизни страны и армии, поскольку иллюзий относительно способностей старого режима у генерала не осталось. К сожалению, в нашем распоряжении нет его дневника за Гражданскую войну и неизвестно, вел ли его генерал в те годы, поэтому сделать более определенные выводы нельзя. Не знаем мы и о переживаниях генерала в связи с его участием в братоубийственной войне, когда он был вынужден сражаться против своих недавних товарищей по службе.

Представляется маловероятным, чтобы Селивачев стал работать на белых, стремившихся воссоздать прежние порядки в стране и армии, противником которых, судя по дневникам, он являлся. В нашей работе показано, что серьезных документальных подтверждений изменническим действиям Селивачева нет, а его внезапная смерть, по-видимому, носила естественный характер. Но, возможно, белая агентура находилась в его ближайшем окружении. В то же время массовые переходы работников штаба 8-й армии на сторону белых могут объясняться не только тем, что эти военспецы являлись агентами противника, но и страхом перед репрессиями за провал операции со стороны красных или же боязнью наказания за службу в Красной армии со стороны приближавшихся к советскому центру белых. Как бы то ни было, документы не позволяют говорить о преднамеренном срыве наступления.

Если же провал наступления Селивачева, катастрофа 8-й армии и переход группы ее оперативных сотрудников на сторону белых осенью 1919 г. были спланированной акцией, тогда, возможно, речь идет о крупнейшем в истории Красной армии этого периода военном заговоре целого коллектива ответственных штабных работников. Нам удалось

лишь отчасти приоткрыть завесу тайны, окутывающей эти события, но по-прежнему в них больше вопросов, чем ответов. Имеющийся документальный материал не дает однозначных ответов на все поставленные вопросы. Поэтому нельзя исключать, что череда необъяснимых происшествий сентября–октября 1919 г. в группе Селивачева и в штабе 8-й советской армии так и останется загадкой для историков. Возможно уже навсегда...

Приложения

Селивачев В. И.
Петровцы на Путиловской сопке

Выпуск 3-й

Редактировал автор

Японо-Русская война

Петровцы на Путиловской сопке

(Воспоминания батальонного командира)

Сообщение подполковника 88 пех[отного] Петровского полка

В. И. Селивачева

Издание Общества ревнителей военных знаний

(с 9-ю чертежами)⁷⁰¹

Цена 50 к.

а для членов, требующих из Канцелярии Общества

(Литейный, 20)

25 к.

С.-Петербург

Экономическая Типо-Литография, В[асильевский] О[стров],

14 л[иния], д. № 5.

1905.

Совет нашего Общества предложил мне, как участнику настоящей кампании, сделать доклад о действиях 2-го и 3-го октября на знаменитой ныне «Путиловской» сопке.

Но так как я успел принять участие в этой кампании только лишь в роли командира баталиона, то естественно, что я не мог взять на себя смелость *сделать доклад*, да и при том еще о таких событиях, которые еще долго, вероятно, не будут даже достоянием истории.

Все, на что я мог согласиться — это представить Вашему вниманию мои *воспоминания* о пережитых нами славных днях, *воспоминания*, занесенные на страницы моего личного дневника под самым свежим впечатлением пережитого.

Приступая к набрасыванию на бумагу моих *воспоминаний*, я долго колебался и в выборе начала — сразу ли приступить к действиям на «Путиловской» сопке или снова

⁷⁰¹ Не публикуются.— А.Г.

пережить перед Вами 4-ре месяца, проведенных мною в кампании.

После долгих колебаний я остановился на втором решении, предполагая, что и не *чисто боевые* стороны нашей военной жизни могут иметь интерес для членов *Общества ревнителей военных знаний*.

Мобилизация

Итак, мобилизация корпуса объявлена.

Полки дивизии разошлись из Петербурга по зимним квартирам и приступили к мобилизационным работам.

Наш полк для мобилизации перешел в новые пункты квартирования, сосредоточившись: 1-й и 2-й бат[алио]ны в Грузино и окрестных деревнях, а 3-й и 4-й бат[алио]ны у станции Чудово и в селе Чудово.

Условия нового расположения полка были далеко не из легких: части немедленно соприкоснулись с населением, которое, особенно у станции Чудово и в Грузине, было фабричное, а расположение по обывательским квартирам крайне затруднило устройство внутренней жизни рот.

Кадры рот, во главе с их командирами, на время приема партий запасных, т.е. на целые 11 дней, отправились в штаб полка в Грузино, отстоявшее от села Чудово на 15 верст, а в местах квартирования 3-го и 4-го баталионов оставались лишь младшие офицеры, многие из которых также получили назначения по надобностям мобилизации.

При этих условиях, я, с разрешения командира полка, не присутствовал на приеме запасных, а, оставаясь в с. Чудово, принимал прибывавшие к баталиону партии и разрешал затруднения по расквартированию рот, устанавливал внутреннюю службу, чем удалось избежать многих недоразумений с местными жителями.

Ко времени прихода последней партии запасных и возвращения вместе с тем кадров рот, последние были уже достаточно устроены, внутренняя служба налажена и даже начаты были строевые занятия.

Что сказать о том материале, над которым предстояло работать? За редкими исключениями, это были прекрасные солдаты и чудные унтер-офицеры, бывшие, по общему

отзыву всех командиров рот, лучшими *строевыми* помощниками г.г. офицеров⁷⁰².

Жаль только, что среди запасных было немало старых сроков службы, обремененных семьей и менее способных к перенесению тяготей военного времени.

Занятия

Выполняя программу занятий, мы обратили особое внимание на сторожевую службу днем и ночью, тактические учения взводов и рот и на прохождение курса стрельбы, причем удалось произвести и два упражнения боевой стрельбы, что для старых запасных было необходимо.

Но если чисто строевая служба была усвоена скоро, то по части тактической подготовки это было далеко не так просто.

Не говоря уж о рядовых, даже унтер-офицеры запаса перезабыли, по-видимому, многое, и немало времени пришлось употребить на то, чтобы пройти с ними самые элементарные сведения, как то: чтение плана, ориентировку, ведение дозора и т.п.

Но так как запасные унтер-офицеры старших сроков службы специально-тактической подготовки не получали, то и достичь с ними в короткий промежуток времени многого, конечно, нельзя было. А между тем, это был крупный пробел: с первых же боевых шагов разведку мало-мальски потруднее или ведение дозора приходилось поручать офицеру.

Нельзя ли в этом видеть одну из причин столь значительной убыли в бою офицеров?

Посещение полка Августейшим Главнокомандующим, а затем смотр Государя Императора составят такие страницы в истории полка, которые никогда не изгладятся из памяти.

Что было в душе каждого офицера, когда он слушал напутственные слова обожаемого Монарха, а затем, опустившись на колена, принимал благословение иконою на предстоявшие подвиги, — это поймет только тот, кто пережил эти чудные минуты и видел слезы радости, блиставшие на глазах товарищей.

⁷⁰² Ср. с приведенной в основной части работы диаметрально противоположной оценкой мобилизованных из дневника Селивачева.

Отъезд

Наконец, настало 17-е июля; после обедни причт церкви села Чудово отслужил нам напутственный молебен и вручил баталиону икону Тихвинской Божией Матери — благословение жителей села на предстоявшие нам ратные подвиги.

В ночь на 18-е июля баталион, напутствуемый слезами родных, друзей и знакомых, отошел на Дальний Восток.

В Москве, по предложению коменданта станции, один из вагонов был приспособлен для постановки двух походных кухонь и это дало прекрасные результаты: во весь путь до оз. Байкала люди баталиона обедали своевременно, тогда как другим эшелонам, в зависимости от времени прихода их на продовольственные пункты, приходилось получать пищу нередко в час-два ночи или 5–6 утра. На тех пунктах, где, однако, баталион получал пищу, таковая была приготовлена очень хорошо и состояла в большинстве случаев из 2-х блюд — щей или супа и каши.

Вот этой последней мой баталион, при продовольствии из своих кухонь, был лишен и ее приходилось заменять увеличением мясной порции и усилением чайного довольствия, что было возможно ввиду получавшейся от довольствия в своих кухнях денежной экономии.

Во всяком случае, для наилучшего устройства продовольствия в пути крайне желательно предоставить эшелону еще один вагон для двух походных кухонь.

Однако наше благополучие продолжалось только до Байкала, когда число вагонов в поезде было уменьшено и поневоле пришлось довольствоваться на продовольственных пунктах.

Путевой досуг мы заполняли чтением книг, пожертвованных по пути из складов Красного Креста, а также и занятиями по ознакомлению нижних чинов с уставом полевой службы нашим и японским.

Состав пожертвованных библиотек не всегда был подходящий: попадались для нижних чинов книги вроде «Петербургская Нана» или «Полудевы» Марсея Прево.

Зато с каким наслаждением читали нижние чины рассказы Тхоржевского и особенно газеты. Сколько обсуждений

вызывала каждая весточка с войны: достаточно было выйти офицеру из вагона, чтобы вокруг него столпились нижние чины и с жадностью расспрашивали про прочитанное и слушали разъяснения.

Грамотные вели дневники.

Ни один поезд с ранеными не пропускался нами, чтобы не порасспросить, как действуют японцы и нет ли каких рецептов, чтобы их побить.

Не забудьте, что это было после Ляояна!

Врач баталиона вел в пути занятия с санитарями и носильщиками, с которыми на дневках эти занятия велись в поле, привлекая, в качестве раненых, людей баталиона, снабженных записками о роде ранения.

Ко времени приезда в Мукден все санитары и носильщики отлично умели делать все виды перевязок и подавать первую помощь раненым.

Поведение людей в пути было очень хорошее, хотя первое время, особенно до Москвы, трудно было избавиться от пьянства.

Здоровье людей также не оставляло желать ничего лучшего; раз в неделю всему баталиону производился медицинский осмотр. По пути сдано в госпиталя только 5 нижних чинов, из коих 1 сумасшедший и двое с секретными болезнями, принесенными из дома.

Однако некоторым неудобством следует считать малое количество вагонов в составе поезда; это влекло за собою тесноту в вагоне, где помещалось по 35–38 человек. При малом числе дней появились заболевания нижних чинов чирьями и насекомые, как результат невозможности отпускать людей в баню. Особенно резко сказалось это в Иркутске, до прибытия в который мы шли без дней 10 дней.

В трудном положении находились мы относительно конского состава: лошади стояли по 8-ми в вагоне, что было очень тесно, а выводка лошадей, за отсутствием больших кавалерийских мостков, нередко была затруднительна.

На весь полк имелся только один ветеринарный фельдшер, пользоваться указаниями которого мы могли, лишь встречаясь со штабом полка или с проходившими артиллерийскими эшелонами.

По счастью, лошади вынесли перевозку отлично и серьезных заболеваний среди лошадей не было, тем более что при содержании их строго придерживались указаний командира батареи, помещенных в одном из первых номеров «Разведчика» за 1904 год.

Прибытие в Мукден

Наконец, 26-го августа, опоздав против расписания на шесть дней, мы прибыли в Мукден, где стояли уж биваком три полка нашей дивизии⁷⁰³.

С железнодорожного полотна мы разгрузились прямо в поле и, изготовившись, двинулись на бивак, до которого надо было пройти версты две.

С устройством на биваке произошел чисто маневренный курьез: по полученным в штабе дивизии сведениям, нашему полку предлагалось стать либо правее, либо левее 85-го пех[отного] Выборгского полка по моему личному выбору, как прибывшего первым эшелоном. По дороге получено было приказание стать на биваке правее Выборгцев, а линейные были расставлены адъютантом штаба дивизии правее 87-го пех[отного] Нейшлотского полка. Но только что мы разбили здесь палатки, устроили отхожие ровики и приступили готовить обед, как прилетел ординарец с приказанием: «Полку стать правее 85-го пех[отного] Выборгского полка и немедленно доставить кроки местности на 6 верст вправо и назад от бивака».

Посещение бивака генералом Куропаткиным

В 3 часа дня 27-го августа на бивак дивизии и артиллерийской бригады прибыл генерал Куропаткин.

Объезжая полки, командующий армией благодарил людей за молодецкий вид и говорил о предстоящих боевых трудах, выражая полную уверенность, что полки достойно покажут себя в бою. Особой благодарности удостоился 85-й пех[отный] Выборгский полк, побывавший уже в боях.

Заглядывая в палатки, командующий обратил внимание на недостаток в подстилке и рекомендовал на бу-

⁷⁰³ См. черт[еж] № 1 (примеч. автора; чертеж не публикуется.— А.Г.)

дущее время обширнее пользоваться гаоляном для сбережения «не одного десятка людей».

По окончании объезда бивака все г.г. офицеры были собраны на середину, и командующий армией преподал нам массу ценных указаний о характере действий противника. Разобрав все особенности действий на Маньчжурских полях и сопках, командующий не скрыл от нас и тех недостатков, которыми страдали наши действия в боях до Ляояна включительно.

Все это мы читали потом в изданных штабом армии особых *Секретных Указаниях* командующего, представлять которые теперь я не вправе, но скажу, что более чем получасовая беседа-лекция командующего армией глубоко запала в сердце и ум каждого.

Уезжая с бивака, Его Высокопревосходительство приказал мне, как дежурному по дивизии, передать частям его желание, чтобы на биваках играла музыка и пелись песни.

Во время пребывания под Мукденом жизнь полков текла своим обычным порядком. Здесь мы отдали нашу вторую пару сапог для частей стрелковых, сильно обносившихся, а равно и отослали в Харбинский склад наши теплые вещи.

Переход и расположение у р. Хунь-Хэ. Саперные работы

Батальоны первых трех полков по очереди ходили на реку Хунь-Хэ для саперных работ до 30 августа, когда на эти работы был послан наш полк. Для этого полк был разделен на две части: 1-й и 3-й батальоны расположились в 2-х верстах к востоку, а 2-й и 4-й батальоны — в 7 верстах к западу от Большой Мандаринской дороги на северном берегу самой реки Хунь-Хэ⁷⁰⁴.

По занятии бивака не мало времени пришлось употребить на его очистку, так как оставлен он был в довольно грязном виде. Я думаю, что одною из причин этого явления служит имеющееся в Уставе Полевой службы разрешение не рыть общих отхожих ровиков, а предоставить устройство «ямок» каждому нижнему чину в отдельности. Установить тут строгий контроль над каждым нижним чином в высшей

⁷⁰⁴ См. черт[еж] № 1 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

степени трудно, и как результат этого — страшная загрязненность района, особенно в местах, наиболее укрытых гаоляном и чумизой.

Работы на позиции велись утром и после обеда часа по 3 и очень нравились нижним чинам; наиболее тяжелою стороною этих работ это было разорение жителей, т. е. разрушение фанз, мешавших обстрелу с позиции.

Правда, за разрушенные фанзы впоследствии уплачивались деньги, но, к сожалению, только впоследствии, а не *перед тем*, чтобы приступить к слову их.

Довольствие нижних чинов все время было превосходное; чувствовался лишь недостаток хлеба, взамен которого на железных листах и крышках от манерок мы пекли хлебные лепешки; картофель рыли в соседних с биваком полях, уплачивая за него по соглашению с хозяевами.

Лошадей довольствовались, главным образом, чумизой, так как ячмень получался от интендантства в очень скромных размерах — нередко не более 1 гарнца в день на лошадь. Чумиза же косилась в окрестных полях с уплатою за нее денег жителям, если таковые находились. Впоследствии взамен ячменя интендантство отпускало фунт за фунт бобовые жмыхи, приучить к которым наших лошадей было очень трудно.

Вообще, насколько я мог заметить, в тот период кампании, который я застал, система довольствия сводилась к возможно более полному использованию местных средств, возлагая все заботы по довольствию на командиров частей.

Мясом полк был обеспечен, — за каждым полком ходило голов по 200 скотины, пасшейся на ближайших лугах.

На случай движения в горы в полку завели на роту по 4 ослика и особые бочонки и просмоленные корзинки для возки в них воды на сопки.

Со свободными от работ ротами велись занятия по прохождению гаоляна и по движению ночью, пользуясь в том и другом случае ориентировочным фонарем генерала Мешетича, сослужившим впоследствии баталиону немалую службу.

Одна из рот ежедневно выходила на сторожевую службу для обеспечения бивака от нападения хунхузов, а вернее — для практики в сторожевой службе.

Офицеры вплоть до начала боев довольствовались прекрасно, так как в нашем полку имелась с собой офицерская походная кухня.

На этом же биваке в полку появилась дизентерия: установить строгий контроль за каждым нижним чином во время работы было невозможно, и люди, несмотря на уговоры и увещания, объедались баклажанами и редисками, в изобилии посаженными на полях; усилившаяся жара, доходившая днем до $+40^{\circ}$, и холода от 7 часов вечера, доходившие ночью до -2° , помогали эпидемии развиваться; надевание брюшников, а главное, самая строгая ежедневная уборка всего бивака много помогли борьбе с этой болезнью, от которой мы потеряли даже одного офицера.

Словом, на берегу р. Хунь-Хэ полк жил не хуже, если не лучше, чем на больших маневрах под Псковом. Одно было обидно, что долго не могли получить весточек с далекой родины, так как корпусные управления только что устраивались.

Бивак у дер. Тава

Саперные работы приходили к концу, и мы с нетерпением ждали, когда-то нас вернут к дивизии. Не потому, конечно, что здесь было полку хуже, наоборот — здесь под руками был Мукден, но потому, что боялись попасть в какой-либо *чужой* отряд.

Не правда ли, как странно звучит это слово *чужой*? Казалось бы, на войне все *свои*; но на деле это не всегда так, и опыт наших же частей показал, что, попадая в другие дивизии, они являлись там иногда пасынками.

Поэтому мы с радостью двинулись 10-го сентября к дер. Тава — в 18-ти верстах от реки Хунь-Хэ на присоединение к полкам дивизии. В это время 37-я пех[отная] дивизия и штаб корпуса стояли у дер. Пухэ в 8 вер[стах] к северу от дер. Тава⁷⁰⁵.

На биваках у дер. Тава и Пухэ корпус оставался до 22-го сентября. Жизнь текла своим чередом: за дровами посылали за 8–10 верст от бивака, довольно старательно вели строевые занятия, а я лично разнообразил времяпровождение ездой в Мукден принимать лошадей для конно-охотничьей команды.

⁷⁰⁵ См. черт[еж] № 1 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

Поставку этих лошадей для всех полков корпуса решено было поручить особой корпусной комиссии; но так как полк наш, бывший в отделе, при получении приказа по армии о заведении конно-охотничьих команд, не знал о решении командира корпуса образовать вышеупомянутую комиссию, то, сговорившись с поставщиком, начал от него принимать лошадей еще в бытность на биваке у р. Хунь-Хэ.

Я не знаю, когда корпусная комиссия начала и чем кончила свои занятия, но до 3-го октября ни в одном из полков корпуса, кроме нашего, не было еще конно-охотничьей команды. Ко времени боев с 29-го сентября по 3-е октября наши конно-охотники успели уж освоиться с лошадьми, подучиться езде и производству разведок, что принесло немало пользы полку при последующих боевых столкновениях.

На биваке у дер. Тава мы начали изучать сигнализацию флажками, выработанную в одном из полков дивизии.

Дело в том, что японцы пользуются шпионами для своих, так сказать, *дальних разведок*: снабженные днем флагами разных цветов, а ночью особыми потайными цветными фонарями, китайцы с линии наших позиций и даже с их тыла сигнализируют японцам, указывая им как места расположения, так и численность наших войск; сигнализирование передается с сопки на сопку путем целой цепи сигнальщиков.

Система подобных *дальних разведок* развита настолько, что ни одно наше передвижение не может укрыться от японцев.

Первоначально, из чувства гуманности мы оставляли китайцев-сигнальщиков в покое, но затем, когда весь вред этого института шпионов стал ясен, то было разрешено частям приканчивать их на месте, раз только они будут открыты на месте преступления.

Случаи сигнализирования китайцев, имевшие место в боях, я укажу при описании наших боевых действий, а теперь упоминаю об этом к тому, чтобы показать, чему именно мы хотели следовать, вводя у себя сигнализацию флажками.

Но я думаю, что мы упустили из виду одно, а именно, что в тыл японцам нашим сигнальщикам не пробраться, а вблизи сигнализация имеет значение лишь тогда, когда возможно хорошее наблюдение дозоров, для чего последние

должны быть снабжены хорошими биноклями, чего у нас опять-таки не было. Не знаю, как в других полках, но в нашем случае применения сигнализации, до выбытия моего из строя, не было.

Продовольствие частей при расположении на биваке у дер. Тава было также возложено на части.

Тут же для дивизии предположено было устроить вагоны-лавочки, для заведывания коими назначены офицеры из строя, что очень жалко, ибо каждый офицер очень дорог именно в строю. В чем выразилась деятельность этих лавочек, сказать не сумею, но думаю, что учреждения эти очень полезны.

Хлеб получался и на этом биваке далеко не всегда в установленном размере — нередко по 1 фунту в день на человека, а потому здесь усилилось печение лепешек, для какой цели были даже выстроены особые печи. Однако лепешки не особенно были по вкусу солдатам, и нижние чины стали пускать в дело свой носимый сухарный запас. Открылся, как мы называли, «*сухарный кризис*». На вопрос мой к нижним чинам: «Ну неужели вы не можете удержаться не трогать сухарей?» — один из рядовых ответил: «Ваше Высокоблагородие, лепешки приелись, хлеба мало, а тут под головою искунитель-мешок с сухарями; ну, возьмишь один сухарик, потянет к другому, а там, смотришь, и все съел».

«Кризис» был разрешен тем, что зашили мешки и дважды в день поверяли их целость.

Так прошло время до 21-го сентября, когда корпус получил приказание передвинуться к дер. Баньяпуза. Незадолго перед выступлением мы получили от штаба корпуса литографированные записки с планом для ознакомления нижних чинов с ходом военных действий до 16-го сентября.

По временам присылались нам сведения о положении дел на театре военных действий. К сожалению, все это было задним числом, и, как пришлось убедиться впоследствии, сведения о противнике, о положении дел и о цели предстоявших действий до нас, маленьких людей, не доходили вовсе.

Теперь, извиняясь за задержку, перейду к изложению чисто боевых действий.

Переход корпуса в наступление

Весть о переходе в наступление была принята нами радостно.

Правда, мы не знали истинной цели наступления, не знали, как оно будет поведено, но каждый чувствовал, что в его жизни начинается новая эра. Да и сидение на одном месте стало надоедать.

Полковой священник отслужил напутственный молебен, после которого была общая исповедь. Большое спасибо сказал каждый из нас тому, кто ввел в полках походные церкви: во все время стоянки полка на месте нижние чины были не лишены Божественной службы.

Надо было видеть эту молящуюся толпу, чтобы понять то великое значение, какое в жизни солдата и в особенности в дни боевых тревог имеет его общение с Церковью. Не мешало бы еще в мирное время обратиться на это побольше внимания.

Походное движение корпуса к реке Хунь-Хэ было организовано двумя колоннами⁷⁰⁶: 22-я пех[отная] дивизия шла вдоль полотна железной дороги, а 37-я пех[отная] див[изия]— по Большой Мандаринской дороге. С этой целью все обозы 22-й пех[отной] дивизии с вечера 21-го сентября сосредоточились западнее Мандаринской дороги с тем, чтобы на следующий день не заклинивать собою движения 37-й пехотной дивизии.

Не знаю, какая была цель подобного распределения дивизий, но неудобств для людей вследствие этого было немало: с целью отпустить обозы, люди были подняты с биваков в 3 часа ночи и до 6-ти часов, в рубашках, дрогли на морозе, доходившем до -4° . Не проще ли, казалось, 22-ую дивизию пустить по Большой Мандаринской дороге, а 37-ую вдоль железной дороги.

Охранение дивизий было возложено на походные заставы, причем районы охранения для дивизий намечены не были, вследствие чего наша левая походная застава оказалась впереди головной заставы 37 пех[отной] дивизии, а их правая боковая застава шла впереди нашей головной.

⁷⁰⁶ См. черт[еж] № 1 (примеч. автора; чертеж не публикуется.— А.Г.).

О посылке офицеров в соседние колонны, по-видимому, забыли, равно как и вообще об установлении связи между колоннами. Правда, это было движение вне сферы влияния противника.

На бивак к реке Хунь-Хэ прибыли к 4 час. дня, но обоз последних частей тянулся до 10-ти час. вечера; тут-то и сказалось удобство осликов, шедших за своими ротами и несших вещи первой необходимости, тогда как офицерская двуколка 1-го разряда нередко застревала сзади.

Жаль только, что для вящего якобы порядка в строю, осликов нередко отправляли в тыл, чем умалялось их истинное назначение. Охранение на биваке было возложено на роту нашего полка, выставившую две заставы по $\frac{1}{2}$ роте каждая, к мосту через р. Хунь-Хэ. К сожалению, охранение было выставлено в темноте, и ротный командир, не снабженный картою, не мог ночью хорошо выполнить свою задачу.

Вообще, карты нам были выданы маршрутные 4 вер[сты] в дюйме, работать по коим было очень трудно даже и тогда, когда мы случайно попадали на нанесенные дороги, что за все время до 3-го октября было лишь один раз. Правда, вскоре нам выдали несколько пополненные карты, но таковых на полк было лишь 2. Таким образом, приходилось срисовывать с этих карт нужные участки, чтобы снабдить ими хотя бы командиров баталионов и рот. О снабжении же ими унтер-офицеров говорить уж не приходилось. А между тем у пленного японского унтер-офицера я лично видел очень хорошее кроки нашей позиции и браслет-компас.

Выступление с бивака 23-го сентября было назначено в 8 часов утра, но вследствие задержек при переправе по мосту передних частей мы выступили лишь в 12 ч[асов] 30 м[инут] дня. От дер. Байтапу⁷⁰⁷ 2-я бригада нашей дивизии с 2-мя батареями свернула к дер. Мозысан, куда и прибыла к 5 час. дня; 1-я бригада дивизии с остальными батареями расположилась верстах в двух позади нас. 37-я дивизия стала у д. Санылинцзы, куда перешел и штаб командующего армией. К сожалению, и на новом биваке дежурная часть в составе 1-го баталиона и 4-х орудий, а равно рота сторожевого охранения были выдвинуты на позицию

⁷⁰⁷ См. черт[еж] № 9 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

в темноте, не получив никаких предварительных указаний; рекогносцировки позиции на случай боя произведено не было. Сторожевая рота, принадлежащая к другому полку, нежели дежурная часть, выставив 4 заставы, оказалась позади авангарда, выдвинутого от 37 пех[отной] дивизии к деревне Хуан-Шан.

На следующий день отряд оставался на дневке и начальник отряда решил избрать позицию на случай боя. Но так как болезнь руки не позволяла ему ездить верхом, то он поручил рекогносцировку командирам полков и командиру дивизиона, не объединив их, впрочем, в своей работе.

Результат последней мне неизвестен, но знаю, что дежурная часть оставалась по-прежнему впереди бивака.

25-го сентября нашу бригаду перевели в дер. Банцичжай, а наше место заняла 1-я бригада, 37-я пех[отная] дивизия с 43 артиллерийской бригадой перешла в Сандьяза, а штаб армии — в Эрдагоу, куда был придвинут и 4-й Сибирский корпус.

Таким образом, наша дивизия осталась в глубоком резерве; сведений о ходе дел мы не имели никаких, и лишь непрерывный гул орудий, доносившийся по ветру с юга, шептал нам, что там где-то решаются роковые задачи. Частным образом мы слышали, что наш левый фланг делает обход правого фланга японцев и что в Харбинских госпиталях готовится 25.000 мест для раненых.

В 9 часов утра 26-го сентября 22-я пех[отная] дивизия передвинута к реке Шахэ и стала в дер. Лиофантунь, а 37-я пех[отная] дивизия расположилась в дер. Сандьяза, выдвинув 1-ю бригаду к д. Тун-Сан-Хо.

На бивак доносился вой гранат шимозе, и, скажу откровенно, жутко делалось на сердце от этих волчьих песен; присмирели и нижние чины, глазами следя за настроением офицеров и как бы отыскивая в них нравственную поддержку и успокоение.

В эти минуты хорошо беседовать с нижними чинами: все так живо воспринимается ими и поразительно глубоко западает в сердце. Не знаю, был ли я прав, но, сам плохо зная положение дел, я все-таки делился этими познаниями с нижними чинами, чтобы хоть сколько-нибудь заполнить

ту пустоту в сердце, которая навевалась доносившимся воем снарядов.

К 8 час 30 мин. вечера 28 сентября мы перешли на бивак у деревни Шиесандза⁷⁰⁸. Темнота была страшная, а потому становиться на бивак было очень трудно. К сожалению, некоторые роты забыли свои фонари.

Вступление полка в передовую линию

В 8 час. утра 29-го сентября было получено приказание командующего армией выслать наш полк с батареею в его распоряжение к дер. Тун-Сан-Хо.

Итак, идем в бой! Но какая цель! — Слышно было, что Новочеркасский полк сильно потрепан японцами, ночью захватившими их в деревне.

Я не забуду первой для меня боевой молитвы и того благословения, которое преподал нам полковой священник. Лица людей были бледны и сосредоточены — видно было, что в душе каждого творится нечто особенное. Ко времени подхода нашего к деревне Новочеркасский полк почти уж вышел из боя, а потому командующий армией приказал отвести наш полк за версту назад и стать в резерве; здесь мы пообедали и поужинали.

Ночь на 30-е сентября была сплошной ужас: гром, молния и проливной дождь не переставали всю ночь, смешиваясь с то и дело раздававшейся впереди нас ружейной пальбой пачками — то японцы, выслав вперед цепь застрельщиков, беспокоили наших; этот обыденный способ действий японцев по ночам сильно не по нутру приходился нашим солдатам, мало привыкшим к ночи. А сзади, на сопках, всю ночь, не переставая, вспыхивали разноцветные огоньки — это китайцы сообщали японцам о месте нашего расположения.

С нами на позиции проводил эту ужасную ночь и командир корпуса, весь день перед этим находившийся на сопках.

Замечательно любовно относятся к нему чины корпуса! «Наш-то старик, говорили солдаты, уж, кажется, и чин-то у него большой, и денег должно много, а ведь все время с нами, и в погоду и в непогоду — вот уж истинный отец-командир». В высокой степени деликатный и внимательный

⁷⁰⁸ См. черт[еж] № 2 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

к самому малому чину, барон Мейендорф приобрел среди офицеров корпуса такую любовь и такое уважение, которые даются далеко не всем начальникам.

Связь самая прочная, и без того уже бывшая между корпусным командиром и его корпусом, еще более окрепла на Маньчжурских сопках.

Утром 30-го числа, чуть свет, я доложил о бывшей ночью сигнализации, и командир полка решил перевести полк на другое место. Мой доклад совпал с приказанием командира корпуса срубить деревья, бывшие перед нами, чтобы не дать японцам точки прицеливания. Но только что упало первое дерево, как впереди бивака с диким воем врезалась в землю первая «шимоза», за нее перелетом вторая, и полк инстинктивно стал в ружье.

Ясно было, что рубка деревьев окончательно убедила японцев в правильности ночных указаний китайцев; полк с батареею перешел за сопки и укрылся в лощинах вне всякого поражения.

Нижние чины, предчувствуя бой, стали переодеваться во все чистое, крестясь и шепча молитвы; ни одного резкого слова, ни одного окрика не слышно было теперь в рядах.

При поспешном отходе за сопки некоторые офицеры не успели захватить с собою вещей, а потому за ними были вызваны охотники. Один из них не только подобрал вещи, но успел прихватить и 3 неразорвавшихся гранаты. Вот как рассказывал он мне, когда я вышел к нему навстречу, чтобы избежать приноса им этих снарядов в баталион: «Подбираю это я, видишь ли, вещи и вдруг вижу летит шимоза; стала это она на головку, повертелась и легла; за нею также вторая и третья; вижу целехоньки; я подбежал, пощупал, а они еще *тепленькие*, вот я их и прихватил с собою показать нашим». Немедленно этим *тепленьким* была вырыта могила, и мы схоронили их к великому огорчению их обладателя.

Бой 30-го сентября

Вскоре полк с батареею почти бегом передвинули к деревне Шиесандза, где мы должны были занять позицию на сопках фронтом на запад⁷⁰⁹. Для чего и как именно

⁷⁰⁹ См. черт[еж] № 3 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

следовало занять позицию, кто будет правее и левее нас и т.п. вопросы эти для нас были вполне неясны. Только один из штаб-офицеров Генерального штаба — фамилии его не знаю — сказал наскоро, что японцы бросились на 10-й корпус, который начал отходить.

Стало хоть немного ясно, что мы будем угрожать флангу наступающих японцев. Однако последних я весь день 30-го числа видел только верстах в 2–3, да и то в бинокль. На назначенной нам позиции мой баталион должен был занять правый участок и прикрыть расположение 4-й батареи 7 арт[иллерийской] бригады и 2-й казачьей батареи.

Вначале, когда батареи заняли позицию А, мой баталион расположился в окопах впереди ее, но затем, когда батареи перешли на позицию Б, роты баталиона пришлось перевести правее ее. Этот перевод рот совпал со временем обеда. Притянув кухни, я послал приказание 9 и 10 ротам отойти назад и обедать; но едва 10-я рота покинула свой окоп, как последний был буквально-таки засыпан гранатами, и на месте окопа зияла громаднейшая яма.

Это дало мне указание на то, что ставить пехотные цепи в окопах на наружных склонах сопки не следует, тем более, что наши окопы своими брустверами очень заметны на фоне сопки.

Весь этот день 3 мои роты сидели, прижавшись к внутреннему склону сопки почти у самой вершины и не понесли никаких потерь, несмотря на убийственный огонь японской артиллерии.

В ночь на 1-ое октября⁷¹⁰ мой баталион был оставлен на сопке к югу от дер. Шиесандза, а сзади за деревней на сопке стояли 3 баталиона нашего полка и 1 баталион Новочеркасцев.

На восточной окраине деревни расположилась охотничья команда нашего полка.

Но какая у нас была цель, что предполагается на завтра, где же, наконец, противник и есть ли кто-нибудь впереди и левее нас? Опять та же terra incognita. Правда, в 9 часов вечера штаб-офицер, заведывающий связью, допрашивал меня, кто передо мною и за мною и вошел ли я в связь

⁷¹⁰ См. черт[еж] № 4 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

с соседями. Но что же мог ответить на эти вопросы я, неза-
чительный командир баталиона, когда на мой вопрос: «Да
с какими же я соседями должен войти в связь и как это я
могу сделать, когда в моем распоряжении нет ни единого
конного», последовал ответ: «Ну уж это как хотите, а, ка-
жется, где-то влево от вас есть Новочеркасцы».

Понимая, что баталион остался на позиции после боя,
я принял боевое расположение, но, не зная, где противник,
поневоле должен был стать фронтом и на юг и на запад.

По деревне были высланы дозоры, захватившие китай-
цев с сигнальными фонариками, а на юг был послан осо-
бый дозор для осмотра местности. Этот дозор и наткнул-
ся на 145-й пех[отный] полк, оказавшийся не *где-то влево*,
а прямо перед нами.

Счастлив наш Бог — иначе на следующий день не из-
бегли бы мы братоубийственной войны.

Ночь холодная, томительная ночь была проведена нами
в полной тревоге: то и дело трещали винтовки и пулеметы
японцев и с воем и свистом летели по деревне пули.

Бой 1-го октября

Настало, наконец, утро 1-го октября⁷¹¹.

С рассветом, к югу от нас раздались редкие выстрелы
винтовок, а затем по сопкам южнее нас как муравьи полез-
ли японцы. Было ясно, что они обходят правый фланг Но-
вочеркасцев, очистивших к этому времени сопку.

Подпустив японцев на 1400–1200 шагов, все роты бата-
лиона открыли огонь залпами, причем 9-я рота брала япон-
цев и с тыла. Когда японцы посыпались с сопки ранеными
и убитыми, в сердце закралась какая-то радость; лица солдат
сияли — видно было какое-то общее одушевление; если бы
в эту минуту мне сказали, что я могу быть убитым или ра-
неным, я бы не поверил этому.

С полчаса работали мы на сопке, пока не подверглись
фланговому артиллерийскому огню японцев, которым ки-
тайцы флажками выдали наше расположение.

Волей-неволей приходилось отходить за деревню, что
было и вполне своевременно, ибо, облегченные нашим

⁷¹¹ См. черт[еж] № 5 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

огнем Новочеркасскцы успели загнуть свой фланг, а японцы начали продвигаться к нашей сопке.

Приказав 9-й и 12-й ротам, пройдя деревню, занять за нею сопку, а 11-й роте обойти ту же сопку с запада и стать в резерве, я остался с 10-й ротой на позиции, чтобы прикрыть отступление этих рот.

К сожалению, за неимением под рукою точной карты, я не мог точно указать командирам отходивших рот их позиции, а потому и неудивительно, что, отступив на нее с 10-й ротой, я не нашел на позиции ни одной из своих остальных рот; взамен их на позиции находилась 16-я рота нашего полка и батальон 145-го пехотного полка, вскоре, однако, отошедший назад. Высланный мною дозор нашел 9-ую и 12-ую роты на позиции, шагах в 1000 назад, но 11-я рота пропала бесследно.

Около $\frac{3}{4}$ часа держались мы на этой позиции, когда, наконец, я получил приказание, что мой батальон должен поставить арьергард и прикрыть отступление полка с батареею. В то же время мне было приказано держать связь вправо с 10-м корпусом, а влево с 37-й пехотной дивизией, «*которые*», говорилось в предписании «*отступили*», но куда неизвестно; время отступления батальона было предоставлено моему усмотрению. Цепляясь за каждый хребет, за каждую сопку, мои три роты, преследуемые не менее как 4-мя батальонами японцев, шаг за шагом отходили назад к деревне, имени которой я теперь не помню; здесь к нам, наконец, присоединилась 11-я рота. Преследование японцев начало ослабевать, но куда же отошел полк? К сожалению, спеша на позицию, с которой отряд взял во фланг преследовавших нас японцев, полк не оставил нам никакого указателя. Встреченный мною здесь начальник артиллерии корпуса указал мне направление, по которому отошел полк. И вот батальон, построившись змейками на увеличенных интервалах и дистанциях, под ужасным шрапнельным огнем японцев прошел еще около $1\frac{1}{2}$ верст и, присоединившись к полку, стал в общем резерве за левым флангом боевого порядка.

Все пережитое мною за этот день, неизвестность, в которой пришлось прожить несколько часов, фиктивная потеря целой роты, все это подорвало мои нервы настолько, что,

достигнув позиции, я рыдал и одновременно смеялся, как нервная женщина, буквально не отдавая себе отчета о причине.

Где же, однако, была 11-я рота? Едва успела она обогнуть сопку, как получила приказание флигель-адъютанта полковника князя Трубецкого прикрыть батарею, оставленную неприкрытою частями быстро отходившего назад 10-го корпуса. Нижний чин, посланный ко мне командиром роты с донесением, меня не нашел, и командир роты до встречи с нами был уверен, что не найдет своего баталиона.

Едва стемнело, на позиции настала полнейшая тишина; стоявшие вместе в резерве 1-й и 3-й баталионы нашего полка оказались на позиции одни — весь отряд перешел в наступление, как оказалось впоследствии, «*по сигналу*», звуки которого, *по счастью*, не дошли до нас. Но и нам вскоре пришлось двинуться вперед.

Дело в том, что на фланге наступления отряда осталась деревня, в которую, гоня японцев, ворвалась наша 5-я рота, потерявшая в темноте связь с отрядом. Ночью командир роты прислал на позицию дозор, прося его поддержать, так как по сигналам, подававшимся китайцами из деревни, он полагал, что японцы окружают его.

Немедленно было решено пройти в деревню обоим баталионам и восстановить, если возможно, связь с полком.

Однако, придя в деревню, я убедился, что оставаться в ней было бы безрассудно: окруженная сопками, она являлась скорее западней для обоих баталионов; к тому же дозор, высланный к стороне нашего отряда, последнего найти не мог, и связь с полком, таким образом, восстановлена быть не могла. Посему я решился выйти из деревни и расположиться в 2000 шагах от нее в боевом порядке, выслав цепи, а в самую деревню направил дозоры; на флангах были выставлены посты. К рассвету весь отряд вернулся на старую позицию, не тревожимый японцами и имея свой фланг прикрытым нашими двумя баталионами и 5 ротой, удержавшими, по-видимому, японцев от захвата деревни. Об этом именно обеспечении фланга отряда, перешедшего в наступление, особенно беспокоился генерал Куропаткин, как мне об этом передавал потом наш командир полка.

Итак — нет худа без добра.

Занятие позиции на «Сопке с деревом»

Утром 2-го октября наш полк был отведен к реке Шахэ, куда прибыл и командующий армией. Расспросив командира полка о делах 30-го и 1-го, генерал Куропаткин объехал полки, благодаря каждый баталион отдельно, а затем приказал полку отобедать, что было весьма кстати, так как с утра 30-го числа мы почти двое суток ничего, кроме сухарей, не ели.

После обеда полк снова был вызван на позицию к югу от реки Шахэ и сопки с деревом, впоследствии названной «Путиловской», а ныне переименованной в «Новгородскую», и расположился согласно показанного на чертеже № 6.

Но откуда ожидается противник, какие обстоятельства вызвали расположение на этой позиции, какими частями она занята и какая цель обороны — все это, до нас, маленьких людей, не дошло.

Но уж зато свой участок и соседей удалось узнать досконально и не только узнать, но осмыслить для себя и для последнего нижнего чина. К сожалению, однако, это не понадобилось.

Отступление с позиции

В 5 часов вечера приехал на позицию адъютант штаба дивизии и передал приказание с наступлением темноты отойти за реку Шахэ к дер. Сахоян. Ввиду отхода 10-го корпуса весь отряд, расположившийся на сопке, должен был откинуть назад свой фланг, причем сама сопка, по чертежу, лично накинутому командующим армией, становилась центром новой позиции: прибавлю, что река Шахэ здесь всюду проходима вброд и имеет глубину не более 1 аршина.

На новой позиции наш полк должен был расположиться следующим образом: мой 3-й баталион, отойдя за р. Шахэ, должен был окопаться по указаниям и под руководством сапер и составить левый фланг позиции, 1-й баталион оставался в окопах на сопке, а 2-й и 4-й баталионы, составив полковой резерв, должны были стать за моим баталионом.

Кто еще оставался на сопке, я не знаю; но слышал, что будто бы там должен был оставаться баталион 86-го пех[отного]

Вильманstrandского полка и, таким образом, сопка должна была защищаться 2-мя батальонами. Чертеж новой позиции на 2-х верстной карте, сделанный рукою командующего армией, я видел, но сказать, чья инициатива была занять сопку только двумя батальонами, я не сумею: на чертеже командующего армией этих указаний я не видел.

На новую позицию я повел батальон сперва вдоль по р. Шахэ, укрываясь ее крутым берегом, а у дер. Лиофантунь мы перешли на западный берег реки; из этой деревни я услал оказавшиеся здесь наши перевязочные пункты в тыл ввиду того, что деревня эта при новом расположении оказывалась впереди нашей позиции, на фланге наступления японцев.

У дер. Сахойн я, однако, не нашел сапер, которые должны были руководить нашими работами, а потому батальон мой предназначили также в общий резерв.

Однако с позиции пришлось выделить часть рот для помощи артиллерии, в переходе которой через реку Шахэ произошла большая задержка. В темноте свист пуль наводил на наших солдат какой-то необъяснимый страх, и надо было употреблять большие усилия, чтобы заставляя их под этим свистом вытягивать из реки орудия и зарядные ящики.

И что всего удивительнее — это то, что не только нижние чины, но и офицеры подвергались влиянию этого зловещего жужжания пуль. И таких примеров было немало.

В ночь со 2-го на 3-е я лично встречал на нашей позиции целые дозоры, высланные от соседних частей к стороне противника и не решавшиеся перейти за черту охранения. Начальниками этих дозоров были нередко старшие унтер-офицеры, которых я никогда не позволил бы себе заподозрить в трусости; на следующий день я видел этих же молодцов в бою и любовался их беззаветной храбростью, сметливостью и умением руководить подчиненными.

Я не позволю себе утверждать категорически, но думаю, что причину этого надо искать в отсутствии практики в ночных действиях в мирное время, притом в таких действиях, при которых нижние чины были бы предоставлены сами себе — в одиночку или малыми партиями; выспаться днем и бодрствовать ночью наш солдат (не охотник) не умеет, кроме того, на войне у него нет ни компаса, ни карты (ее ведь нет

и у ротного командира) и нет подчас даже сведений о том, где тот противник, от которого так назойливо летят и жужжат пули.

Навыкнув на войне и притерпевшись, люди будут работать хорошо (я не говорю про охотников, которые много подготовляются в мирное время), но в настоящее время от них, конечно, нельзя требовать того, что могут сделать сибирские стрелки — эти бывшие таежники.

Ночь на 3-е октября была проведена крайне тревожно⁷¹². Охранение на ночь приняло необычный характер: 14-я и 15-я роты нашего полка занимали деревню Сахоян, а остальные части отряда собрались шагах в 300 к востоку от деревни и стояли в резервном порядке фронтом почему-то на запад. Когда участились выстрелы со стороны сопки, решено было принять более строгие меры охранения, для чего одна рота моего батальона выставила цепь парных часовых, захватив ими весь отряд, а остальные три роты расположились в колоннах по трем фасам. Офицеры должны были всю ночь ходить и будить людей, не спавших перед этим две ночи и теперь засыпавших стоя и сидя с винтовками в руках. Для чего понадобилось принять такой особый способ охранения — не знаю, но думаю, что рациональнее было бы занять еще двумя ротами позицию к востоку от деревни Сахоян, чтобы с юга прикрыть наше расположение.

Бой 3-го октября за «Сопку с деревом»

С рассветом 3-го октября по позиции-биваку зажужжали пули, и весь отряд, как один человек, двинулся к деревне Сахоян и укрылся за ее стенами. Артиллерия выехала на позицию, прикрывшись слева ротою, а справа батальоном 86-го пех[отного] полка; 12-я рота нашего полка выдвинулась на южную окраину дер. Сахоян; 1-й и 2-й батальоны нашего полка были в 1-й линии. После совещаний решено было отступить за дер. Сахоян, так как японцы, захватив сопку с деревом, сильно обстреливали нас. То и дело носили раненых, а санитаров и носильщиков не было. Перевязочный пункт, отправленный мною накануне из деревни Лиофантунь, ночью перешел за 7 верст от нас.

⁷¹² См. черт[еж] № 7 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

К счастью, еще ночью [с] помощью конно-охотников мне удалось установить связь с перевязочным пунктом и можно было рассчитывать, что вскоре санитары и носильщики появятся. А пока, не имея определенных занятий, я лично принялся за перевязки, благо выучился им по пути на занятиях с носильщиками. Для тяжело раненых, носильщиков формировали из людей 11 роты, устраивая носилки из шинелей, палаток и ружей. Матерьялом для перевязок служили спасители раненых — индивидуальные пакеты. Жаль только, что в плоских пакетах коротки бинты: их не хватает для большой перевязки.

Невольно, однако, напрашивается вопрос — почему перевязочные пункты держатся так далеко? На это могу ответить, что, на мой взгляд, в этом вина строевых начальников: в мирное время на маневрах редко практикуются занятия с устройством перевязочных пунктов, а о чем не привык твердо думать в мирное время, естественно нередко забывается на войне, где вообще соображение притуплено значительно.

Практиковавшиеся только в массе отчетностей мирного времени и заваленные ею и на войне, старшие полковые врачи инициативу свою проявляют в редком случае и ждут указаний.

Впрочем, это отнюдь не должно бросать хоть какую-нибудь тень на врачей. В день 3-го октября два молодых врача нашего полка, выделившись от общего перевязочного пункта, работали в 2-х верстах от боя. Вообще, честь и слава нашему врачебному персоналу — на их долю выпадает тяжелая работа и с нею они справляются великолепно.

Отступив от дер. Сахоян, мы расположились от нее в версте к северу, причем 1-й и 2-й батальоны нашего полка прикрывали отступление, понеся большие потери, особенно 1-й батальон, в 4-й роте которого остался целым только один нижний чин и оба офицера.

Отступающие части были поддержаны батареями 7 артилл[ерийской] бригады, настолько искусно поставленными Генер[ального] штаба капитаном Хенриксеном, что весь бой 3-го числа японская артиллерия не могла открыть их расположения. Работали батареи, как в предыдущих боях, так и теперь, восхитительно. Особенно прекрасную службу

сослужили они нам при отступлении; вначале люди наши сильно побаивались гула орудий своих батарей, принимая их за японские снаряды, но затем начали различать разницу и становились веселее, заслышав, что своя заговорила.

Во время отступления трех рот нашего 1-го батальона было получено известие, что правый фланг их обходит японская колонна, отрезая их от Севского полка. Ввиду этого мне приказано было с двумя ротами поддержать 1-й батальон и войти в связь с Севцами. Взяв свою 10-ю роту и 3-ю роту 1-го батальона, я двинулся к нашему правому флангу. Взять другую роту из своего батальона я не мог, ибо 12-я была только что в бою, 9-я со знаменем, а 11-ю роту командир ее просил не брать, ибо из нее было взято много носильщиков. Однако к моему приходу 1-й батальон уже отступил, а Севский полк, подавшись вперед, вошел уже в связь с нами. Посему, оставив 3-ю роту при 1-м батальоне, я с 10-й вернулся к батальону и собрал его за деревней. Но командира 11-й роты, прекрасного молодого офицера, поручика Измайловича не стало; рота его за мое отсутствие была вызвана вперед на поддержку отступавших и едва покойный успел сказать фельдфебелю: *«Если меня убьют, останься за меня»*, как японская пуля пронзила ему легкое; по дороге на перевязочный пункт он умер.

На новой позиции мой батальон (за исключением 9-й роты, при коей было знамя и которая стояла за деревней) расположился в резерве на гаоляновом поле, и тут я применил хитрость, которую замечал у японцев: 3–4 человека залезают в гаоляновый сноп, укрываясь от выстрелов; при надобности, такие снопы передвигаются, что заметить очень трудно; неприятельская артиллерия, «ощупав» поле и не найдя там ничего, кроме снопов, переносит огонь дальше или в сторону.

Другая хитрость состоит в том, что люди обтыкают за пояс пучки чумизы и этим вводят в заблуждение противника, принимающего их за чумизовое поле. Обе эти хитрости я лично наблюдал в боях 30-го и 1-го; про обман же с переодеванием в русскую форму слышал много, но лично свидетелем их не был.

К 12-ти часам дня огонь японцев стал стихать и они, заняв сопку, принялись за обед.

Мы в этот день ничего не ели. Зная, что у меня запасов нет и что от них сухарей я не возьму, нижние чины потихоньку клали мне их в карманы.

Как дорога для меня была эта забота, как сказывалось в ней истинно русское солдатское сердце! Да, в бою это были истинные братья, быть достойными которых — цель каждого офицера.

Но кто же перед нами, что выяснили собою действия этого дня и ночи? Это для нас опять-таки было неизвестно.

Мы знали только, что на помощь к нам идет большая часть Нейшлотцев и кто говорил два, кто три Сибирских стрелковых полка с генералом Путиловым; но что же предполагалось дальше?

Подошли Нейшлотцы, заблестели на солнце штыки надвигавшихся к деревне стрелков Путилова, шедших к нашему правому флангу.

Лихим гранатным и шрапнельным огнем приветствовали японцы стрелков; шрапнели рвались над двигавшимися колоннами, но там не было ни суеты, ни смущения — видно было, что это люди бывалые.

Остаться теперь за деревней было излишне⁷¹³. Ввиду подхода стрелков японцы перенесли на них как артиллерийский, так и ружейный огонь, и я решил продвинуть батальон перед деревню, где роты немедленно окопались. Здесь, за одной из крайних фанз, собрался целый совет — решался вопрос о дальнейших действиях. Впоследствии я слышал, что было получено 5 разных приказаний и одно даже от такого начальника, о подчинении которому в отряде и в штабе его никто не знал.

Было около 4 ½ часов дня, когда наш начальник отряда генерал Новиков отправился на совещание к прибывшему генералу Путилову.

Не знаю, были ли наши 3 полка подчинены генералу Путилову или нет, знаю только, что я ничего не знал и генерала Путилова не видел. Думаю, что начальствование отрядом объединено в одних руках не было, по крайней мере до начала дела.

⁷¹³ Примерное расположение в этот момент см. черт[еж] № 8 (примеч. автора; чертеж не публикуется. — А.Г.).

Но за отсутствием нашего начальника отряда у нас разыгралась следующая история: передовые части 87-го пех[отно-го] Нейшлотского полка ворвались в деревню Сахоян и, преследуя японцев, перешли реку и стали подниматься на сопку, захватив первые ряды японских окопов. Наша артиллерия, приняв их за неприятеля, обдала окопы шрапнельным огнем; смельчаки бросились назад, преследуемые японцами.

Все это было на наших глазах.

Покойный командир Нейшлотцев, полковник Руденко, с глазами, полными слез, обратился к стоявшим здесь командирам со словами: «Господа, что же это, своих бьют, помогите»; но, заметив минутное колебание, он махнул рукой и со словами: «Ну так я один пойду помирать» пошел по полю в направлении на дер. Сахоян.

Командиры полков решили двинуться, и, слыша это решение, я скомандовал баталиону:

— Роты вперед, по 10-й роте, на дер. Сахоян.

Как посмотреть на поступок покойного?

Я лично всем сердцем был на его стороне. Правда, едва ли он критически отнесся к тому, какие тут могут быть последствия, и едва ли, только что прибыв, он успел оценить всю обстановку, но ведь он был первый солдат своего полка и как таковой он был прав. — Били тех, кто дорог его сердцу, тех, кто его успел полюбить и оценить, как командира, и этого для него было достаточно, чтобы кинуться к ним на выручку.

Заняв берег р. Шахэ и дер. Сахоян, части отряда начали готовить атаку ружейным огнем. Пробежав до дер. Сахоян, я зашел в фанзу, через которую вышел на восточную окраину деревни. Здесь столпилось много народа, укрываясь от ружейного огня (артиллерийского заметно не было).

Люди полка заняли берег р. Шахэ; большая часть офицеров была уже переранена; надо было перейти на японский берег реки и упрочиться там засветло, ибо ночью легко было сбить направление. Я перебежал к людям и, крикнув «за мной», вошел в реку. Ясного отчета себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, а чувствовал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела — так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди — неизвестно, быть может и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведенных людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешел реку снова, перевел еще часть людей и вернулся за остальными. Тут я встретил раненых, командира нашего полка и подполковника Лаврова и, сообразив, что остался в полку старшим, бегом направился к полку. В это время слышались какие-то голоса. «Неужели японцы?» «Нет, быть не может». «Но кто же? Ведь мой батальон был в общем резерве». Дозор, высланный в тыл, сообщил, что это идут Семипалатинцы.

Кто прислал их сюда, я не знаю, но думаю, что это дело распорядительности Генерального штаба капитана Ахвердова, весь день проведенного у нас, куда он был прислан начальником штаба 1-го Сибирского корпуса генералом Бринкеном для ознакомления с тем, что делается у соседей.

Подъем на сопку был в высшей степени труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса — «толпа в образе колонны», впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — «японцы бьют» поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх.

На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию.

Но, слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку; сильно уже стемнело — было 6 часов вечера, если не позднее.

Итак, с 4½ часов дня до 6 часов вечера три почти полка принимали на себя огонь японцев, подготавливая *невольно* атаку «без выстрела» стрелками генерала Путилова. Орудия и пулеметы были захвачены стрелками, а с ними и честь занятия сопки.

Не доходя до японских окопов, я был свален ударом пули в ухо. Обливаясь кровью, я пролежал несколько минут без памяти, но затем был подхвачен санитаром, который и сделал мне первоначальную перевязку. С помощью полкового адъютанта я перебрался через реку и направился на перевязочный пункт. Но своего пункта я найти не мог, а, воспользовавшись встреченною лошадью, стал искать хоть какой-нибудь перевязочный пункт. Часа через три я, наконец, добрался до отряда Цеге-фон-Мантейфеля.

Желание мое вернуться к полку, командовать которым остался капитан, не осуществилось, так как меня была лихорадка и температура доходила до 40°.

4-го октября на арбяном транспорте, под страшным проливным дождем, я добрался до № 4 подвижного госпиталя Красного Креста, бывшего у Фушунской ветки, и здесь провел остаток ночи с 18-ю ранеными японцами.

На следующий день 5-го октября нас поместили в товарные вагоны и в этих *«теплушках»*, на полу, мы провели 5½ дней до Харбина, причем два дня не обедали.

На этом я окончу свои воспоминания. Делать из них какие-нибудь выводы или обобщения было бы еще несвоевременно. Предоставим это беспристрастной истории.

Но как русский солдат, я глубоко убежден, что «Сопка с деревом» есть поворотный камень наших операций, что нашей чудной армии предстоят еще славные дни окончательной победы над достойным врагом, у которого мы многому уже выучились.

Как русский офицер и член нашего Общества я желал бы всем сердцем еще при своей жизни прочесть историю нашей славной борьбы и буду несказанно счастлив, если мои воспоминания внесут хотя бы чуть-чуть заметную струйку в общий могучий поток будущей истории.

Дай только Бог, чтобы эта история поглубже заглянула не в одни только цифры и линии, а, главное — в тайники могучей души и чудного сердца русского солдата и там поискала бы побольше уроков для будущего.

Селивачев В. И. Петровцы на Путиловской сопке. СПб., 1905.

Описание подвига В. И. Селивачева в боях 25 января — 27 февраля 1915 г.

Описание

подвига начальника 4-й Финляндской стрелковой бригады генерал-майора Селивачева в боях с 25 января по 27 февраля 1915 года включительно.

Ко времени прибытия частей бригады в район расположения Стрийского отряда, постепенно отходившего под энергичным натиском противника, обстановка складывалась так, что немедленное усиление войск первой линии подходившими частями являлось настоятельно необходимым. Вследствие этого части бригады, тотчас же по прибытии на станцию Сколе, направлялись в распоряжение начальников колонн Стрийского отряда. 16-й Финляндский стрелковый полк, прибывший в голову бригады 19 января, был направлен в Тухлу, в распоряжение начальника левой колонны генерал-майора Обжолтовского.

15-й Финляндский стрелковый полк, прибывший на станцию Сколе 20 января, и 13-й Финляндский стрелковый полк 22 января был[и] направлен[ы] в Козиово, в распоряжение начальника правой колонны генерал-майора Матвеева. Оба последние полка под общим начальством командира 15-го Финляндского стрелкового полка полковника графа Каменского составили правый боевой участок колонны генерала Матвеева, заняв позицию на гребне Звинин от высоты 1109 включит[ельно] до высоты 943 включительно. Правый фланг колонны обеспечивался двумя сотнями 2-го Полтавского казачьего полка, расположенными в дер. Мыта. Ближайшие части соседнего VII корпуса занимали Быков, имея впереди в Завадке две сотни 2-го Запорожского каз[ачьего] полка. Проникнув в долину Оравы, противник постепенно стал продвигаться через Дольчки, а также от Красне к Завадке, угрожая прорывом связи между флангами VII корпуса и Стрийского отряда и обходом правого фланга последнего.

Для парализования этого обхода 3-й Финляндский стрелковый полк, прибывший вслед за 13-м Финляндским стрелковым полком, был мною направлен через Сухо-Поле в Тисовец, с задачей, расположившись в дер. Сухий-Поток, наблюдать гребень Ростоки, составляя уступ за правым флангом колонны генерала Матвеева. Вслед за тем, по прибытии 14-го Финляндского стрелкового полка, 4-я Финляндская стрелковая бригада, без 16-го Финляндского стрелкового полка, но с придачей 3-го Финляндского стрелкового полка, горной батареи 3-го дивизиона и двух сотен 2-го Полтавского каз[ачьего] полка, получила задачу: составив правый боевой участок Мункачской группы, прочно занять и удерживать кряж Звинин, от дер. Мыта через Оравчик (западный) до седловины между высотами 943 и 992 включительно.

Начальник бригады прибыл в Тисовец и вступил в командование вверенным ему участком с 11-ти часов утра 25 января, когда обстановка уже значительно изменилась и приняла несколько угрожающий характер.

Немцы, проникнув к Завадке, вытеснили оттуда две сотни 2-го Запорожского казачьего полка и затем силою около батальона с эскадроном кавалерии повели наступление на Росохач и Мыто. К вечеру 24 января немцы успели занять всю дер. Росохач и часть дер. Мыто до церкви. Одновременно немцам удалось потеснить и левый фланг VII корпуса, заняв Быков, Молдавске, и продвинуться до Бахновате.

Возникло опасение, что противник попытается, овладев долиною Завадки, подняться на гребень Поланина и проникнуть в долину реки Буливя, с целью разобщения войск VII корпуса и Мункачской группы и угрозы тылу войск, занимающих позицию на гребне Звинин.

С этого времени начинается непрерывный, почти ежедневный ряд ожесточенных боев по всему фронту (9 верст) позиции, занятой частями отряда генерала Селивачева. В течение целого месяца и далее, по настоящее время, бои эти происходили и происходят при самых тяжелых климатических и местных условиях для частей отряда, как в смысле трудности сообщения между отдельными частями отряда, отсутствия мало-мальски удобных сообщений с тылом

(бездорожье и глубокий снег), так и вследствие сильно растянутой позиции, не соответствующей силам отряда (8 слабых баталионов стрелков на 9-верстном фронте по воздушной линии). Результатом этих ожесточеннейших, почти непрерывных, боев было не только сохранение нашими стрелками первоначально занятой нами линии, но и оттеснение противника с хребтов Звинин — Ростоки и из дер. Росохач, а также захват высоты 854 на хребте Звинин, бывшей во власти противника. Честь захвата этой высоты (тактический ключ всего фронта боевого участка отряда генерала Селивачева) принадлежит 14-му Финляндскому стрелковому полку.

Такое упорство, проявленное нашими доблестными стрелками в ежедневной и непрерывной борьбе с энергичным и настойчивым врагом (немцами), я отношу, прежде всего, к умелой распорядительности героя — начальника всего этого 9-верстного фронта генерала Селивачева, который, благодаря своей подвижности и неутомимой энергии, невзирая на сильнейший огонь противника, всюду поспевал сам, все лично видел, давал нужные указания, подбадривал людей и умел всегда своевременно поддержать наиболее нуждающийся участок теми слабыми частями своего резерва, который он ухитрялся еще оставлять в своем распоряжении. Невзирая ни на суровые условия, при которых приходилось действовать войскам, ни на необходимость проводить беспрерывно на горах многие дни и ночи, части 4-й Финляндской стрелковой бригады, отразив все бешеные атаки немцев, не только заставили его (противника. — А.Г.) перейти к обороне, но, продвинувшись вперед, установили тесную связь с соседним VII корпусом.

За столь выдающуюся боевую работу генерал-майора Селивачева, я, на основании части III ст. 112 пункта 3 Статута орд[ена] Св. Георгия, ходатайствую о награждении его «Георгиевским оружием».

С 25 января по 27 февраля отряд генерал-майора Селивачева потерял убитыми: 2 офицеров и 573 нижних чина и ранеными — офицеров 7 и нижних чинов 957.

Столь сравнительно небольшие потери ставлю в заслугу генералу Селивачеву и объясняю умением стрелков быстро

и толково строить окопы с козырьками, умело применяя их к местности. Трофеи бригады за это время были: пленных — австрийцев 2, германцев 157, винтовок 167, патронов 780.

Командир XXI-го армейского корпуса,
Генерал от инфантерии барон Бринкен.

**РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26973. Л. 1011–1012. Подлинник.
Машинопись.**

Описание подвига В. И. Селивачева в бою 7 мая 1915 г.

Описание подвига начальника 4 Финл[яндской] стр[елковой] дивизии генерал-майора Селивачева в бою 7 мая 1915 года у дер. Семеновки и Делава.

После отхода частей корпуса по приказанию высшего начальства с Карпат, правофланговая 4 Финл[яндская] стр[елковая] дивизия заняла позицию между реками Тисменица и Сланицей на фронте от дер. Михайловце⁷¹⁴ — Нейдорф⁷¹⁵ — Гай-Вышне (всего 11 верст) (см. схему)⁷¹⁶, причем для обеспечения правого фланга дивизии — у дер. Слонско, уступом назад были расположены 2 роты, 2 горн[ых] орудия и 1 ½ сотни. Позиция на этом фронте была укреплена только с прибытием дивизии в этот район. Позиция имела хороший обстрел впереди лежащей местности, но благодаря своего выступного положения в центре и на левом фланге — подвергалась продольному и перекрестному обстрелу неприятельской артиллерии с трех сторон. Ввиду этих невыгодных свойств правого фланга и центра позиции генерал-майор Селивачев предусмотрительно наметил вторую тыловую позицию, которая спрямляла центр и правый фланг расположения дивизии. Эта вторая тыловая позиция шла по высотам к югу от дер. Слонска, восточнее дер. Делява на дер. Семеновку и далее на опушке леса «Гарб» входила в связь с левым флангом главной позиции. Ко времени первого наступления противника (2 мая) означенная главная позиция имела полную профиль, козырьки и местами проволочные заграждения, тогда как на тыловой позиции были вырыты лишь окопы полной профили. К 7 мая тыловая позиция имела и козырьки.

⁷¹⁴ В другом варианте описания из архива семьи Селивачевых ошибочно указано Михайловцы.

⁷¹⁵ В другом варианте описания из архива семьи Селивачевых ошибочно указано Нейдорер.

⁷¹⁶ Не публикуется.

С 3^{го} мая начинаются ежедневные (днем и ночью) яростные атаки противника сначала на дер. Нейдорф, а по взятии последней (роты 16 Ф[инляндского] стр[елкового] п[олка], занимая дер. Нейдорф как передовой пункт, понеся громадные потери от комбинированного артил[лерийского] огня противника, были отведены к шоссе), главный удар противника был направлен по обеим сторонам Стрийского шоссе, который выводил противника в тыл 1 Финлянд[ской] стр[елковой] дивизии, расположенной южнее 4 Ф[инляндской] стр[елковой] дивизии, что при успехе могло иметь последствием очищение нами Гор[ного] Стрия, а следовательно, и неминуемый отход к Днестру 3 Финл[яндской] стр[елковой] дивизии и всей XI армии. Каждую атаку свою противник тщательно подготавливал ураганным комбинированным огнем своей сильной артиллерии, засыпая наши окопы и сметая все, что попадало под огонь.

В 4 часа утра 7^{го} мая от командира 14 Финл[яндского] стр[елкового] полка было получено донесение, что австрийцы прорвали центр полкового участка, оборонявшегося 5 и 7 ротами. Подробности этого прорыва командиру полка не были известны, так как телефонная связь с командирами батальонов и последних с ротами была порвана. Отдав приказание командиру 14 полка с оставшимися резервами перейти немедленно в контратаку и направив для этой же цели последний свой резерв (три роты 13 Ф[инляндского] стр[елкового] полка), начальник дивизии во главе переданного ему мною из корпусного резерва 2^{го} бат[альона] 5 Финл[яндского] стр[елкового] полка, направился от дер. Гай Нижний на дер. Семеновку. Встретив по дороге отходившие 1^ю батарею 4 Финл[яндского] стр[елкового] арт[иллерийского] дивизиона и горный взвод, генерал Селивачев указал, где стать на позицию, а горному взводу лично указал место позиции на западной опушке леса «Матиник» и здесь же указал командиру 2 батал[иона] 5 Ф[инляндского] стр[елкового] полка капитану Гейнце занять позицию на опушке леса, расположив три роты на опушке севернее дороги на дер. Семеновку и одну роту (7^ю) между этой дорогой и шоссе (в 2^х верстах позади тыловой позиции). Вслед за тем нач[альник] дивизии направился к дер. Делява, где находился штаб

16 Финл[яндского] стр[елкового] полка. Здесь скоро выяснилось, что 14 Финл[яндский] стр[елковый] полк, понеся огромные потери, под натиском многочисленного противника очистил позицию ранее прибытия резервов. Генерал Селивачев тотчас же принял решение отвести дивизию на тыловую позицию, для чего здесь же им были отданы надлежащие распоряжения, а 2 бат[алион] 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка выдвинут с опушки леса в окопы тыловой позиции. С этого времени дер. Делява и все пространство за нею (к востоку) до леса обстреливалось сильнейшим артиллерийским огнем противника. Приняв личное участие в остановке остатков 14 Ф[инляндского] стр[елкового] п[олка] на тыловой позиции, генерал Селивачев направился снова к опушке леса «Матиник». Здесь было получено сведение, что 16 Фин[ляндский] стр[елковый] полк, атакованный с правого фланга, с фронта и с тыла, находится в полном отступлении, причем части его не могли даже занять указанного им участка тыловой позиции. Части же 13 полка, направленные для контратаки, подошли слишком поздно, чтобы поправить дело, и сами, теснимые с правого фланга, должны были с боем пробиться назад, причем отошли в направлении на Торхов. Положение становилось критическим, ибо части 13 и 14 полков могли примкнуть только к правому флангу 2^{го} бат[алиона] 5^{го} Финл[яндского] стр[елкового] полка, а между левофланговой ротой последнего (7^{ой}) и правым флангом 15^{го} полка, находившегося на южной опушке леса «Гарб», образовался двухверстный промежуток, куда австрийцы и устремились большими массами и уже успели проникнуть в лес «Гарб», в тыл 15 Финл[яндскому] стр[елковому] полку и занять шоссе, разделяющее лес «Гарб» от леса «Матиник». Дальнейшее продвижение противника угрожало окружением 15 Ф[инляндского] стр[елкового] полка и вывело его в тыл 1 Фин[ляндской] стр[елковой] дивизии. Положение осложнялось еще тем, что баталион 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка, угрожаемый обходом левого фланга, очистил окопы тыловой позиции и отошел на западную опушку леса «Матиник», левофланговая же рота этого баталиона, угрожаемая не только с фланга, но и с тыла, отошла вся на дорогу из дер. Семеновки в Гай

Нижне, очистив совершенно шоссе. Генерал-майор Селивачев, продолжавший оставаться на этой же дороге, невзирая на сильнейший огонь австрийцев, как ружейный, так и артиллерийский, лично направил 7 роту 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка в контратаку в направлении к шоссе, усилив эту только что подошедшими остатками двух рот 16 Фин[ляндского] стр[елкового] полка. Этой контратакой было выиграно время, в течение которого успел подойти 3^й баталион 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка из корпусного резерва, который по приказанию нач[альни] ка дивизии был направлен от дер. Гай-Нижне к участку шоссе (см. схему) между лесами «Матиник» и «Гарб», с приказанием атаковать австрийцев, выбить их из леса и занять западную опушку последнего. Резервные роты 15 Фин[ляндского] стр[елкового] полка, брошенные от дер. Поток в лес «Гарб» к шоссе, успели приостановить наступление австрийцев и обеспечить правый фланг и тыл 15 Фин[ляндского] стр[елкового] полка. С подходом 3^{го} баталиона 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка эти роты совместно с прибывшим баталионом стремительно атаковали австрийцев и отбросили их из лесов «Гарб» и «Матиник» за дер. Семеновку. Таким образом, наиболее критический момент миновал, осталось лишь довершить задачу, поставленную себе начальником дивизии: задержаться во что бы то ни стало на тыловой позиции. Между тем уже имелись сведения, что все части очистили окопы тыловой позиции и отошли на западную опушку леса «Ивановце», а окопы тыловой позиции уже заняты австрийцами. После отдельного приказа всем частям выдвинуться во что бы то ни стало вперед и занять тыловую позицию, выбив оттуда австрийцев, начальник дивизии, несмотря на сильнейший огонь противника, отправился сам к правому флангу, чтобы проследить за исполнением своего приказа. Австрийцы были отброшены с тыловой позиции, и все окопы вновь заняты нашими войсками. С прибытием 1^{го} бат[алиона] 5 Фин[ляндского] стр[елкового] полка, поставленного в резерв за правым флангом, положение дивизии настолько упрочилось, что натиск противника был остановлен окончательно. Только после этого генерал-майор Селивачев признал возможным

оставить место боя и возвратиться в Гай-Нижне. Появляясь лично на наиболее опасных пунктах, генерал-майор Селивачев, как свидетельствуют очевидцы, подавал всем пример мужества, спокойствия и решимости.

За вышеуказанный подвиг, совершенный генерал-майором Селивачевым, спасший положение дивизии, корпуса и армии, за выказанную им выдающуюся распорядительность при самых тяжелых условиях боя в ночь на 7 мая, за мужество, спокойствие и решимость, им проявленную при управлении частями дивизии в этом бою, я горячо ходатайствую о награждении на основании пункта 2 ст. 8 части I Статута орд[ена] Св. Георгия, орденом Св. Георгия.

Командир 22 арм[ейского] корпуса

Генерал от инфантерии барон Бринкен

Потери дивизии: офицерами: убит 1 оф[ицер], ранено 10, без вести пропало – 8 оф[ицеров].

нижними чинами: убито 832, ранено – 946 и без вести пропало – 784 н[ижних] ч[инов].

Трофеи: взято в плен: 17 офицеров, 640 ниж[них] чинов и 1 пулемет.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 220–221об. Автограф.

**Стихи, посвященные 4-й Финляндской
стрелковой дивизии, написанные
малограмотным стрелком 11-й роты
15-го Финляндского стрелкового полка
Василием Шибановым. 16 марта 1917 г.**

Свистит машина паровая,
везет Финляндские полки
Военны песни распевая,
Летят веселые стрелки...

Их знает Августов и Вильно,
Их знает цепь Карпатских гор,
Их знают Пинские болота,
Волынский лес и темный бор.

Их знает Стырь, Стоход и Висла,
Вилейка, Серет, Стрыпа, Буг,
Златая Липа, Днестр и Хучка,
Где свершена была их тризна,
Где закален военный дух...

Ура. Герою Селивачеву,
Всем командирам и стрелкам
Ура. Геройским всем полкам
и ихним славным знаменам.

РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 83б.

Хроника событий (июль—октябрь 1919 г.)

23 июля — директива главкома С. С. Каменева с планом разгрома войск А. И. Деникина.

27 июля — телеграмма председателя РВСР Л. Д. Троцкого председателю СНК В. И. Ленину с предложением назначить бывшего генерала В. И. Селивачева помощником командующего Южным фронтом, а затем командующим фронтом.

30 июля — назначение Селивачева на пост помощника командующего Южным фронтом.

3 августа — письмо Троцкого в ЦК РКП(б) по поводу назначения Селивачева и подготовки наступления на Южном фронте. Критика направления главного удара, предложенного Каменевым.

Начало августа — назначение Селивачева командующим группой войск в составе 8-й и части 13-й армий с сохранением должности помощника командующего Южным фронтом.

10 августа — 19 сентября — рейд IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова по красным тылам.

14 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке Особой группы В. И. Шорина.

15 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке группы Селивачева.

25 августа — занятие красными Волчанска и Купянска.

26 августа — переход соединений ВСЮР в контрнаступление против группы Селивачева.

26 августа — 2 сентября — бои в районе Валуйки — Купянск — Волчанск.

2 сентября — оставление красными Купянска, начало отступления группы Селивачева на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка.

5 сентября — телеграмма Троцкого и членов РВС Южного фронта Л. П. Серебрякова и М. М. Лашевича главкому Каменеву с копией в ЦК РКП(б) о переносе центра тяжести операции Южного фронта на курско-воронежское направление и с требованием назначить Селивачева

командующим Южным фронтом. Назначение отложено из-за перерыва связи.

6 сентября — телеграмма Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу с протестом от имени Политбюро против пересмотра плана операции.

7–15 сентября — бои в районе Новый Оскол — Бирюч.

7 сентября — принятие Селивачевым на себя временного командования 8-й армией, передача управления группой А. И. Ратайскому.

Около 8 сентября — потеря советским командованием связи с Селивачевым.

11 сентября — взятие Воронежа конницей Мамантова.

— Обсуждение ситуации в группе Селивачева на заседании Политбюро ЦК РКП(б), предложение командировать к Селивачеву чекиста Я. Х. Петерса для предотвращения измены.

12 сентября — протест Троцкого против командирования Петерса.

— Взятие белыми Обояни.

13 сентября — начало тяжелой болезни Селивачева, фактическое прекращение существования его группы.

16 сентября — записка Ленина С. И. Гусеву по ситуации у Селивачева записка Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу по ситуации у Селивачева, предложение командировать Серебрякова комиссаром к Селивачеву.

17 сентября — телеграмма Троцкого Серебрякову и Лашевичу об отсутствии связи с Селивачевым.

— Пленение белыми помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части слушателя академии Генштаба РККА Н. В. Миронцева.

— Около 23.00 — смерть Селивачева в селе Костомаровка на Дону от острого желудочно-кишечного заболевания.

18 сентября — объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Решение отменить командировку Серебрякова к Селивачеву в связи со смертью последнего.

В ночь с 18 на 19 сентября — исчезновение вр.и.д. начальника штаба 8-й армии Генштаба А. С. Нечволодова с супругой Е. К. Нечволодовой из штаба армии в селе Костомаровка.

20 сентября — взятие белыми села Костомаровка, взятие белыми Курска.

21 сентября — взятие белыми Острогожска.

22 сентября — запрос Троцкого Серебрякову о причинах смерти Селивачева.

28 сентября — взятие белыми Землянска.

30 сентября — взятие белыми Воронежа.

2 октября — заседание РВСР, на котором был положительно решен вопрос о материальном обеспечении семьи Селивачева.

— Бегство к белым начальника разведывательного отделения штаба 8-й армии Генштаба В. А. Желтышева и вр.и.д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасова при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа). Вр.и.д. начальника штаба 8-й армии стал Г. С. Горчаков.

4 октября — бегство к белым начальника оперативного отдела штаба 8-й армии Б. П. Лапшина.

После 5 октября — исчезновение начальника тылового штаба армии Генштаба В. В. Вдовьева-Кабардинцева при отступлении 8-й армии.

**Письмо И. Я. Врачева в редакцию
«Военно-исторического журнала»
по поводу спорных моментов биографии
вр.и.д. командующего 8-й советской армией
А. И. Ратайского. 31 марта 1966 г.**

Копия⁷¹⁷

В редакцию «Военно-исторического журнала»
товарищу В. Д. Поликарпову⁷¹⁸

Уважаемый Василий Дмитриевич!
Покойный А. И. Тодорский⁷¹⁹ рассказывал мне, как крепко

⁷¹⁷ Вписано от руки И. Я. Врачевым.

⁷¹⁸ Поликарпов Василий Дмитриевич (13.03.1918–22.03.2008) — известный советский историк, доктор исторических наук (1979), профессор, специалист по истории Гражданской войны. В 1939–1968 гг. — на службе в Советской армии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1951). Полковник. Сотрудник редакции «Военно-исторического журнала». В 1968–1991 гг. — сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор книг «Павел Степанович Нахимов» (1960), «Бурям навстречу» (1961), «Пролог гражданской войны в России» (1976), «Начальный этап гражданской войны: история изучения» (1980), «Военная контрреволюция в России. 1905–1917» (1990).

⁷¹⁹ Тодорский Александр Иванович (01.09.1894–27.08.1965) — родился в с. Деледино Весьегольского уезда Тверской губернии в семье священника. Окончил Краснохолмское духовное училище, обучался в Тверской духовной семинарии (не окончил), на Высших коммерческих курсах в Санкт-Петербурге (не окончил), окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков (1914–1915), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1924–1927). Писарь Тверского окружного суда. С началом Первой мировой войны добровольцем пошел на фронт. Участник Первой мировой войны. В 295-м пехотном Свирском полку. Младший офицер, начальник полковой саперной команды 24-го Сибирского стрелкового полка. Последнее звание в старой армии — капитан. Награжден шестью орденами. Избран председателем полкового комитета (1917). Командир V Сибирского армейского корпуса (с 11.1917). Начальник гарнизона г. Кременец в период немецкой оккупации (1918). После демобилизации вернулся в Весьегонск, редактор уездной газеты. Член РКП(б) с 06.1918. Заведующий отделом агитации Весьегонского комитета РКП(б). Редактор газеты «Известия Тверского губисполкома» (1919). Добровольно поступил в РККА с 08.1919. Участник Гражданской войны. Помощник начальника штаба 39-й стрелковой дивизии по оперативной части, командир 2-й бригады 38-й стрелковой дивизии, командир

Вы позаботились о реабилитации Б. М. Думенко⁷²⁰. Хочу привлечь Ваше внимание еще к одному, менее сложному делу. Я имею в виду одного старого военного специалиста, добросовестно служившего в Красной армии и после своей смерти почему-то причисленного... к нашим врагам. Речь идет об А. И. Ратайском⁷²¹. Вокруг его имени произошли случайные и нехорошие наслоения.

1-й бригады 20-й стрелковой дивизии, начальник 32-й стрелковой дивизии. Командующий Карабахско-Зангезурской группой войск. Заместитель народного комиссара по военным и морским делам Азербайджанской ССР. Командир 2-й Кавказской стрелковой дивизии. Помощник командующего войсками и член РВС Туркестанского фронта, командующий Ферганской группой войск. Председатель центрального партийного бюро Военной академии им. М. В. Фрунзе. Помощник командующего войсками Белорусского военного округа. Начальник штаба и начальник управления военно-учебных заведений РККА. Заместитель начальника Главного управления РККА. Посетил Германию (1928) и Италию (1934) в составе группы командиров. Начальник и комиссар Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (с 1933). Комкор (1935). Начальник управления высших военно-учебных заведений РККА (с 08.1936). Член Военного совета при наркомате обороны СССР. Уволен из РККА по политическому недоброму (17.09.1939). Арестован (19.09.1938). По обвинению в принадлежности к военному заговору в РККА и во вредительстве приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 15 годам лагерей (04.05.1939). Отбыл срок в Ухто-Ижемском (Коми АССР) и Озерном (Иркутская область) лагерях. В ссылке в Красноярском крае (с 06.1953). Реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР 19.03.1955. Освобожден из ссылки (12.04.1955). После реабилитации присвоено звание генерал-лейтенанта. В отставке. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Награды: ордена Красного Знамени РСФСР (1921, 1923), ордена Красного Знамени Армянской ССР (1924), ордена Красного Знамени Азербайджанской ССР (1924), ордена Красной Звезды (1936).

⁷²⁰ Думенко Борис Мокеевич (1888–11.05.1920) — родился в семье украинского крестьянина-бедняка хутора Хомулец-Казачий Области войска Донского. Участник Первой мировой войны. Вахмистр. Участник Гражданской войны. Организовал и возглавил партизанский отряд в хуторе Веселом (весна 1918), командир батальона 3-го сводного крестьянского социалистического полка. Командир 1-го кавалерийского крестьянского социалистического полка (с 07.1918). Командир 1-й Донской советской кавалерийской бригады (с 09.1918). Начальник 1-й сводной кавалерийской дивизии (с 11.1918). Сражался на Южном фронте. Помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части (с 03.1919). Член РКП(б) с 1919. Командующий группой войск 10-й армии (05.1919). Тяжело ранен (05.1919). Командир Сводного кавалерийского корпуса (с 09.1919). Участник взятия Новочеркаска (01.1920). Осужден и расстрелян в Ростове-на-Дону по ложному обвинению. Награды: ордена Красного Знамени (1919), почетное революционное оружие.

⁷²¹ Ратайский Андрей Иосифович (28.11.1870–?) — военный специалист РККА. Учился в Санкт-Петербургской гимназии (курс не окончил), окончил Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. На службе с 29.05.1890. Подпоручик (со ст. с 01.09.1893), поручик (со ст. с 01.09.1897), штабс-капитан (со ст. с 01.09.1901), капитан (со ст. с 01.09.1905), подпол-

Дело в том, что после 1937 года в какой-то брошюре имя Ратайского было отнесено к врагам народа. Вероятно, поэтому в первой книге С. М. Буденного «Пройденный путь» говорится о Ратайском как о перебежчике в стан белых. А воронежский писатель М. Булавин в своем романе «Богучарцы», назвав Ратайского бывшим царским генералом, изобразил его как заведомого шпиона, являвшегося представителем белогвардейцев... в штабе 8-й армии.

Меня это поражало, так как я сохранил в памяти Ратайского как добросовестного военного специалиста, лояльно относившегося к советской власти. Я знал его с 1918 года. В августе 1918 года я был назначен военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в октябре того же года в 13-ю стр[елковую] дивизию. Начальником дивизии был А. И. Ратайский.

Мое положительное мнение о Ратайском разделяет и бывший комиссар 12-й стр[елковой] дивизии и комиссар штаба 8-й армии И. А. Чуев. Он передавал мне, что и бывший заместитель начальника политотдела 8-й армии тов. Алексева удивляется, как это имя Ратайского причислено к изменникам.

Я помню, что вопрос о Ратайском возникал среди членов Военно-исторического общества (в группе 8-й армии). Покойный М. М. Пурьжинский, порывшись в архивах, нашел два приказа войскам 8-й армии осени 1919 года, после рейда Мамонтова. В одном приказе объявлялось, что бывшего вр.и.д. командующего армией Ратайского следует считать пропавшим без вести, а в другом, во изменение предыдущего, — попавшим в плен.

ковник, полковник (со ст. с 08.12.1915). На службе в 1-му Лейб-гренадерском Екатеринославском полку. Участник кампании 1900–1901 гг. и Русско-японской войны (оборона Порт-Артура), ранен, причислен к 3-му классу раненых. В 13-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. На службе в РККА. Командующий 8-й армией (вр.и.д., 03.07–12.10.1919). Инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначен в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта (с 29.02.1920). Награды: ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1901), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2-й степени с мечами (1904), Св. Анны 2-й степени с мечами (1905), Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1905).

Недавно я запросил генерал-лейтенанта Б. К. Колчигина⁷²² (с которым состою в переписке), что ему известно о Ратайском. Ответ пришел такой.

А. И. Ратайский был скромным человеком. В царской армии он лет пятнадцать командовал ротой. Дослужился до полковника. Был в родственных отношениях с крупнейшим военным специалистом Красной армии П. П. Лебедевым. Б. К. Колчигин встретился с Ратайским в Москве, на Арбатской площади, в 1922 году. Ратайский пригласил Колчигина к себе домой (жил Ратайский на Большом Конюшенном переулке, а работал в каком-то гражданском учре-

⁷²² Колчигин Богдан Константинович (03.12.1895–25.10.1976) – родился на хуторе Копанка Изюмского уезда Харьковской губернии (по другим данным – в Киеве). Генерал-майор (с 04.06.1940), генерал-лейтенант (с 05.03.1944). Кандидат военных наук, доцент. В русской армии с 05.1914. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1904), усовершенный курс Александровского военного училища (1914), Военные академические курсы высшего начсостава, КУВНАС при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1928). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном и Западном фронтах. Капитан. На службе в Лейб-гвардии Литовском полку. Избран солдатами командиром батальона, затем полка. В РККА (с 1918). Участник Гражданской войны. Командир 1-й бригады 1-й Воронежской стрелковой дивизии (с 06.1918), начальник 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в 13-ю стрелковую. Командовал 41-й стрелковой дивизией (с 04.1919), начальник экспедиционной дивизии 8-й армии Южного фронта (с 05.1919), командовал 1-й рабочей Московской, 13-й (28.06–13.09.1919) стрелковыми дивизиями, отдельной образцовой ударной бригадой 8-й армии (с 11.1919). Командующий войсками Донской области (с 03.1920). Начальник 2-й Донской стрелковой дивизии (с 05.1920). Вр.д. командующего войсками Витебского района (с 09.1921). Командовал 5-й (с 01.1922), 52-й и 11-й стрелковыми дивизиями. Помощник инспектора пехоты РККА (с 07.1929). Военный руководитель Московского государственного института журналистики (с 07.1931), начальник отдела управления механизации и моторизации РККА (с 11.1932), начальник кафедры общей тактики Военной технической академии связи им. В. Н. Подбельского (с 01.1935), для особых поручений при командующем ОКДВА (с 02.1936). Преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе (с 08.1937), позднее – начальник кафедры. Начальник кафедры общей тактики Высшей военной школы ПВО Красной армии (с 06.1941). Участник Великой Отечественной войны. Заместитель командующего 4-й резервной армией (с 09.1942), 3-й гвардейской армией Юго-Западного фронта (03–05.1943). Освобожден от должности по несоответствию, назначен командиром 34-го стрелкового корпуса (05.1943). Командир 96-го стрелкового корпуса (с 01.1944). Командир 7-го гвардейского стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта (с 02.1944). Ранен в боях за г. Пустошка. С 06.1945 г. в отставке по болезни. Награды: орден Красного Знамени (трижды – 1919 г., 1923 г.), орден Ленина, орден Кутузова 2-й степени (1944), Суворова 2-й степени, медали.

ждении). Второй раз Б. К. Колчигин встретился с Ратайским также в Москве, на Моховой улице, в 1928 году. Ратайский сообщил, что ему установлена пенсия за его службу в Красной армии, но он все еще работает в тресте (каком — Колчигин не запомнил) консультантом.

В 1933 году Б. К. Колчигин встретился в Наркомате обороны с сыном Ратайского, работавшим в Военно-топографическом управлении. Он сообщил о смерти отца.

Когда вышла книга С. М. Буденного «Пройденный путь», Б. К. Колчигин сообщил обо всем этом (в отношении А. И. Ратайского) и по другим ошибочным и неточным моментам труда автору книги и получил ответ от секретаря маршала, что С. М. Буденный признал, что представленный ему материал написан со знанием дела и что он будет учтен при переиздании книги. Но 1-я книга «Пройденного пути» пока еще не переиздавалась.

Запрошенный мною по этому вопросу повторно Б. К. Колчигин ответил, что он написал «то, за что готов нести всегда ответственность» и что он не возражает против ссылки на его письмо в печати.

Хочется привести еще одно свидетельство в пользу Ратайского. В 40-й дивизии в 1919 году командовал 2-й бригадой квалифицированный и честный пожилой военный специалист В. В. Страхович⁷²³. Я хорошо его помню, так как был в то время комиссаром 40-й дивизии. В своих воспоминаниях В. В. Страхович пишет:

«3 сентября в 11 часов из штарма, расположенного в Лисках, прибыл ординарец с личным приказанием командарма Ратайского: немедленно прибыть с бригадой в Лиски. В 12 часов бригада уже выступила. Дорога была тяжелая, моросил дождь; обогнав бригаду, я поспешил в Лиски, в штаб. Оказалось, что весь штаб уже выбыл в Воронеж, и только командарм ожидал моего прибытия. По имевшимся сведениям, Мамонтов намеревался 4 сентября занять Лиски, стремясь тем самым прервать связь фронта с тылом.

⁷²³ Страхович В. В. — военный специалист РККА. Командир 2-й Кубанской бригады 33-й стрелковой дивизии. Командир 2-й бригады 40-й Богучарской стрелковой дивизии (с 28.07.1919).

Последними словами командарма были: “Умрите, но Лиски должны быть в наших руках”. С этими словами командарм выбыл на бронепоезде в Воронеж»⁷²⁴.

Книга, в которой помещены воспоминания В. В. Страховича, была подготовлена к изданию Ис[т]партоделом Обкома ВКП(б) ЦЧО⁷²⁵ и вышла в 1933 году. Если бы Ратайский совершил изменнический поступок, мог ли не знать об этом Отдел истории партии и Октябрьской революции Обкома? Не подлежит сомнению, что версия об измене и предательстве Ратайского вошла в оборот после трагических событий 1937–1938 годов. Кого тогда только не зачисляли в списки «врагов народа»! Мне, например, пришлось читать объемистый «труд» некоего Н. Д. Головачева (к счастью, не изданного), в котором объявлялись предателями и врагами М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, В. И. Шорин, А. И. Егоров, М. М. Лашевич, Г. Я. Сокольников, В. М. Гиттис⁷²⁶, И. Э. Якир; делались выпады против такого крупнейшего и безупречного деятеля партии, как С. И. Гусев; возводились поклепы на бывшего Главкома С. С. Каменева.

Пора снять темное пятно с памяти крупного военного специалиста, добросовестно послужившего в Красной армии в период ее зарождения и становления и в ходе смертельной схватки с белогвардейцами на Юге. Но как это сделать? Не смогли бы Вы, Василий Дмитриевич, оказать содействие? Может быть, окажется полезным открытое письмо по этому поводу Б. К. Колчигина? А куда? В Ваш журнал или в «Красную звезду»?

С приветом и уважением

И. Врачев⁷²⁷

⁷²⁴ Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. Книгоиздательство «Коммуна», Воронеж, 1933, стр. 165 (примеч. автора). Автор неточен, т.к. 13 сентября командование армией вновь было передано Ратайскому в связи с болезнью Селивачева. Более того, Ратайский указан в приказе РВСР по личному составу армии № 278 от 6 июня 1920 г. как инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначенный в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта с 29 февраля 1920 г. Таким образом, если Ратайский и находился в плену или пропал без вести осенью 1919 г., то на конец февраля 1920 г. вновь числился в РККА (подробнее см.: Сборник приказов РВСР по личному составу армии. 1920 г.).

⁷²⁵ ЦЧО — Центрально-Черноземная область.

⁷²⁶ В документе ошибочно указано — В. В. Гиттис.

⁷²⁷ Врачев Иван Яковлевич (14.04.1898 — после 1990) — родился в Екатеринодаре в семье кочагара и прачки. Окончил 3 класса церковно-

31 марта 1966 г.

Адрес:⁷²⁸

Иван Яковлевич Врачев

РГВА. Ф. 40874. Оп. 22. Д. 9. Л. 1–2об. Заверенная машинописная копия.

приходской школы. Член РСДРП(б) с 03.1917. В 58-м пехотном запасном полку (Воронеж, 1917). Член ВЦИК. Участник Гражданской войны. Военный комиссар 3-й Воронежской пехотной дивизии (с 08.1918), 13-й стрелковой дивизии, 40-й Богучарской стрелковой дивизии (05.11.1919–20.03.1920). Помощник командующего Кавказской трудовой армией по политчасти (1920–1921). Помощник командующего и командующий войсками Ферганской области (1922). Начальник политуправления Отдельной Кавказской армии (с 1922). Исключен из партии как троцкист (1927), восстановлен (1930) и вновь исключен (1936). В ссылке (1937). Участник Великой Отечественной войны. Арестован (1949) и осужден Особым совещанием на 25 лет лишения свободы. Освобожден и реабилитирован (1956). Награды: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и др.

⁷²⁸ Не публикуется.

Динамика численности боевого состава Вооруженных сил на Юге России в период решающих операций 1919 г.

Дата	Штыков	Сабель	Сапер	Орудий	Пулеметов	Бронепоездов / бронемашин / танков	Самолетов
01(14).01.1919	42 466, 5143 невооруженных		–	168	620	–	–
07(20).03.1919	51 436	41 024	724	459	1286	17 / 14	56
05(18).04.1919	34 199	35 332	2283	386	1430	14 / 7	28
05(18).05.1919	36 741	27 922	2397	397	1532	17 / 15	40
20.06 (03.07).1919	67 483	36 514	3152	410, 12 бомбометов	2071	33 / 32 / 12	60
05(18).07.1919	89 273	44 022	3484	495, 22 бомбомета	1918	39 / 41 / 12	66
05(18).08.1919	106 104	41 043	7846	621, 15 бомбометов	2592	39 / 38 (6 в ремонте) / 28	44
05(18).09.1919	99 384	42 031	2955	633	2427	38 / 28 / 38	61
05(18).10.1919	107 395	45 687	5387	601	2753	41 / 26 (8 в ремонте) / 38	72
20.10 (02.11).1919	97 246	44 337	7709	763 [985]	2721	42 / 27 / 21 [17]	31
05(18).11.1919	80 276	42 351	5783	695	2750	42 / 12 / 22	48

Составлено по: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 20, 79об., 100, 125, 203, 239; Д. 35. Л. 49, 126об., 166, 226об., 250об. В квадратных скобках уточненные данные.

**Ведомость боевого состава
Вооруженных сил на Юге России
на 20 октября (2 ноября) 1919 г.**

Группа войск	Штыков	Сабель	Сапер	Орудий	Пулеметов	Бронепоездов / броневых автомобилей / танков	Самолетов
Войска Северного Кавказа	12 083	4632	402	91	280	11 бронепоездов, в т.ч. 3 на формировании	4 исправных из 6
Кавказская армия	10 025	6930	2287	348	439	15 (в т.ч. 5 в ремонте) / 6 (в т.ч. 2 в ремонте) / 7	–
Донская армия	35 174	23 860	1736	218	994	7 / 2	7
Добровольческая армия	18 716	4622	1309	106	559	11 / 14 (в т.ч. 4 в ремонте) / 10	–
Войска Киевской области	10 273	1144	1311	92	213	4 / 3	3
Войска Новороссии	5044	1231	470	108	137	3 / 8	–
Войска побережья	5931	1918	194	22	109	–	–
Части, не входящие в состав армии	–	–	–	–	–	–	–
Всего:	97 246	44 337	7 709	763 [985]	2 721	42 / 27 / 21 [17]	31
Запасные части	7 625	–	–	–	60	–	–
Гарнизоны ⁷²⁹	14 472	35	–	23	83	–	–

Составлено по: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 35. Л. 209об., 212об., 217об., 220об., 222, 224, 225об., 228–228об. В квадратных скобках уточненные данные.

⁷²⁹ Ростов-на-Дону, Таганрог, Ейск, Севастополь, Одесса, Симферополь, Феодосия, Ялта, Керчь, Очаков, Кривой Рог, Херсон, Алешки, Ананьев, Тирасполь, Евпатория.

Боевой состав Донской армии к 15 (28) октября 1919 г.

Наименование соединений, командир	Пехотных полков	Конных полков	Штыков	Шашек	Орудий	Пулеметов	Вспомогательных команд
I Донской отдельный корпус. Генерального штаба генерал-майор Н. Н. Алексеев	6	7	4273 (8061)	5035 (5713)	32 (34)	145	2986 (1456)
II Донской отдельный корпус. Генерального штаба генерал-майор П. И. Коновалов	10	9	7969	8327	64	287	4009 (1674)
III Донской отдельный корпус. Генерал-лейтенант М. М. Иванов	16	6	11 804 (15 990)	4062 (3842)	87 (88)	414 (375)	8706 (4598)
IV Донской отдельный конный корпус. Генерал-лейтенант К. К. Мамантов	–	8	–	2516	10	58	–
Всего в армии:	32	30	24 046 (32 020)	19 940 (20 398)	193 (196)	904 (865)	15 701 (7728)

Составлено по: РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1. Л. 198. В круглых скобках второй вариант тех же данных — Там же. Л. 205.

Специалисты Генерального штаба 8-й армии на сентябрь—октябрь 1919 г.

Фамилия, имя, отчество	Дата выпуска из Военной академии	Звание в старой армии	Занимаемая должность	Местонахождение вне штаба армии в сентябре—октябре 1919 г.
Любимов Владимир Виссарионович	1914 / 1915	Подполковник	Командующий армией (с 12.05.1919)	В отпуску по болезни, переведен в 7-ю армию
Селивачев Владимир Иванович	1894	Генерал-лейтенант	Вр.и.д. командующего армией (07—13.09.1919)	13.09.1919 заболел и 17.09.1919 скончался
Тарасов Владимир Федорович	1917	Капитан	Состоящий в распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (с 07.08.1919), вр.и.д. начальника штаба армии (10.08—07.09.1919), вр.и.д. начальника оперативного отдела штаба армии (07—17.09.1919), вр.и.д. начальника штаба армии (19.09—02.10.1919)	Пропал без вести 02.10.1919 при переводе штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную, перешел на сторону белых
Нечволодов Александр Семенович	1909	Полковник	Состоящий в распоряжении командующего группы, помощника командующего Южным фронтом В. И. Селивачева, вр.и.д. начальника штаба армии (07—19.09.1919)	Перешел на сторону белых в ночь на 19.09.1919
Голубев Сергей Николаевич	1917	Капитан	Начальник оперативного отдела штаба армии (с 08.04.1919)	В отпуску по болезни (с 28.07.1919), переведен в 5-ю армию (26.10.1919)
Лапшин Борис Павлович	1917	Подполковник	Помощник начальника оперативного отдела штаба армии (с 12.04.1919)	В отпуску по болезни, из отпуски не возвратился, числился в бегах (с 04.10.1919) и перешел на сторону белых
Желтышев Владимир Александрович	1898	Генерал-майор	Начальник общего отдела штаба армии, вр.и.д. начальника разведывательного отделения штаба армии	Пропал без вести 02.10.1919 при переводе штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную
Вдовьев-Кабардинцев Василий Васильевич	1911, 2 класса по 1-му разряду без перевода в Генеральный штаб, переведен в 1918 г.	Полковник	Начальник разведывательного отделения штаба армии, инспектор кавалерии армии, вр.и.д. начальника тылового штаба армии (с 05.10.1919)	Пропал без вести при отступлении 8-й армии, перешел на сторону белых

Фамилия, имя, отчество	Дата выпуска из Военной академии	Звание в старой армии	Занимаемая должность	Местонахождение вне штаба армии в сентябре – октябре 1919 г.
Горчаков Григорий Сергеевич	1918, отчислен	Капитан	Начальник оперативного отделения оперативного отдела штаба армии (с 31.07.1919), вр.и.д. начальника штаба группы В.И. Селивачева (07–13.09.1919), вр.и.д. начальника штаба армии (с 02.10.1919)	В отпуску (после 17.10.1919)
Кованько Иосиф Владимирович	1917, не окончил	Капитан	В прикомандировании к оперативному отделу штаба армии, начальник тылового штаба армии (на 04.10.1919), вр.и.д. начальника оперативного отдела тылового штаба армии (05.10–10.11.1919)	–
Негродов Борис Леонтьевич	1916, не окончил	Подполковник	Начальник штаба армии (до 10.08.1919)	В отпуску по болезни, переведен в штаб Приволжского военного округа (16.09.1919)
Коновалов Александр Никитич	Кратковременно обучался на младшем ускоренном курсе академии в Екатеринбурге	Поручик	Вр.и.д. начальника штаба армии (на 19.09.1919)	В отпуску по болезни (на 01.10.1919), остался в Козлове
Миронцев Николай Васильевич	Слушатель академии Генерального штаба РККА	–	Помощник начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части	Попал в плен 17.09.1919
Мирошников Захар Васильевич	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Прапорщик	При штабе 1-й бригады 13-й стрелковой дивизии (с 13.08.1919)	–
Ягунов Петр Алексеевич	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Штабскапитан	Помощник начальника штаба 12-й стрелковой дивизии	–
Морозов Павел Ефремович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Поручик	Помощник начальника штаба 13-й стрелковой дивизии по оперативной части	–
Петрусевич Бронислав Венедиктович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Штабскапитан	Помощник начальника штаба 3-й бригады 12-й стрелковой дивизии по оперативной части	–
Попов-Раменский Борис Михайлович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Штабскапитан	Заместитель начальника штаба 33-й стрелковой дивизии	Переведен в 11-ю кавалерийскую дивизию (с 25.09.1919)

Фамилия, имя, отчество	Дата выпуска из Военной академии	Звание в старой армии	Занимаемая должность	Местонахождение вне штаба армии в сентябре—октябре 1919 г.
Романов Владимир Иванович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Подпоручик	Помощник начальника штаба 2-й бригады 33-й стрелковой дивизии	—
Казаров Иосиф Александрович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	—	Младший помощник начальника штаба 31-й стрелковой дивизии	—
Велесевич (Велесевич) Иван Николаевич	Слушатель академии Генерального штаба РККА	Подпрапорщик	—	—
Криворотенко Александр Иосифович	Слушатель академии Генерального штаба РККА	—	Начальник штаба 1-й бригады 40-й стрелковой дивизии	—

Составлено по: РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 73. Л. 1об.—3об.; Д. 359. Л. 253, 264—264об.; Оп. 7. Д. 13. Л. 5, 7, 9; Ф. 192. Оп. 3. Д. 1756. Л. 114; Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 137; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.

Командный состав группы Селивачева (август—сентябрь 1919 г.)

Командующие группой: В. И. Селивачев (около 13.08–07.09.1919); А. И. Ратайский (вр.и.д., 07–13.09.1919)

Начальник штаба группы: Г. С. Горчаков (вр.и.д., 07–13.09.1919)

Члены РВС: В. А. Барышников, В. Х. Ауссем

8-я армия

Командующие: А. И. Ратайский (вр.и.д., 03.07–07.09.1919; 13.09–12.10.1919), В. И. Селивачев (вр.и.д., 07–13.09.1919)

Члены РВС: Я. И. Весник (07.11.1918–28.08.1919), В. А. Барышников (06.06–09.1919), Г. И. Окулова-Теодорович (19.06–17.11.1919), В. Х. Ауссем (26.06–04.10.1919)

Начальники штаба: А. С. Нечволодов (22.07–10.08.1919), В. Ф. Тарасов (вр.и.д., 10.08–07.09.1919), А. С. Нечволодов (вр.и.д., 07–19.09.1919), А. Н. Коновалов (вр.и.д., на 19.09.1919), В. Ф. Тарасов (вр.и.д. 19.09–02.10.1919)

12-я стрелковая дивизия

Начдив А. Г. Рева (03.08.1919–03.03.1920)

13-я стрелковая дивизия

Начдивы: Б. К. Колчигин (28.06–13.09.1919), С. Б. Вольнский (13.09–06.10.1919)

Военкомы: Н. Н. Баранов (12.06–14.10.1919), Я. М. Жигур (02.02–14.11.1919)

15-я стрелковая дивизия

Начдив Я. Я. Лацис (30.06.1918–14.11.1919)

Военком А. П. Упельник (11.05–06.12.1919)

16-я стрелковая дивизия

Начдивы: Р. П. Эйдеман (04.03–01.08.1919), С. П. Медведовский (02.08.1919–17.05.1922)

Военком Н. Ф. Осипов (18.07.1919–01.03.1920)

31-я стрелковая дивизия

Начдивы: А. Д. Малявинский (вр.и.д., 07.03–29.09.1919),
А. И. Седякин (29.09.1919–16.02.1920)
Военком М. М. Гаранкин (09.06–02.11.1919)

33-я стрелковая дивизия

Начдив М. К. Левандовский (06.05.1919–17.03.1920)
Военкомы: Л. В. Ивницкий (вр.и.д., 03.07–14.08.1919),
О. А. Стигга (14.08.1919–25.08.1920)

40-я стрелковая дивизия

Начдивы: М. И. Василенко (13.06–08.08.1919),
В. В. Страхович (вр.и.д., 08–17.08.1919), П. С. Грживо-Дом-
бровский (17.08.1919–03.04.1920)
Военком М. И. Ермоленко (18.06–08.11.1919)

13-я армия

Командующие: А. И. Геккер (16.04.1919–18.02.1920),
В. К. Гондель (вр.и.д., на 08.1919)
Члены РВС: И. В. Косиор (26.04–02.11.1919), В. И. Плятт
(01.06–28.09.1919), Г. Л. Пятаков (28.06–03.11.1919)
Начальник штаба А. М. Зайончковский (вр.и.д.,
03.07.1919–26.02.1920)

3-я стрелковая дивизия

Начдивы: В. К. Гондель (02.09–24.10.1919), Н. С. Мах-
ров (вр.и.д., 16.07–27.08.1919), Н. В. Куйбышев (вр.и.д.,
27.08–02.09.1919)
Военкомы: Н. В. Куйбышев (13.01–02.09.1919),
Н. В. Серебрянников (17.01–11.09.1919), М. Миронов (02–
21.09.1919), Г. К. Прядченко (вр.и.д., 11.09–07.10.1919)

7-я стрелковая дивизия

Начдив А. В. Соболев (14.04–11.10.1919)
Военкомы: М. И. Холопьянкин (05.06–11.10.1919),
В. А. Шумайлов (05.06.1919–14.01.1920)

9-я стрелковая дивизия

Начдивы: М. А. Орлов (30.05–18.09.1919), И. Л. Шукевич (вр.и.д., 18.09–03.10.1919)

Военкомы: Петрашин (01.07–06.09.1919), А. Г. Борщевский (06–26.09.1919), С. П. Восков (26.09.1919–14.03.1920)

42-я стрелковая дивизия

Начдивы: А. Д. Козицкий (26.06–09.08.1919), Г. Д. Гай (09.08–10.09.1919), И. Х. Паука (10.09.1919–18.02.1920)

Военком Н. Сасов (03.06–21.10.1919)

**Сводка разведывательного отделения
штаба Главнокомандующего ВСЮР
к 11(24) ноября 1919 г. с показаниями
генштабиста В. Ф. Тарасова**

Сводка № 1179

Разведывательного отделения штаба Главнокомандующего
Вооруженными силами Юга России
по данным к 11 ноября 1919 года.

(показание прибывшего из Советской России капитана
В. Ф. Тарасова)

В первой половине сентября с/г в Революционном совете Южного фронта происходил ряд заседаний с представителями советской ставки по вопросам, связанным с зимней кампанией текущего года.

Главком Каменев оценивал фронты так:

1) Южный фронт — важнейший, и он должен был перейти в решительное наступление;

2) Западный фронт — второстепенный — имел задачу прикрыть страну с запада. Рассчитывали, что Западный фронт свою задачу не только сможет выполнить, но даже сможет перебросить часть сил на помощь Южному;

3) Северный и Восточный фронты будут продолжать активные действия или обороняться, в зависимости от сил, которые смогут быть оставлены на этих фронтах. Все, что только возможно, должно быть перебросено на Южный фронт. Северную армию Архангельского правительства и Сибирскую армию советское командование до весны не принимало совершенно во внимание, считая их малочисленными и небоеспособными.

В августе сего года командование Южного фронта, убедившись в полной невозможности для Красной армии обороняться, решило переходом в наступление проверить взгляд, что Красная армия может иметь успех, лишь

наступаая. И хотя наступление кончилось неудачно, все же командование Южного фронта осталось довольно его результатами и начало подготовку к зимней кампании.

В решительное наступление предполагалось перейти в ноябре — декабре, тогда, когда выпадет глубокий снег, который стеснит действия конницы, а также к каковому времени закончатся все переброски на Юж[ный] фронт и закончатся все тыловые формирования.

Основанием для решения наступать было следующее:

1) Красная армия может рассчитывать на успех, лишь наступаая, оборона для нее всегда неудачна.

2) Главная угроза для Красной армии — конница Добрармии — будет стеснена снегом и лишена подвижности.

3) Снег стеснит возможность маневров Добрармии, что особенно важно, так как Красная армия не может маневрировать.

4) Глубокий снег заставит бездействовать конницу Добрармии или значительную ее часть и этим сильно ослабит Добрармию, так как по расчетам советского командования конница составляет 50% войск Юга России.

5) Добровольческая армия, благодаря своему росту, должна будет пополняться не только добровольцами, но и мобилизованными, благодаря чему потеряет свою однородность, сплоченность и отчасти моральную устойчивость в бою, а главное, начнет поддаваться пропаганде, которую до августа с/г было вести почти невозможно.

6) Иностранческий элемент не окажет сильного сопротивления при обороне, так как, по мнению советского командования, его боеспособность не велика и поддерживается лишь алчностью к добыче при наступлении.

7) Казачество и иностранческий элемент за лето настолько разбогатели, что не захотят особенно рисковать своей жизнью.

8) Тыл Добрармии должен представлять к этому времени кипящий котел политических страстей (агитация ведется среди крестьян, главным образом по земельному вопросу).

9) Тыл и железные дороги должны быть разрушены оставшими бандами и красными партизанскими отрядами.

10) Офицерство Добармии потеряет свою однородность и разделится на три группы: коренные добровольцы, мобилизованные и служившие в Красной армии, у Петлюры и т.д.

11) Войска Юга России не будут снабжены теплым обмундированием.

Для подготовки зимнего наступления советским командованием были приняты следующие меры, рассчитанные [на то], что Добармия, хотя и наносит тяжелые удары, но никогда не добывает Красную армию до конца.

1) Были приняты все меры для увеличения численности войск Южного фронта, как присылкой новых частей, так и доведением боевого состава до штата, дабы задавить Добармию массой.

2) В тылу шла усиленная работа по сколачиванию частей и обращено было особое внимание на подготовку красноармейцев в запасных частях

3) Проверены были запасы зимнего обмундирования и обуви в частях и складах армий и фронта. Теплового обмундирования, полушубков и ватных телогреек с шароварами было достаточно для зимнего похода всего фронта, а в обуви чувствовался недостаток.

4) Усилена была пропаганда, особенно в тылу Добармии.

а) Среди крестьян велась пропаганда на тему земельного вопроса и

б) Были даны задания агентам внести рознь в офицерской среде и подорвать престиж офицера в обществе (часть агентов под видом офицеров была направлена в войсковые части). Агенты пользуются документами убитых чрезвычайчиками офицеров.

5) Членам киевского советского правительства было предложено перебраться на Украину для нелегальной работы.

6) Высланы агенты для производства взрывов мостов, железных дорог и организации восстаний.

7) Ассигнованы большие суммы для поддержки крайних политических партий на Юге России.

8) Переправлено и оставлено при отходе много взрывчатого вещества и оружия для коммунистических боевых организаций, главным образом, Ростовской, Екатеринодарской и Таганрогской.

Командующий Южным фронтом бывший генерал Генерального штаба Егорьев неоднократно заявлял, что свою жизнь он поставил на карту и что спасти ее может лишь успех на фронте. Работает Егорьев добросовестно и с решимостью человека, порвавшего со всем своим прошлым. Большим на него влиянием пользуется член Революционного совета фронта Сокольников, весьма неглупый, энергичный и настойчивый еврей, мечтающий о военной карьере. Сокольников настаивал всегда и требовал только наступления.

Генерального штаба

Полковник

НИА. Vrangell Collection. Box 39. Folder 9. Машинописная копия.

Источники и литература

Архивные источники

**Архив Гуверовского института
(Hoover Institution Archives, Stanford University, HIA)**

1. V.E. Flug Collection. Box 2.
2. N.D. Zarin Collection. Box 1.
3. Vrangel Collection. Box 39. Folder 9.

**Российский государственный исторический архив
(РГИА)**

4. Ф. 1343. Департамент герольдии Правительствующего Сената. Оп. 29. Д. 1989, 1990, 1995; Оп. 49. Д. 1579.

**Российский государственный военно-исторический архив
(РГВИА)**

5. Ф. 96. В. И. Селивачев. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 29, 30. Ч. 1, 35, 37.
6. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. Оп. 10. Д. 824; Оп. 12. Д. 26973, 26979.
7. Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149–082 (1918 г.).
8. Ф. 796. Архив филиала Центрального государственного военно-исторического архива СССР в г. Ленинграде. Оп. 1. Д. 1, 2, 13, 18, 19.
9. Ф. 800. Российский государственный военно-исторический архив. Оп. 1. Д. 285, 1415.

10. Ф. 2222. Штаб XXII армейского корпуса. Оп. 1. Д. 583.
11. Ф. 2273. Штаб XLIX армейского корпуса. Оп. 1. Д. 3, 28а.
12. Ф. 2538. 4-я Финляндская стрелковая дивизия. Оп. 2. Д. 7, 67.

**Российский государственный военный архив
(РГВА)**

13. Ф. 6. Полевой штаб РВСР. Оп. 1. Д. 36; Оп. 2. Д. 1; Оп. 4. Д. 155, 918, 941; Оп. 5. Д. 66; Оп. 10. Д. 3, 11.
14. Ф. 10. Инспекция при РВС СССР (бывшая Высшая военная инспекция). Оп. 1. Д. 1334.
15. Ф. 11. Всероссийский главный штаб. Оп. 1. Д. 60, 83; Оп. 5. Д. 11, 69, 1009, 1043.
16. Ф. 100. Управление армиями Южного фронта. Оп. 3. Д. 498.
17. Ф. 191. Управление 8-й армии. Оп. 3. Д. 73, 138, 273, 275, 357, 359, 466; Оп. 7. Д. 6, 13; Оп. 8. Д. 1.
18. Ф. 192. Управление 9-й Кубанской армии. Оп. 3. Д. 1756.
19. Ф. 316. Штаб группы В. И. Селивачева (Штаб объединенного командования группы войск 8-й и 13-й армий). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.
20. Ф. 24380. Революционный военный трибунал РВСР. Оп. 7. Д. 24.
21. Ф. 24696. Военная академия им. М. В. Фрунзе. Оп. 1. Д. 56.

22. Ф. 33987. Секретариат председателя РВСР – РВС СССР. Оп. 2. Д. 32, 89.
23. Ф. 39348. И. И. Вацетис. Оп. 1. Д. 8.
24. Ф. 39457. Штаб Донской армии. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1.
25. Ф. 39540. Штаб главнокомандующего Русской армии. Оп. 1. Д. 34, 35.
26. Ф. 40136. Штаб III Донского отдельного корпуса. Оп. 1. Д. 1, 4, 13, 14, 18.
27. Ф. 40874. Участники вооруженной защиты Отечества. Оп. 22. Д. 9.

**Государственный архив Российской Федерации
(ГА РФ)**

28. Ф. А-482. Министерство здравоохранения РСФСР. Оп. 40. Д. 1835.
29. Ф. А-539. Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете министров РСФСР. Оп. 3. Д. 419.
30. Ф. А-2306. Министерство просвещения РСФСР. Оп. 56. Д. 227, 228, 826.
31. Ф. Р-447. Судебно-следственная комиссия при штабе Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Оп. 2. Д. 48.
32. Ф. Р-5325. Главное архивное управление при Совете министров СССР. Оп. 9. Д. 20, 65; Оп. 12. Д. 1732.
33. Ф. Р-5853. А.А. фон Лампе. Оп. 1. Д. 1, 10, 24.

34. Ф. Р-5867. Общество северян по сбору и изданию материалов о Гражданской войне на Севере Европейской части России. Оп. 1. Д. 5.
35. Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Д. 81; Оп. 2. Д. 235.
36. Ф. Р-6559. В. А. Замбржицкий. Оп. 1. Д. 5, 6.
37. Ф. Р-8419. Московский политический Красный Крест. Оп. 1. Д. 252.

Архив регионального управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области

38. Д. П-14080. М. В. Фастыковский.

Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва)

39. Полный послужной список капитана Селивачева 1^{го}. Составлен 23 сентября 1870 г.
40. Документы следственного дела Д. Д. Зуева. 1930–1931 гг.
41. Справка Управления КГБ СССР по Новгородской области от 04.06.1990 № 3–3.

Архив семьи Снесаревых (Москва)

42. Дневник А. Е. Снесарева за 1917 г.

Опубликованные источники

43. *Апухтин С.* На фронте после революции // Военная быль (Париж). 1968. Июль. № 92.
44. *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль (Париж). 1968. Март. № 90; 1969. Январь. № 95; Июль. № 98; Сентябрь. № 99.
45. *Барт А.* На фронте артиллерийского снабжения // Былое (Ленинград). 1925. № 5 (33).
46. *Бастунов В.* О формировании 4-й Финляндской стрелковой бригады (краткая историческая справка) // Военная быль (Париж). 1966. Сентябрь. № 81.
47. Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996.
48. *Борман А. А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 1.
49. *Буденный С. М.* Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958.
50. *Верховский А. И.* Россия на Голгофе: (Из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918.
51. *Верцинский Э. А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929.
52. *Галич Ю.* Красный главком // Красный хоровод: Повести; Рассказы. М., 2008.
53. *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни: В 2 т. Т. 2. Париж, 1970.

54. *Г.К.* Подземная минная война в Карпатах и наши саперы // Военная быль (Париж). 1969. Март. № 96.
55. *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997.
56. *Гурко В.* Война и революция в России: Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007.
57. *Демьяненко Я.* Бой финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль (Париж). 1960. Январь. № 40.
58. *Демьяненко Я.* Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм // Военная быль (Париж). 1966. Июль. № 80.
59. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: В 3 кн. Кн. 1. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 2003.
60. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003.
61. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5: Вооруженные силы Юга России. М., 2003.
62. *Деникин А.И.* Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006.
63. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005.
64. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) 1 июля – 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301).
65. Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969.
66. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. Т. 2. М., 1972.

67. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. Т. 4: Материалы, указатели. М., 1978.
68. Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / Публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6.
69. *Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид, 1965.
70. *Е.Д. и В.Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. 31.12. № 46.
71. *Зайончковский А.М.* Восточная война, 1853–1856: В 2 т. Т. II, ч. I. СПб., 2002.
72. Зарождение Добровольческой армии. М., 2001.
73. Из дневника ген. В. И. Селивачева / Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.—Л.). 1925. Т. 2 (9); Т. 3 (10).
74. Из истории Гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 2: Март 1919 — февраль 1920. М., 1961.
75. Красная книга ВЧК: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
76. Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010.
77. *Лацис (Судрабс) М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920.
78. *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.
79. *Ленин В.И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987.

80. *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
81. *Окулова-Теодорович Г.И.* Большевистские комиссары // Этих дней не смолкнет слава: Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958.
82. *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2: 1919–1920 гг. Париж, 1964.
83. *Панов А.* В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7.
84. Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000.
85. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998.
86. Пятьдесят лет верности России. 1917–1967 / Изд. марковцев-артиллеристов. Париж, 1967.
87. *Раунах Р.Р., фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007.
88. Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.
89. Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797–2007. М., 2011.

90. Сборник приказов РВСР по личному составу армии. 1920 г.
91. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. М., 2005.
92. *Селивачев В. И.* Японо-Русская война. Петровцы на Путиловской сопке: (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905.
93. *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. М., 2009.
94. *Скоропадський П.* Спогади. К.; Філадельфія, 1995.
95. *Соломон Г. А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007.
96. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.) / Публ. О. Н. Копыловой, Т. И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2010. № 4.
97. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914.
98. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.
99. *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924.
100. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2001.
101. *Троцкий Л.* Сталин: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
102. *Чарнецкий С. Е.* История 179-го пехотного Усть-Двинского полка. 1711–1811–1911 гг. СПб., 1911.

103. Честь офицеров: Записки и дневник участников Белого движения / Сост. М. И. Першин. М., 2010.
104. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.
105. Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.
106. The Trotsky papers 1917–1922 / Edited and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1: 1917–1919. L.; Hague; P., 1964.

Литература

107. Автократов В. Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1.
108. Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы / Сост. А. А. Тизенгаузен, С. Б. Патрикеев. СПб., 2010.
109. Бовкало А. А. Беляевы — жители Аптекарского острова // История Петербурга. 2002. № 2 (6).
110. Богучарцы: К истории 40-й Богучарской дивизии. В обработке М. Борисова; под общ. ред. В. Н. Алексева. Воронеж, 1933.
111. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
112. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.
113. Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10.

114. *Ганин А. В.* Казачество России в Гражданской войне // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008.
115. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
116. *Ганин А. В.* Саквояж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2.
117. *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.
118. Герои гражданской войны: Книга о москвичах — участниках боевых сражений: Сб. М., 1974.
119. *Голдин В. И.* Лихолетье: Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
120. Гражданская война 1918–1921: В 3 т. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930.
121. Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2: Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М., 1986.
122. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
123. *Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003.
124. Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.

125. *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
126. История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
127. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
128. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: В 2 т. Т. 2: 1919–1920 гг. М., 1990.
129. *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
130. *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6.
131. *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. Т. 3: 1881–1915 гг. М., 1994.
132. *Керсновский А. А.* История русской армии. В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М., 1994.
133. *Коротков А. В.* Военные архивы в первые годы Советской власти (1918–1921 гг.) // Советские архивы. 1990. № 4.
134. *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.
135. *Кручинин А. С.* «Нужно писать правду...» (Военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.
136. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.

137. *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000.
138. *Михутина И. В.* Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды: Сб. ст. М., 2009.
139. *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны: (История изучения). М., 1980.
140. *Рутыч Н.* Биографический справочник // Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.
141. *Софинов П. Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960.
142. *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000.
143. Трагедия казачества: (Очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III: (Июнь — декабрь 1919 г.). Париж, 1936.
144. *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро // Белое движение: Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... / Сост. А. С. Кручинин. М., 2003.
145. *Mawdsley E.* The Russian Civil war. Edinburgh, 2008.

Документы о гибели В.И. Селивачева

(РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 31, 31об.; Д. 275. Л. 3, 12, 12об., 22, 23).

Кому Команд'юниц Оперативна

191 г. 16 Сентав м.бс. час. м.

№ 22/ек.

Мѣсто отправленія Костомарово

Карга въ дюймѣ.

Через штаб 33 дивизии.
В. СРОЧНО

Получил Командующий
тыльным фронтом ⁰⁰⁰³¹ командир
группы 8 и 13 артил
ли Владимир Иванов
Сервисаев при переезде
с Владимиро 8 из Тоброва
с Остроужек заборел
в Костомаровке ^{13-го Сентавр}
столкновениеми книженными
заборелавшим подозрите
льностью по горере тоже.
Состояние здоровья вну
шайи опасения тоже

Получено м.бс. час. м.

Вх. №

Оперативная втс вра-
 Команд'юму ктй опередн
 2) Главкому
 191 № 9 17 Сент. 23 3
 М'есто управления Костомаровка
 Карта < 10 > в'ь д'юйм'.

По команд'юму Владимиру
 Ивановичу Семивачев заболел
 в селе Костомаровке на дому
 13 сентября остро-желудоч-
 ными кишечными заболеваниями
 подозрительными по характеру
 скончался 17 сентября
 в 23 часа точка

Предать земле будет в
 селе Костомаровка точка

Составил при Команд'юму
 Генштаба Нерколовъ

Получено < > м'ес. < > час. < > м.
 Вх. № < >

Командование 80й ар-
мией вновь передано
г-ву Райдайскому также
Состоявший при Ком-
андире
Сентябрь 1940г.

Кому Председателю Цеполкома
села Костомаровна
191 г. 19 Сентяб. мѣс. 10 час. 12 ч.
№ 35
Мѣсто отправления Костомаровна
Карта въ дюймѣ.

Свободнымъ тѣмъ Началь-
нику Штаба Ушаки тѣмъ Кель-
подое А. Сели и Кель-
ею Екшера Карповна
Свободнымъ утромъ в 9^{ти} час
в квартире у себя не
обнаружены. Вещи в
разрѣтомъ внос, какъ пофѣ-
мед и др. назовишь в
комнатѣ. Изъ разбирательствъ
вотъ видно, что они
будутъ-онъ на квартире

Получено мѣс. час. ч.

Вх. №

не котовари.

Предлагаем принять
меру и внаемном из
место покупки и
автоматически немедленно в
итаб. 8 а. р.

Ввиду цены, одна
ручка в квартале
Вручье ранее в итаб
8 а. р.

Коринтеанский и Теодор
Два поручения при
научающие М. В. М. М.
А. М. М. М.
Препод. М. М. М. М. М.
в 35 перуша

Кому

Колледакскому Штра

22

191

г.

№ 9 М. Сели

м.бс.

час.

м.

№

Место отправления

Давлово

Карта

въ дюймѣ.

При Селі представляю
 Створе твоя (и зми
 змова и дома и змова
 Вещей Криво Намтарам
 з тов Келоводова —
 Сопасно приказали
 Намтарам тов Маралова
 прииму и приймаю
 Дав по рече при
 Намтарам тов Маралова
 В моими вещами оталеу
 одан. Келоводова тамодалова
 откратити тов Келоводова

Получено

м.бс.

час.

м.

Вх. №

Кому

Генералу штаба
гв. полка

В

191 г. < > мѣс. < > час. < > м.

№

246

Мѣсто отправления Св. Родовица

Карта < > въ доймѣ.

Полковникъ, командующій
в гвардейскомъ полку
Нерсисовъ по приказу
Замеса Намтарма тов.
отправилъ въ распоря-
женіе в его распоря-
женіе.

Верховой
въ изданіи (командованъ)
~~полковником~~ тов. (разрешаетъ)
с разрешеніемъ Намтарма

Данъ повеленіи при
Намтарме 8

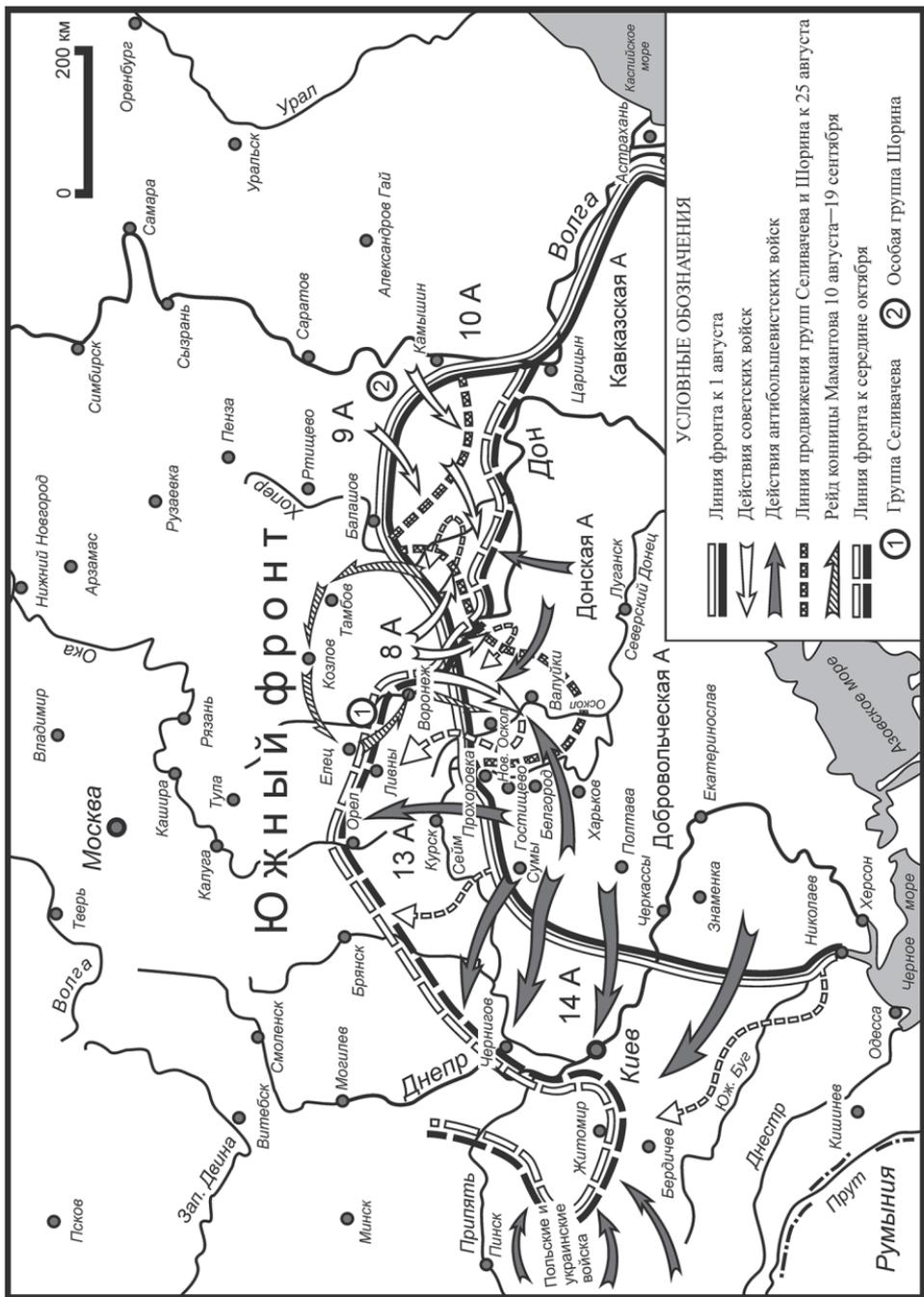
Т. М. М. М.

Получено < > мѣс. < > час. < > м.

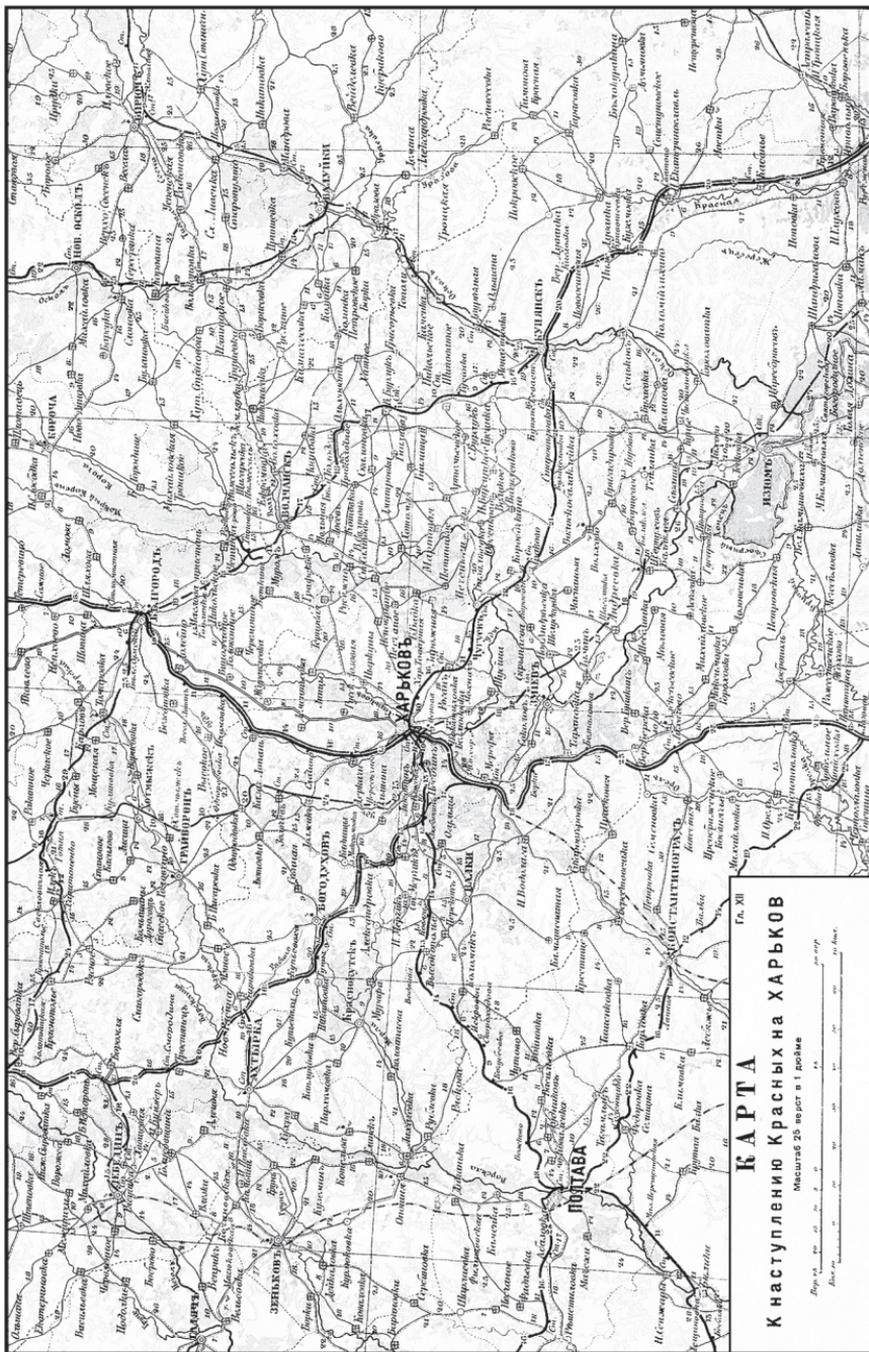
Вх. №

Карты

1. Южный фронт РСФСР в августе—сентябре 1919 г.
2. Наступление группы В.И. Селивачева на Южном фронте и его неудача
3. Район наступления группы В. И. Селивачева.
Источник: *Гражданская война 1918–1921: В 3 т. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930.*



1. Южный фронт РСФСР в августе—сентябре 1919 г.



3. Район наступления группы В.И. Селивачева.

Список сокращений

вр.и.д.— временно исполняющий должность

ВСЮР— Вооруженные силы на Юге России

ВЧК— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией и саботажем

г.— год, город

ГА РФ— Государственный архив Российской Федерации

главком— главнокомандующий

ГУАД— Главное управление архивным делом

д., дер.— деревня

и.д.— исполняющий должность

командарм— командующий армией

комкор— командующий корпусом

КУВНАС— Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава

Наркомпрос— Народный комиссариат просвещения РСФСР

начдив— начальник дивизии

наштакор— начальник штаба корпуса

наштарм— начальник штаба армии

ОКДВА— Особая Краснознаменная Дальневосточная армия

оперод — оперативный отдел

п/с — послужной список

РВС — Революционный военный совет

РВСР — Революционный военный совет Республики

РГВА — Российский государственный военный архив

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика

с. — село

с.г. — сего года

СНК — Совет народных комиссаров

ст. — старшинство, степень

штадив — штаб дивизии

шгарм — штаб армии

НИА — Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, Stanford University)

Содержание

Олег Хлестов. Сохранивший верность России	3
Введение	8
Глава 1. В старой армии	13
Глава 2. Генерал и революция	96
Глава 3. Безвременье	116
Глава 4. Южный фронт	134
Глава 5. Группа Селивачева	143
Глава 6. Крах операции	171
Глава 7. Загадка смерти Селивачева	180
Глава 8. Разгром 8-й армии	198
Глава 9. Судьба семьи Селивачева после Гражданской войны	208
Заключение	216
Приложения	221
Источники и литература	285
Документы о гибели В.И. Селивачева	301
Карты	311
Список сокращений	316

Ганин Андрей Владиславович

Последние дни генерала Селивачева
Неизвестные страницы Гражданской войны
на Юге России

В авторской редакции

Художественное оформление: С. М. Субботина

Компьютерная верстка: С. М. Субботина

Корректоры: Н. С. Самбу, О. В. Эдельман

Издательство «Кучково поле»

123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 2559349; (499) 2559622.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 10.09.2012. Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 16,8. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 535380, 621036.

E-mail: pto@gipp.kirov.ru

www.gipp.kirov.ru

ISBN 9785995002505



9 785995 002505

